ОБЩИНА

и

ГОСУДАРСТВО

Двѣ Статьи

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

съ предисловіемъ издателей

Изданіе журнала „Набатъ“

ЖЕНЕВА

1877

ОБЩИНА

и

ГОСУДАРСТВО

Двѣ Статьи

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ИЗДАТЕЛЕЙ

Изданіе журнала „Набатъ“

ЖЕНЕВА

1877

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Противъ насъ соціалистовъ - революціонеровъ, государственниковъ, ополчаются обыкновенно, не только невѣжественные „мудрецы“, рыцари мирнаго прогресса, сторонники черепашьей постепенности, исконные враги всякаго революціоннаго движенія, всякаго насильственнаго переворота, противъ насъ ополчаются наши собственные союзники и соратники, революціонеры-анархисты. Невѣжественные мудрецы, огородивъ себя какими то неизмѣнными законами историческаго развитія и вообразивъ будто они-то и суть настоящіе представители и самые безпристрастные толкователи науки, съ комическимъ высокомѣріемъ уличаютъ насъ въ незнаніи самыхъ элементарныхъ истинъ этой ихъ науки. „Вы сами не знаете, чего хотите, говорятъ они намъ. Развѣ возможно измѣнить вѣчные законы историческаго развитія общества? Въ силу этихъ законовъ, общество должно постоянно переходить отъ худшаго состоянія къ лучшему, отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному. Въ этомъ его поступательномъ движеніи по пути прогресса не можетъ быть никакихъ скачковъ, никакихъ salto mortale; оно движется медленно и постепенно,

и никакія насильственныя мѣры, никакія революціонные coup d'etat не въ силахъ перетащить его съ низшей ступени развитія на высшую, минуя ступени посредствующія. Это элементарная истина общественной науки, это основной законъ, одинаково приложимый какъ къ исторіи развитія общества, такъ и къ исторіи развитія всей природы. Если бы вы были хоть вполовину также умны и образованы какъ мы, вы сами не замедлили бы въ этомъ убѣдиться. Учитесь же, постарайтесь поумнѣть, и вы бросите ваши революціонныя бредни, ваши фантастическія теоріи „насильственныхъ переворотовъ", вы со стыдомъ сознаетесь, что въ основѣ всѣхъ этихъ бредней и теорій лежало ваше грубое, ваше ребяческое невѣжество."

Наши соратники, наши друзья (да, они все таки наши друзья, хотя они хотятъ видѣть въ насъ своихъ враговъ), революціоперы-анархисты, осыпаютъ насъ, съ своей стороны, упреками не менѣе деликатнаго свойства. Они тоже говорятъ намъ, что мы сами не знаемъ чего хотимъ, и что въ основѣ нашей программы лежитъ или грубое невѣжество или наглое лицемѣріе. „Цѣль соціальной революціи, говорятъ они и говорятъ совершенно справедливо, освобожденіе человѣка отъ тѣхъ экономическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ путъ, которыя связываютъ его при современномъ исторически сло-

жившемся порядкѣ вещей; уничтоженіе всякой эксплуатаціи, въ какой бы формѣ она не проявлялась; свободное развитіе личности, направленное къ полному удовлетворенію ея матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ потребностей,—и всего этого вы хотите достигнуть при помощи государства. Развѣ это не безсмыслица? Возможно ли осуществить равенство принужденіемъ, добиться свободы личности путемъ насилія, уничтожитъ эксплуатацію эксплуатаціей? Ваше государство всесильное и всемогущее, перестраивающее народный бытъ по своимъ идеаламъ, вмѣшивающееся въ частную жизнь людей, регулирующее ихъ экономическіе и нравственные интересы подавитъ всякую личную иниціативу, убьетъ всякую общественную самостоятельность, превратитъ общество въ толпу жалкихъ и безсмысленныхъ рабовъ! Нѣтъ, ваше средство гнусно и возмутительно: оно только отдалитъ насъ отъ осуществленія нашихъ соціальныхъ идеаловъ, оно создастъ деспотизмъ еще худшій, чѣмъ тотъ, съ которымъ боремся.“

Какъ ни противуположны, по видимому, исходныя точки и конечные идеалы защитниковъ мирнаго и постепеннаго прогресса и революціонеровъ анархистовъ, однако въ ихъ возраженіяхъ противъ насъ гораздо болѣе общаго, чѣмъ, быть можетъ, они сами это предполагаютъ. Чтобы убѣдиться въ

этомъ всего лучше взять какой нибудь конкретный примѣръ. Однимъ изъ наиболѣе убѣдительныхъ примѣровъ, можетъ служить вопросъ о русской общинѣ.

Полтора десятка лѣтъ тому, вопросъ этотъ подвергался впрочемъ обсужденію въ нашей литературѣ; и доводы, которые тогдашніе противники общины противупоставляли ея защитникамъ, имѣютъ паразительную аналогію съ тѣми аргументами, которые приводятся теперь противъ насъ нашими врагами и нашими друзьями. „Русская община, говорили они, есть одинъ изъ устарѣлыхъ остатковъ первобытнаго общежитія; мы находимъ ее подъ тою или другою формою у всѣхъ народовъ, только что выступающихъ на путь экономическаго прогресса. По мѣрѣ того, какъ они двигались впередъ по этому пути, общинная форма неизбѣжно вытѣснялась другою формою, формою частнаго, личнаго землевладѣнія. Личное землевладѣніе есть вторая стадія экономическаго развитія общества; за этою второю стадіею могутъ послѣдовать другія высшія стадіи, болѣе совершенные способы землевладѣнія. Но, во всякомъ случаѣ, чтобы достигнуть этихъ болѣе совершенныхъ формъ, этихъ высшихъ стадій, необходимо перейдти вторую стадію, необходимо пережить форму частнаго землевладѣнія. Это необходимо потому, что общественное развитіе,

какъ природа, не терпитъ скачковъ. Оно требуетъ послѣдовательности и постепенности. Слѣдовательно, отстаивать русскую общину, значитъ, отстаивать экономическую косность, задерживать правильный ходъ общественнаго развитія, отдалять моментъ практическаго осуществленія высшихъ болѣе разумныхъ и болѣе совершенныхъ формъ землевладѣнія.“

Какъ видите, это, въ сущности, тотъ же самый аргументъ, который приводится обыкновенно сторонниками мирнаго прогресса противъ насъ соціалистовъ-революціонеровъ.

Защитники общины, если они хотѣли восторжествовать надъ своими противниками, не могли оставить ихъ безъ отвѣта. И дѣйстаительно, Чернышевскій, въ одной изъ лучшихъ своихъ статей по вопросу объ общинѣ, въ своей критикѣ философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія, подвергъ его самому подробному анализу. Рядомъ поразительныхъ примѣровъ и для каждаго очевидныхъ азбучныхъ истинъ, онъ доказалъ всю нелѣпость, лживость и ненаучность *предубѣжденія*, предполагающаго, будто и общественныя учрежденія должны у каждаго народа необходимо проходить всѣ логическіе моменты развитія. Онъ доказалъ, что люди, рѣшающіеся высказывать подобное положеніе, не только круглыя невѣжды, но, что они незнакомы даже съ самымъ элементарнымъ

пріемомъ логики. Послѣ его блистательной критики защитникамъ „черепашьяго шага“, рыцарямъ „постепенности“ ничего болѣе не оставалось, какъ посыпать главу свою пепломъ и смиренно сознаться въ своемъ невѣжествѣ или своей глупости. Однако же они имѣютъ дерзость снова приводить противъ насъ аргументъ, лживость котораго имъ была доказана съ очевидностью дважды два—четыре.

Очевидно, они забыли урокъ, данный имъ Чернышевскимъ. Мы должны напомнить имъ его. Пусть они снова прочтутъ критику своихъ (изъ деликатности названныхъ Чернышевскимъ, *философскими*) предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія. При всей своей несообразительности они, надѣемся, поймутъ, что въ этой критикѣ заключается и критика ихъ предубѣжденій противъ теоріи насильственныхъ революцій вообще.

Если община изъ той первобытно патріархальной стадіи развитія, на которой она стоитъ у насъ въ Россіи, можетъ быть прямо и непосредственно переведена на высшую ступень своего развитія (на которой она теряетъ свой патріархальный характеръ и превращается въ *общину-коммуну*), то очевидно, тоже самое можно сказать и относительно всѣхъ другихъ общественныхъ учрежденій, а слѣдовательно, относительно всего даннаго соціальнаго порядка вообще.

Противъ этаго, конечно, никто не станетъ спорить. Весь вопросъ только въ томъ, когда и при какихъ условіяхъ возможенъ этотъ *ускоренный* процессъ общественнаго развитія, этотъ скачекъ общества съ низшей ступени общественности на высшую, минуя промежуточныя ступени?

По мнѣнію Чернышевскаго, ускоренный процессъ общественнаго развитія имѣетъ мѣсто каждый разъ въ томъ случаѣ, когда отсталый народъ подвергнется вліянію передоваго народа. Такъ напримѣръ, онъ говоритъ: „ново-зеландцы, подъ вліяніемъ англичанъ, прямо отъ той свободной торговли, которая существуетъ у дикарей, переходятъ къ принятію политико-экономическихъ понятій о томъ, что свободная торговля — наилучшее средство къ оживленію ихъ промышленной дѣятельности, минуя протекціонную систему, которая нѣкогда казалась англичанамъ необходимою для поддержки промышленной дѣятельности.“ (стр. 43.)

Но если отсталый народъ можетъ перейти, подъ вліяніемъ передоваго народа, изъ низшей стадіи общественнаго развитія въ высшую, минуя среднія степени, — то, очевидно, тотъ же фактъ долженъ повториться и въ томъ случаѣ, когда *передовая часть* народа, т. е. его умственно и нравственно развитое *меньшинство*, подчинитъ своему вліянію его *остальную часть*, т. е. его невѣжественное и

нравственно забитое *большинство.* Иными словами, если среди народа, стоящаго на низшей ступени общественности, существуетъ группа людей, усвоившая себѣ высшіе, болѣе разумные идеалы общественности, и если эта группа, въ силу какихъ ни будь счастливыхъ обстоятельствъ, получила возможность вліять на остальное общество, — то этому обществу не будетъ надобности переходить всѣ тѣ фазисы историческаго развитія, которые пережили народы, выработавшіе идеалы, усвоенные его передовыми людьми; оно можетъ непосредственно перейти къ такому общественному состоянію, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ этимъ идеаламъ. И само собою понятно, что чѣмъ сильнѣе, чѣмъ дѣйствительнѣе будетъ вліяніе народнаго меньшинства на остальное большинство, тѣмъ скорѣе и тѣмъ легче общество будетъ въ состояніи перескочить съ низшей ступени своего развитія на высшую. Вліяніе же это очевидно будетъ тѣмъ сильнѣе и тѣмъ дѣйствительнѣе, — чѣмъ больше участія въ дѣлахъ общественнаго управленія будетъ предоставлено передовымъ людямъ страны; оно достигнетъ высшей степени напряженности, если этимъ людямъ удастся захватить въ свои руки все управленіе, т. е. сдѣлаться *государственною властью.*

Такимъ образомъ, для осуществленія непосред-

ственнаго перехода общества вообще, или какого нибудь общественнаго учрежденія въ частности (напр. общины), изъ низшей стадіи общественнаго развитія въ высшую, необходимо *вмѣшательство государства*, руководимаго и направляемаго людьми усвоившими себѣ идеалы, соотвѣтствующіе этой высшей стадіи.

Таковъ выводъ, логически вытекающій изъ положеній автора „Критики философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія“. Чернышевскій хорошо зналъ своихъ противниковъ. Онъ едва ли ни лучше ихъ самихъ былъ знакомъ съ несложнымъ арсеналомъ ихъ софистической аргументаціи. Сбитые съ своей якобы научно-философской позиціи, — они обыкновенно ударялись въ пошлый либерализмъ буржуазныхъ доктринеровъ. „Вмѣшательство государства въ общественныя отношенія, переустройство общества путемъ государственной регламентаціи, — фи, какъ это возможно! Вы проповѣдуете деспотизмъ, вы уничтожаете личную свободу, вы отдаете самыя священныя права человѣка на произволъ государства, вы хотите свой ограниченный умъ поставить судьею народной жизни и передѣлать ее по вашимъ теоріямъ и т. д., и т. д. Однимъ словомъ точь въ точь то самое, что говорятъ теперь намъ наши друзья анархисты.

Если первый аргументъ противниковъ общиннаго

владѣнія могъ ослѣпить неопытный глазъ своею кажущеюся научностью, — то второй аргументъ ослѣпляетъ его своимъ кажущимся свободолюбіемъ и гуманностью. Какіе, въ самомъ дѣлѣ, свободолюбивые и гуманные люди! „Мы хотимъ, говорятъ они, чтобы экономической дѣятельности отдѣльнаго лица была предоставлена совершенная свобода; безусловная свобода личности — есть верховный принципъ общества; идеалъ же государственной дѣятельности есть нуль, и чѣмъ ближе оно можетъ подойти къ этому идеалу, тѣмъ лучше для общества.“ (Развѣ нынѣшніе анархисты не говорятъ то же самое?)

Но Чернышевскій, на бѣду своимъ противникамъ, не подкупился лавочнымъ либерализмомъ ихъ теоріи. Къ ихъ анти-государственнымъ стремленіямъ онъ отнесся съ тою же скептическою подозрительностью, съ какою онъ раньше отнесся къ ихъ псевдо-философскимъ умствованіямъ, — и въ статьѣ „Экономическая дѣятельность и Законодательство“, онъ разбилъ ихъ аргументъ отъ либерализма столь же побѣдоносно какъ въ статьѣ „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія“ — разбилъ ихъ аргументъ отъ философіи. Онъ снялъ съ нихъ ихъ либеральную маску и подъ нею оказалась гнусная рожа жандарма: онъ обернулъ медаль съ великолѣпными на ней слова-

ми: „священное право личности“, „неприкосновенность человѣческой свободы“, и т. п. — и на ея оборотной сторонѣ открылъ другія надписи: „эксплоатація слабаго сильнымъ“, „безграничная конкурренція“, „рабство рабочаго“, „хищничество хозяина“ и т. д. Онъ доказалъ съ свойственной ему ясностью и неопровержимою логичностью, что *анархія*, т. е. ликвидація государства, при настоящихъ условіяхъ человѣческой цивилизаціи, — есть одна изъ самыхъ нелѣпѣйшихъ и неосуществимѣйшихъ утопій; необходимость государства, по его мнѣнію, вытекаетъ изъ несоразмѣрности человѣческихъ потребностей со средствами ихъ удовлетворенія (стр. 99.), а потому оно можетъ быть устранено лишь тогда, когда будетъ уничтожена послѣдняя. Но послѣдняя (т. е. несоразмѣрность средствъ съ потребностями) уничтожится лишь тогда, когда общество перейдетъ въ высшую фазу своего развитія, когда человѣкъ окончательно подчинитъ себѣ внѣшнюю природу „передѣлаетъ все на землѣ сообразно со своими потребностями, отвратитъ или обуздаетъ всѣ невыгодныя дла себя проявленія ея силъ и воспользуется до чрезвычайной степени всѣми тѣми силами, которыя могутъ служить ему въ пользу“ (ib), — когда, наконецъ, онъ передѣлаетъ свою собственную природу, уничтоживъ всѣ существующія въ ней дисгармоніи,

ненормальности и противурѣчія. Все это, разумѣется, можетъ осуществиться лишь въ очень отдаленномъ будущемъ. Отъ насъ однакоже будетъ зависѣть приблизить это будущее: для этого нужно только *ускорить* процессъ общественнаго развитія; ускориться же онъ можетъ лишь тогда, когда передовое меньшинство получитъ возможность подчинить своему вліянію остальное большинство, т. е., когда оно захватитъ въ свои руки государственную власть.

„Первое правило государственности, справедливо говоритъ Чернышевскій, принимать въ соображніе факты". Однимъ же изъ самыхъ несомнѣнныхъ фактовъ общественной жизни является тотъ фактъ, что государство въ настоящее время обладаетъ огромною силою. Пользуясь этою силою для осуществленія нашихъ идеаловъ, мы заранѣе обезпечиваемъ себѣ успѣхъ, — мы упрочиваемъ свое вліяніе на большинство. Игнорируя ее, или пытаясь ее ослабить или разрушить, — мы ставимъ себя внѣ всякой возможности содѣйствовать ускоренію процесса общественнаго развитія.

Послѣ всего сказаннаго, едвали есть надобность пояснять почему мы остановили нашъ выборъ на предлагаемыхъ здѣсь двухъ статьяхъ Чернышев-

скаго и почему мы нашли удобнымъ соединить ихъ въ одну брошюру. Обѣ онѣ взаимно другъ друга пополняютъ. Первая — указываетъ на возможность и необходимость перехода нынѣшней первичной, эмбріональной формы общиннаго землевладѣнія, — въ высшую, болѣе совершенную форму. Вторая — опредѣляетъ то практическое средство, при помощи котораго переходъ этотъ можетъ осуществиться.

Кромѣ того, и въ той и въ другой анализируются и побѣдоносно опровергаются тѣ два главныхъ возраженія, которыя обыкновенно выставляются противъ насъ нашими друзьями — анархистами и нашими врагами — прогрессистами. Тѣсная зависимость, существующая между ними, лучше всего опредѣляетъ логическій смыслъ обѣихъ статей.

ИЗДАТЕЛИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

КРИТИКА

ФИЛОСОФСКИХЪ ПРЕДУБѢЖДЕНІЙ

ПРОТИВЪ

ОБЩИННАГО ВЛАДѢНІЯ

КРИТИКА ФИЛОСОФСКИХЪ ПРЕДУБѢЖДЕНІЙ

ПРОТИВЪ

Общиннаго Владѣнія

Wie weh', wie weh', wie wehe.
Gœthe. «Faust.»

Первобытность общиннаго поземельнаго владѣнія свидѣтельствуетъ ли противъ предпочтенія его личной поземельной собственности? — Необходимо ли у каждаго народа каждому учрежденію проходить всѣ логическіе моменты развитія?

Прежде нежели вопросъ объ общинѣ пріобрѣлъ практическую важность съ начатіемъ дѣла объ измѣненіи сельскихъ отношеній, русская община составляла предметъ мистической гордости для исключительныхъ поклонниковъ русской національности, воображавшихъ, что ничего подобнаго нашему общинному устройству не бывало у другихъ народовъ и что оно такимъ образомъ должно считаться прирожденною особенностью русскаго или славянскаго племени, совершенно въ томъ родѣ, какъ напр. скулы болѣе широкія, нежели у другихъ европейцевъ, или языкъ, называющій мужа — мужъ, а не mensch, homo или l'homme и имѣющій семь падежей, а не шесть, какъ въ латинскомъ, и не пять, какъ въ гречес-

комъ. Наконецъ, люди ученые и безпристрастные показали, что общинное поземельное устройство въ томъ видѣ, какъ существуетъ теперь у насъ, существуетъ у многихъ другихъ народовъ, еще не вышедшихъ изъ отношеній, близкихъ къ патріархальному быту, и существовало у всѣхъ другихъ, когда они были близки къ этому быту. Оказалось, что общинное владѣніе землею было и у нѣмцевъ, и у французовъ, и у предковъ англичанъ, и у предковъ итальянцевъ, словомъ сказать, у всѣхъ европейскихъ народовъ; но потомъ, при дальнѣйшемъ историческомъ движеніи, оно мало по малу выходило изъ обычая, уступая мѣсто частной поземельной собственности. Выводъ изъ этого ясенъ. Нечего намъ считать общинное владѣніе особенною прирожденною чертою нашей національности, а надобно смотрѣть на него какъ на общечеловѣческую принадлежность извѣстнаго періода въ жизни каждаго народа. Сохраненіемъ этого остатка первобытной древности гордиться намъ тоже нечего, какъ вообще никому не слѣдуетъ гордиться какою бы то ни было стариною, потому что сохраненіе старины свидѣтельствуетъ только о медленности и вялости историческаго развитія. Сохраненіе общины въ поземельномъ отношеніи, исчезнувшей въ этомъ смыслѣ у другихъ народовъ, доказываетъ только, что мы жили гораздо меньше, чѣмъ эти народы. Такимъ образомъ оно со стороны хвастовства передъ другими народами никуда не годится.

Такой взглядъ совершенно правиленъ; но вотъ наши и заграничные экономисты устарѣлой школы вздумали вывесть изъ него слѣдующее заключеніе: „Частная поземельная собственность есть позднѣйшая форма, вытѣснившая собою общинное владѣніе, оказывавшееся несостоятельнымъ передъ нею при историческомъ развитіи общественныхъ отношеній; и такъ мы, подобно другимъ народамъ, должны покинуть его, если хотимъ идти впередъ по пути развитія“.

Это умозаключеніе служитъ однимъ изъ самыхъ коренныхъ и общихъ основаній при отверженіи общиннаго вла-

дѣнія. Едва ли найдется хотя одинъ противникъ общиннаго владѣнія, который не повторялъ бы вмѣстѣ со всѣми другими: „Общинное владѣніе есть первобытная форма поземельныхъ отношеній, а частная поземельная собственность — вторичная форма; какъ же можно не предпочитать высшую форму низшей ?“ Намъ тутъ странно только одно: изъ противниковъ общиннаго владѣнія многіе принадлежатъ къ послѣдователямъ новой нѣмецкой философіи; одни хвалятся тѣмъ, что они шеленгисты, другіе твердо держатся Гегелевской школы; и вотъ о нихъ то мы и недоумѣваемъ. какъ не замѣтили они, что, налегая на первобытность общиннаго владѣнія, они выставляютъ именно такую сторону его, которая должна чрезвычайно сильно предрасполагать въ пользу общиннаго владѣнія всѣхъ, знакомыхъ съ открытіями нѣмецкой философіи относительно преемственности формъ въ процессѣ всемірнаго развитія; какъ не замѣтили они, что аргументъ, ими выставляемый противъ общиннаго владѣнія долженъ напротивъ свидѣтельствовать о справедливости мнѣнія, отдающаго общинному владѣнію предпочтеніе передъ частною поземельною собственностью, ими защищаемою.

Мы остановимся довольно долго надъ слѣдствіями, къ какимъ должна приводить первобытность, признаваемая за извѣстною формою, потому что, по странной недогадливости, именно эта первобытность служила, какъ мы сказали, однимъ изъ самыхъ любимыхъ и коренныхъ аргументовъ нашихъ противниковъ.

Мы не послѣдователи Гегеля, а тѣмъ менѣе послѣдователи Шеллинга; но мы не можемъ не признать, что обѣ эти системы оказали большія услуги наукѣ раскрытіемъ общихъ формъ, по которымъ движется процессъ развитія. Основной результатъ этихъ открытій выражается слѣдующею аксіомою, „по формѣ высшая степень развитія сходна съ началомъ: отъ котораго она отправляется“. Эта мысль заключаетъ въ себѣ коренную сущность шеллинговой системы; еще точнѣе и подробнѣе раскрыта она Гегелемъ, у котораго вся систе-

ма состоитъ въ проведеніи этого основнаго принципа чрезъ всѣ явленія міровой жизни отъ ея самыхъ общихъ состояній до мельчайшихъ подробностей каждой отдѣльной сферы бытія. Для читателей, знакомыхъ съ нѣмецкою философіею, послѣдующее наше раскрываніе этого закона не представитъ ничего новаго; оно должно служить только къ тому, чтобы выставить въ полномъ свѣтѣ непослѣдовательность людей, не замѣчавшихъ, что даютъ оружіе сами противъ себя, когда налегаютъ съ такою силою на первобытность формы общиннаго владѣнія.

Высшая степень развитія по формѣ сходна съ его началомъ,—это мы видимъ во всѣхъ сферахъ жизни. Начнемъ съ самой общей формы процесса бытія на нашей планетѣ. Газообразное и жидкое состояніе тѣлъ,—вотъ исходная точка, отъ которой пошло впередъ образованіе нашей планеты и жизни на ней. Великимъ шагомъ впередъ было згущеніе газовъ и отвердѣніе жидкостей въ минеральныя породы. Въ благородныхъ металлахъ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ планетный процессъ дошелъ до совершенства въ этомъ направленіи.

Сравните вѣковую неразрушимость и чрезвычайную плотность золота и платины, еще большую неразрушимость и страшную крѣпость рубина и алмаза съ шаткостью формы, съ быстрымъ процессомъ химическихъ измѣненій въ газѣ и жидкости, вы увидите двѣ противуположныя крайности. Но что же за тѣмъ? Истощилась ли жизнь природы достиженіемъ крайней прочности, плотности и неподвижности въ минеральномъ царствѣ? Нѣтъ, мало по малу на минеральномъ царствѣ возникаетъ растительное. Съ одного шага, природа отъ страшной плотности минераловъ возвращается къ меньшей плотности жидкостей. Мало этого сходства въ удѣльномъ вѣсѣ: минеральное основаніе дерева (обнаруживающееся пепельнымъ остаткомъ по его разложеніи) принимаетъ въ соединеніе съ собой очень значительную массу матеріи въ жидкомъ состояніи: все дерево проникнуто жидкимъ сокомъ, который и составляетъ двигателя его жизни. Но отъ неподвижности

минеральнаго царства осталась въ деревѣ неподвижность на мѣстѣ, которое разъ занято цѣлымъ организмомъ, и неизмѣнность въ расположеніи частей, какое разъ приняли онѣ однѣ относительно другихъ. Внѣшняя форма дерева также тверда; она только нечувствительно расширяется временемъ въ объемѣ, но за этимъ исключеніемъ сохраняетъ одно и тоже очертаніе. Природа вступаетъ въ новый фазисъ развитія, за растительнымъ царствомъ производитъ животное, и этимъ шагомъ она еще приближается къ формамъ бытія, предшествовавшимъ минеральному царству. Въ организмѣ животнаго жидкіе элементы занимаютъ еще гораздо больше мѣста, нежели въ растеніи. Они даже достигаютъ самостоятельнаго отдѣленія отъ твердыхъ частей, огромными массами собираясь въ жилахъ, въ сердцѣ, въ желудкѣ и другихъ резервуарахъ животнаго организма. Твердая основа, которая въ растеніи представлялась на первомъ планѣ въ животномъ отступаетъ во внутрь, облекаясь мягкими покровами мяса и жира; теряя наружное значеніе, она теряетъ и ту центральную важность, какую имѣла въ деревѣ, гдѣ все до самой сердцевины было твердо: въ животномъ центральныя части, важнѣйшія по своему значенію для организма, также не тверды, какъ и наружные покровы остова; твердый остовъ удерживается единственно какъ опора для мягкихъ частей. Мало того, что жидкость изгнала минеральную твердость изъ центральныхъ органовъ: въ эти органы проникли газы; животный организмъ наполненъ воздухомъ, значительными массами, сосредоточивающимися въ двухъ основныхъ органахъ центральной жизни, — въ легкихъ и желудкѣ. Отъ минеральнаго царства въ растеніи сохранилось постоянство внѣшней формы; въ животномъ наружныя очертанія постоянно измѣняются отъ непрерывной смѣны разныхъ положеній тѣла. Не осталось и неподвижности цѣлаго организма на одномъ мѣстѣ: какъ частицы воды по закону тяготѣнія и подъ ударами волнъ атмосферы вѣчно движутся съ мѣста на мѣсто, такъ и животный организмъ вѣчно дви-

жется съ мѣста на мѣсто. Животная жизнь становится все интенсивнѣе и интенсивнѣе, проходя отъ лѣниваго молюска, почти прикованнаго къ мѣсту, черезъ высшія формы организма до млекопитающихъ, она достигаетъ своего зенита въ человѣкѣ. Въ чемъ же состоятъ матеріальныя отличія этого высшаго животнаго организма отъ низшихъ? Въ человѣкѣ гораздо болѣе развита нервная система и особенно головной мозгъ. Что же эта за масса, развитіе которой составляетъ вѣнецъ стремленій природы? Масса мозга нѣчто такое неопредѣленное по своему виду, что какъ будто бы уже составляетъ переходъ отъ мускуловъ, имѣющихъ столь опредѣлительныя качества по своей формѣ и внутреннему составу, къ какому-то полужидкому киселю въ родѣ тѣхъ, которыми начинается превращеніе неорганической матеріи въ органическую. Этотъ безформенный кисель сохраняетъ извѣстное очертаніе только потому, что удерживается внѣшними костяными оградами; освободившись отъ нихъ, онъ расплывается будто кусокъ жидкой грязи.

Въ его химическомъ составѣ самый характеристичный элементъ, — это фосфоръ, имѣющій неудержимое стремленіе переходить въ газообразное состояніе; вѣнецъ животной жизни, высшая ступень, достигаемая процессомъ природы вообще, нервный процессъ состоитъ въ переходѣ мозговой матеріи въ газообразное состояніе, въ возвращеніи жизни къ преобладанію газообразной формы, съ которой началось планетное развитіе.

Иной читатель посмѣется надъ этими геологическо-физіологическими разсужденіями въ статьѣ о юридическомъ и соціальномъ вопросѣ. Мы сами готовы были бы смѣяться надъ обзорами теллурической жизни, служащими подкрѣпленіемъ политико-экономическихъ истинъ, еслибъ не замѣчали какъ много зависитъ тотъ или другой взглядъ на какой нибудь, повидимому, чисто практическій и очень спеціальный вопросъ отъ общаго философскаго воззрѣнія. Въ настоящемъ случаѣ, чтеніе статей противъ общиннаго владѣнія убѣдило

насъ, что нерасположеніе къ этой формѣ поземельныхъ отношеній основано не столько на фактахъ или понятіяхъ, спеціально относящихся къ данному предмету, сколько на общихъ философскихъ и моральныхъ воззрѣніяхъ на жизнь. Мы думаемъ, что истребить предубѣжденіе по частному вопросу, насъ занимающему, можно только изложеніемъ здравыхъ понятій, противуположныхъ отсталымъ философемамъ или философскимъ и моральнымъ недосмотрамъ, которыми держатся предубѣжденія. Потому продолжаемъ философски-физіологическіе очерки отношеній между разными формами жизни, какъ бы ни казались забавны такіе эпизоды въ статьяхъ, которыя собственно должны бы ограничиваться сферою спеціальности. Если такіе эпизоды и дѣйствительно забавны, то мы утѣшаемся мыслію, что они будутъ не безполезны.

Кто не хотѣлъ подумать объ общихъ истинахъ, изложенныхъ въ Гумбольдовомъ „Космосѣ,“ тотъ, конечно, принуждаетъ говорить о нихъ и тогда, когда дѣло идетъ о какомъ нибудь спеціальномъ вопросѣ.

Отъ общаго теллурическаго процесса перейдемъ къ соотношенію формъ въ болѣе тѣсныхъ сферахъ и прежде всего взглянемъ напримѣръ, на характеръ животной жизни въ разныхъ ступеняхъ ея развитія. Мы уже видѣли, что высшее произведеніе этой жизни мозговая масса, характеромъ своимъ напоминаетъ какой нибудь кисель, почти лишенный тѣхъ формъ и качествъ, какими отличается вообще мясо, составляющее преобладающій элементъ животнаго царства. Низшая ступень животной жизни, проявляющаяся въ молюскахъ и слизнякахъ, имѣетъ совершенно тотъ же характеръ: тѣло устрицы своимъ студенистымъ качествомъ, скорѣе сходно съ мозгомъ, нежели съ мясомъ. И такъ мы видимъ опять три формы, изъ которыхъ высшая (мозгъ) представляется какъ будто бы возвращеніемъ отъ второй (мяса) къ первобытной формѣ (студенистое вещество).

Возьмемъ еще тѣснѣйшую сферу жизни, именно два высшіе разряда изъ трехъ обширныхъ классовъ, принимаемыхъ

Ламаркомъ, animalia articulata и animalia intelligentia, съ того момента, какъ проявляется первый признакъ интенсив-(ости въ животной жизни возникновеніемъ членораздѣленности nanimalia articulata), мы видимъ, что каждая изъ отдѣльныхъ частей, на которыя подраздѣлился организмъ, имѣетъ какъ будто бы свою самобытную жизнь, кромѣ общей жизни цѣлаго организма. Изъ этихъ низшихъ животныхъ есть такія, которыхъ можно дѣлить на нѣсколько частей и каждая часть преспокойно будетъ жить по отдѣленіи отъ другихъ. Чѣмъ выше мы будемъ подниматься по лѣстницѣ формъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе общая жизнь цѣлаго организма будетъ брать перевѣсъ надъ жизнью отдѣльныхъ членовъ, и наконецъ въ разрядѣ рыбъ преобладаніе общей жизни цѣлаго организма становится до того громадно, что даже исчезаютъ всѣ отдѣльные члены и цѣлый организмъ сливается въ одинъ плотный кусокъ, безъ всякихъ перехватовъ и отростковъ. Но, поднимемся еще выше, и въ разрядахъ птицъ и млекопитающихъ мы уже видимъ возобновленіе прежнихъ формъ организма, у котораго къ основному стержню примыкаютъ отростки съ различными перехватами по внѣшней формѣ. Однако, если по наружности птица и млекопитающее составляютъ какъ будто возвращеніе отъ одного плотнаго куска рыбы къ членораздѣльнымъ формамъ насѣкомыхъ, то жизнь внутренняя, жизнь ощущеній и стремленій, остается въ птицѣ и въ млекопитающемъ, какъ въ рыбѣ, вся сосредоточена въ одномъ общемъ органическомъ чувствѣ съ подавленіемъ самобытнаго значенія стремленій, свойственныхъ отдѣльнымъ органамъ. Зрѣніе, слухъ, обоняніе — для млекопитающаго имѣютъ только то значеніе, что служатъ средствами для пріисканія пищи, различенія предметовъ и мѣстностей, удобныхъ и здоровыхъ для цѣлаго организма, отъ нездоровыхъ или неудобныхъ, и для избѣжанія опасностей. Даже вкусъ служитъ почти только для разсортировки различныхъ питательныхъ матеріаловъ по степени ихъ здоровости для цѣлаго организма. Конечно, кошка должна чувствовать разницу вку-

са между грубою говядиною и пуляркою; но дайте ей два куска того и другого мяса вдругъ, она не станетъ дѣлать выборъ между ними и начнетъ ѣсть тотъ, который больше или который скорѣе попался ей подъ морду. Даже осязаніе очень мало служитъ для животныхъ источникомъ удовольствій, независимыхъ отъ общихъ потребностей жизни цѣлаго организма. Даже половой инстинктъ не занимаетъ ихъ собою какъ самобытный источникъ ощущеній: его отправленія служатъ только средствомъ для освобожденія организма отъ частицъ, излишнее накопленіе которыхъ разстраиваетъ общій порядокъ въ жизни цѣлаго организма. Можно сказать, что всѣ ощущенія животныхъ и всѣ ихъ стремленія являются только видоизмѣненіями общихъ потребностей и чувствъ цѣлаго организма, именно: отправленій желудка и чувства, здоровья или болѣзни. Совершенно не такова жизнь человѣка. Каждое изъ его чувствъ достигаетъ самобытнаго интереса для него; глазъ, ухо и каждый изъ другихъ органовъ чувствъ — становится въ человѣкѣ какъ будто какимъ-то самобытнымъ организмомъ съ собственной жизнью, съ своими особенными потребностями и удовольствіями. Человѣкъ не только по внѣшней формѣ, какъ млекопитающее, но и по самой сущности своей жизни, представляется какъ будто бы собраніемъ нѣсколькихъ сросшихся самобытныхъ организмовъ, и общая жизнь всего организма удерживаетъ за собою значеніе какъ будто потому, что служитъ общею поддержкою развитія этихъ отдѣльныхъ частей. Чѣмъ выше поднимается человѣкъ въ своемъ развитіи, чѣмъ цивилизованнѣе становится онъ, т. е. чѣмъ человѣчнѣе становится его жизнь, тѣмъ большій и большій перевѣсъ берутъ эти частныя стремленія каждаго органа къ самостоятельному развитію своихъ силъ и наслажденію своею дѣятельностью. Ощущенія, доставляемыя зрѣніемъ, слухомъ и другими физическими чувствами, различныя нравственныя ощущенія, игра фантазіи, дѣятельность мышленія все рѣшительнѣе заслоняютъ собою интересность общаго органическаго процесса для самого индивидуума, и

наконецъ, этотъ процессъ (питанія) сохраняетъ только тотъ интересъ, какой придается ему наслажденіями отдѣльнаго органа вкуса и вмѣсто самобытнаго значенія онъ представляется только средствомъ къ удовлетворенію частнаго гастрономическаго интереса, или теряетъ всякую занимательность для индивидуума. Цивилизованный человѣкъ, если онъ развитъ нормально, говоритъ подобно Сократу: „Я ѣмъ только для того, чтобы жить сердцемъ и головою;“ если развитъ дурнымъ образомъ, говоритъ: „Я ѣмъ для того, чтобы наслаждались мой языкъ и небо.“ Но никогда цивилизованный человѣкъ не чувствуетъ, чтобы сама по себѣ, безъ частныхъ гастрономическихъ удовольствій, — ѣда представлялась ему очень занимательнымъ процессомъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ развитія собственно животной жизни, въ жизни цивилизованнаго человѣка, мы видимъ какъ будто возвращеніе той самой формы, какую имѣла животная жизнь при первомъ началѣ своей интенсивности: въ цивилизованной жизни человѣка, какъ въ существованіи артикулированныхъ животныхъ, общая жизнь организма рѣшительно отступаетъ на второй планъ сравнительно съ самобытными отправленіями отдѣльныхъ органовъ.

Мы обозрѣли всѣ сферы матеріальной жизни, начиная общими теллурическими явленіями ея и переходя къ сферамъ все тѣснѣйшимъ и тѣснѣйшимъ, до царства интенсивной животной жизни, и повсюду видѣли неизмѣнную вѣрность развитія одному и тому же закону: высшая степень развитія представляется по формѣ возвращеніемъ къ первобытному началу развитія. Само собою разумѣется, что при сходствѣ формы, содержаніе въ концѣ безмѣрно богаче и выше, чѣмъ въ началѣ, но объ этомъ будемъ говорить послѣ.

Быть можетъ, нашъ очеркъ матеріальнаго развитія отъ теллурическихъ состояній до мозговой дѣятельности былъ слишкомъ длиненъ; но мы хотѣли многочисленными подробностями показать неизмѣнную вѣрность природы тому закону, на рѣчь о которомъ, не къ выгодѣ себѣ, навели полемику

наши противники, съ необдуманнымъ торжествомъ налегая на первобытность осуждаемой ими формы одного изъ общественныхъ учрежденій. Мы хотимъ доказать всеобщее господство излагаемаго закона во всѣхъ проявленіяхъ жизни, и, окончивъ обзоръ матеріальныхъ явленій съ этой точки зрѣнія, обратимся къ такому же очерку нравственно - общественной жизни, составляющей другую великую часть планетарнаго развитія.

Нашъ очеркъ растянулся бы на цѣлые томы, если бы мы захотѣли упоминать о каждой сферѣ нравственно-общественнаго развитія, въ процессѣ которой повторяется общій законъ, о которомъ мы говоримъ. Какую бы сторону жизни ни взяли мы, вездѣ увидимъ господство общей нормы, открытой новою нѣмецкою философіею и, приведя наудачу нѣсколько примѣровъ, мы просили бы людей, которые захотѣли бы сомнѣваться въ общемъ владычествѣ этой нормы, указать хотя одинъ фактъ, на развитіи котораго не отпечатлѣвалась бы она.

Начнемъ хотя съ общаго органа умственной и общественной жизни, съ языка.

Филологія показываетъ, что всѣ языки начинаютъ съ того самаго состоянія, представителемъ котораго служитъ обыкновенно — китайскій: въ немъ нѣтъ ни склоненій, ни спряженій, вообще, никакихъ грамматическихъ видоизмѣненій слова (флексій); каждое слово является во всѣхъ случаяхъ рѣчи, въ одной и той же формѣ: „я идти домъ,“ говоритъ китаецъ вмѣсто нашего: „я иду домой.“ Но языкъ начинаетъ развиваться и являются флексіи; число ихъ все возрастаетъ и достигаетъ той гибкости всего внутренняго состава слова, какую видимъ въ семическихъ языкахъ, достигаетъ того страшнаго изобилія грамматическихъ наращеній, какое видимъ въ татарскомъ языкѣ, гдѣ глаголъ имѣетъ семь или восемь наклоненій, нѣсколько десятковъ временъ, цѣлые десятки дѣепричастій и т. д. Въ нашей семьѣ на высшей точкѣ этого періода стоитъ санскритскій языкъ. Но развитіе идетъ далѣе

и въ латинскомъ или въ старославянскомъ уже гораздо менѣе флексій, нежели въ санскритскомъ. Чѣмъ дальше живетъ языкъ и чѣмъ выше развивается народъ, говорящій имъ, тѣмъ болѣе и болѣе обнажается онъ отъ прежняго богатства флексій. Нынѣшнія славянскія нарѣчія бѣднѣе ими, нежели старославянскій; въ италіанскомъ, французскомъ, испанскомъ и другихъ романскихъ языкахъ флексій меньше, нежели въ латинскомъ; въ нѣмецкомъ, датскомъ, шведскомъ, голландскомъ — меньше, нежели въ старонѣмецкомъ, и наконецъ англійскій языкъ, служащій указаніемъ цѣли, къ которой идутъ по отношенію къ своимъ флексіямъ всѣ другіе европейскіе языки, почти совершенно уже отбросилъ всѣ флексіи. Подобно китайцу, англичанинъ буквально говоритъ уже: „я идти домъ.“ Въ началѣ нѣтъ падежей, въ концѣ развитія также нѣтъ падежей; въ началѣ нѣтъ различія по окончаніямъ между существительнымъ, прилагательнымъ и глаголомъ, въ концѣ развитія тоже нѣтъ различія между ними (like — 1. похожій, 2. сравнивать; love — 1. любить, 2. любовь).

Въ грамматическомъ устройствѣ языка конецъ сходенъ съ началомъ. Тоже самое во всѣхъ формахъ общежительной и умственной жизни, общимъ условіемъ для существованія которой служитъ языкъ. Беремъ, прежде всего, внѣшнія черты общежитія, и во первыхъ ту, — для которой языкъ служитъ не только условіемъ, но и матеріаломъ, — способъ выраженія въ обращеніи между людьми.

Внѣ цивилизаціи человѣкъ безразлично говоритъ одинаковымъ мѣстоименіемъ со всѣми другими людьми. Нашъ мужикъ называетъ одинаково „ты„ и своего брата, и барина, и царя. Начиная полироваться, мы дѣлаемъ различіе между людьми на „ты“ и на „вы.“ При грубыхъ формахъ цивилизаціи „вы“ кажется для насъ драгоцѣннымъ подаркомъ человѣку, съ которымъ мы говоримъ, — и мы очень скупы на такой почетъ. Но чѣмъ образованнѣе становимся мы, тѣмъ шире дѣлается кругъ „вы,“ и наконецъ, французъ, если онъ только скинулъ сабо, почти никому уже не говоритъ „ты„

Но, у него осталась еще возможность, если захочетъ кольнуть глаза наглецу или врагу словомъ „ты.“ Англичанинъ потерялъ и эту возможность: изъ живого языка разговорной рѣчи у него совершенно исчезло слово „ты.“ Оно можетъ являться у него только въ тѣхъ случаяхъ, когда по русски употребляются слова: „понеже,“ „очеса,“ и т. п.; слово „ты„ въ англійскомъ языкѣ также забыто, какъ у насъ несторовское „онъ-сиця“ вмѣсто „этотъ.“ Не только слугу, но и собаку или кошку англичанинъ не можетъ назвать иначе, какъ „вы.“ Началось дѣло, какъ видимъ, безразличіемъ отношеній по разговору ко всѣмъ людямъ, продолжалось раздѣленіемъ ихъ на разряды по степени почета (нѣмцы, достигнувшіе апогея въ этомъ среднемъ фазисѣ развитія, до того ухитрились, — что устроили цѣлыхъ четыре градаціи почета: 1) Du — это черному народу; 2) Er — это, по выраженію суздальскихъ потомковъ, для средняго рода людей; 3) Ihr — это для чиновниковъ, занимающихъ середину между людьми средняго рода и благорожденными; 4) Sie — для благорожденныхъ потомковъ великороссійскихъ, суздальскихъ и остъ-прейссенскихъ домовъ); приходитъ въ результатѣ снова къ безразличному обращенію со всѣми людьми.

Тоже самое и въ костюмѣ. Въ патріархальномъ народѣ шейхъ носитъ точно такой же бурнусъ, какъ и послѣдній изъ бедуиновъ его племени, и предокъ великороссійскаго потомка суздальской формы носилъ такую же рубашку съ косымъ воротомъ, какую носили тогда люди не только средняго сословія, но и подлаго рода. Мы вступили въ область цивилизаціи и благорожденный суздалецъ надѣлъ сюртукъ, котораго не носятъ люди подлаго рода; но люди средняго рода уже начинаютъ носить такой же сюртукъ и къ нашему ужасу, всѣ безъ исключенія, уже надѣли пальто, которымъ прежде отличался отъ нихъ потомокъ великороссійскаго рода; даже люди подлаго рода многіе надѣли пальто, — и мы съ горестью предвидимъ скоро день, когда потомки великороссійскихъ родовъ у себя дома будутъ носить точно такія же

блузы, какія уже приняты у петербургскихъ мастеровыхъ, и когда всѣ безъ исключенія люди, даже самаго подлаго рода, будутъ ходить по улицамъ въ пальто такого же покроя, какъ великороссійскіе потомки.

Вмѣстѣ съ личнымъ мѣстоименіемъ второго лица и костюмомъ проходитъ три фазиса развитія и вся манера держать себя. Человѣкъ нецивилизованный и неученый простъ въ разговорѣ, натураленъ во всѣхъ движеніяхъ, не знаетъ заученныхъ позъ и искуственныхъ фразъ. Но едва помазался онъ лоскомъ образованности школьной и свѣтской, онъ начинаетъ говорить и держать себя такъ, какъ не умѣетъ простой человѣкъ. Развиваясь мало по малу, это искусство достигаетъ блистательнаго цвѣта въ разныхъ педантахъ и педанткахъ науки и свѣтской жизни, въ précieuses, изображенныхъ Мольеромъ, въ гоголевскихъ дамахъ „пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ“ и уѣздныхъ франтахъ. Но человѣкъ истинно ученый и человѣкъ, получившій истинно свѣтское образованіе, говоритъ и ходитъ, кланяется, садится и встаетъ съ такою же непринужденностью и простотою, какъ совершенно простой человѣкъ въ своемъ кругу.

Надобно ли говорить, что, подобно этимъ чертамъ обращенія, все общественное устройство стремится къ возвращенію отъ ранговъ и разныхъ другихъ подраздѣленій по привиллегіямъ всякаго рода къ тому однообразному составу, изъ котораго выдѣлились всѣ безчисленныя рубрики? Объ этомъ распространяться мы не имѣемъ нужды: люди, непослѣдовательность которыхъ принудила насъ дѣлать этотъ очеркъ, всѣ утверждаютъ о себѣ, что они знакомы съ политическою экономіею; въ какой угодно экономической книгѣ, даже въ Ж. Б. Сэ и Мишель Шевалье найдутъ они подробнѣйшее и прекраснѣйшее объясненіе той цѣли, къ которой идетъ нынѣ общество по отношенію къ выдѣлившимся изъ общаго права элементамъ.

Отъ общаго характера общественной жизни и общественнаго состава перейдемъ ли къ анализу спеціальныхъ

отправленій общественнаго организма, — повсюду увидимъ тотъ же путь развитія. Возьмемъ въ примѣръ администрацію. Въ началѣ — мы видимъ маленькія племена, изъ которыхъ каждое управляется совершенно самостоятельно и соединяется въ общій союзъ съ другими однородными племенами только въ немногихъ случаяхъ, требующихъ общаго дѣйствія, напримѣръ, на случай войны и другихъ отношеній къ инымъ народамъ, также для предпріятій, превышающихъ средства отдѣльнаго племени, каковы, напримѣръ, громадныя постройки въ родѣ вавилонской башни и циклопическихъ стѣнъ. Каждый членъ племени связанъ съ другими не только законодательными обязательствами, но живымъ личнымъ интересомъ по знакомству, родству и сосѣдскимъ общимъ выгодамъ. Каждый членъ принимаетъ личное и активное участіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся того общественнаго круга, къ которому принадлежитъ. Ученымъ образомъ подобное состояніе называется самоуправленіемъ, федераціею. Мало по малу мелкія племена сливаются и сливаются, такъ что наконецъ исчезаютъ въ административномъ смыслѣ въ громадныхъ государствахъ, каковы, напримѣръ, Франція, Австрія, Пруссія и т. д. Административный характеръ обществъ на этой ступени развитія — бюрократія, составляющая полнѣйшій контрастъ первобытному племенному быту. Административные округи распредѣляются все съ меньшимъ и меньшимъ отношеніемъ къ независимымъ отъ центральнаго источника интересамъ, лежащимъ въ самихъ жителяхъ. Ни въ Пруссіи, ни въ Австріи округъ, соотвѣтствующій нашему уѣзду, — не имѣетъ живой связи между своими частями; сохранились живыя связи составныхъ частей только въ болѣе широкомъ разграниченіи провинцій. Но это является уклоненіемъ отъ общаго правила и при первой возможности производится реформа, какую уже успѣла совершить Франція, раздѣленіемъ на департаменты, лишенные органическаго единства, взамѣнъ прежнихъ провинцій. Члены административнаго округа, не имѣя между собой живой связи, ни по своей исторіи, ни по

своимъ матеріальнымъ интересамъ, съ тѣмъ вмѣстѣ лишены прежняго самовластія въ управленіи дѣлами округа. Всѣмъ завѣдываютъ особенные люди, называющіеся чиновниками и полицейскими, по своему происхожденію и личнымъ отношеніямъ не имѣющіе связи съ населеніемъ округа, передвигающіеся изъ одного округа въ другой чисто только по соображенію центральной власти, дѣйствующіе по распоряженію ея, обязанные отчетомъ только ей. Житель округа, по отношенію своему къ администраціи, — лицо чисто пассивное, materia gubernanda. Надобно ли говорить о томъ, что на этой степени общество не можетъ остановиться? Швейцарія и Сѣверо-Американскіе Штаты по административной формѣ представляются совершеннымъ возвращеніемъ отъ порядка бюрократическаго къ первоначальному быту, какой имѣли люди до возникновенія обширныхъ государствъ.

Не касаясь политическаго устройства, исторія котораго также могла бы служить яркимъ заблужденіемъ доказываемаго нами общаго господства нормы развитія(*), мы приведемъ въ примѣръ только еще два общественныя учрежденія.

Сначала общество не знаетъ отдѣльнаго сословія судей: судъ и расправа въ первобытномъ племени творится всѣми самостоятельными членами племени на общемъ собраніи (мірской сходкѣ). Мало по малу, судебная власть отдѣляется отъ гражданъ, дѣлается монополіею особеннаго сословія; гласность судопроизводства исчезаетъ, и водворяется тотъ порядокъ процесса, который намъ очень хорошо извѣстенъ; — онъ былъ и во Франціи, и въ Германіи. Но вотъ, общество развивается далѣе, вмѣсто судей произнесеніе приговора

---

*) Модерантисты могутъ найти оченъ недурной очеркъ одной изъ сторонъ политическаго устройства съ этой точки зрѣнія у Гизо, котораго они уважаютъ. Въ Histoire de la civilisation en France онъ объясняетъ постепенные фазисы возрастанія и ослабленія правительственной власти.

вручается присяжнымъ, т. е. простымъ членамъ общества, не имѣющимъ никакого ученаго подготовленія къ юридической техникѣ, и возвращается первобытная форма суда (1. Судитъ общество; 2. судятъ юристы, назначаемые правительственною властью; 3. судятъ присяжные, то есть, чисто представители общества).

Какъ судъ, такъ и военное дѣло въ первобытномъ обществѣ составляетъ принадлежность всѣхъ членовъ племени, безъ всякаго спеціализма. Форма военной силы сначала вездѣ одна и та же: — ополченія, берущіяся за оружіе съ возникновеніемъ войны, возвращающіяся къ мирнымъ промысламъ въ мирное время. Особеннаго военнаго сословія нѣтъ. Мало по малу, оно образуется, и достигаетъ крайней самобытности при долгихъ срокахъ службы или вербовкѣ по найму. На нашей памяти было еще то время, когда у насъ солдатъ становился солдатомъ на всю жизнь, и кромѣ этихъ солдатъ, никто не зналъ военнаго ремесла и не участвовалъ въ войнахъ. Но вотъ, сроки службы начинаютъ сокращаться, система безсрочныхъ отпусковъ все расширяется. Наконецъ (въ Пруссіи), дѣло доходитъ до того, что рѣшительно каждый гражданинъ на извѣстное время (два, три года) становится солдатомъ, и солдатство не есть уже особенное сословіе, а только извѣстный періодъ жизни каждаго человѣка во всякомъ сословіи. Тутъ особенность его сохранилась только въ условіи срочности. Въ Сѣверной Америкѣ и Швейцаріи нѣтъ уже и того: совершенно какъ въ первобытномъ племени, въ мирное время войско не существуетъ, на время войны всѣ граждане берутся за оружіе. Итакъ, опять три фазиса, изъ которыхъ высшій представляется по формѣ совершеннымъ возвращеніемъ первобытнаго: 1) отсутствіе регулярныхъ войскъ: милиція на время войны; 2) регулярныя войска; никто, кромѣ спеціально носящихъ мундиръ, не призывается не способенъ участвовать въ войнѣ: 3) снова возвращается всенародная милиція, и регулярнаго войска въ мирное время нѣтъ.

Отъ устройства военной силы перейдемъ ли къ ея дѣйствію, — увидимъ ту же норму развитія. Въ первобытныхъ битвахъ сражается отдѣльный человѣкъ противъ отдѣльнаго человѣка, сраженіе есть громадный поединокъ (битвы у Гомера, всѣ битвы у дикарей). Но вотъ, составъ бьющейся армій получаетъ все больше и больше плотности, и дѣйствіе отдѣльныхъ людей смѣняется дѣйствіемъ массы; въ XVII, XVIII столѣтіяхъ этотъ фазисъ достигаетъ своего зенита. Огромныя массы стоятъ другъ противъ друга и стрѣляютъ баталіоннымъ огнемъ, или идутъ въ штыки, — тутъ нѣтъ отдѣльныхъ людей, есть только баталіоны, бригады, колонны. Русскій солдатъ временъ Кутузова стрѣлялъ ли въ отдѣльнаго врага? Нѣтъ, — цѣлый полкъ стрѣлялъ только въ цѣлый непріятельскій полкъ. Неужели на этомъ остановилось развитіе? Нѣтъ, появились штуцера, и прежній плотный строй разсыпался цѣпью стрѣлковъ, изъ которыхъ каждый дѣйствуетъ также противъ одиночнаго врага, и битва снова принимаетъ гомерическую форму безчисленнаго множества поединковъ.

Мы хотѣли закончить этимъ примѣромъ. Но зачѣмъ же останавливаться на мрачныхъ мысляхъ о битвахъ? Дадимъ для десерта что нибудь болѣе пріятное. Мы пишемъ не для обыкновенныхъ читателей, а для экономистовъ отсталой школы; для нихъ самая интересная вещь — внѣшняя торговля, и для ихъ удовольствія мы займемся этимъ драгоцѣннымъ предметомъ.

У дикарей нѣтъ таможенныхъ пошлинъ, нѣтъ ничего подобнаго протекціонизму; каждый торгуетъ съ иностранцемъ на тѣхъ же самыхъ правахъ, какъ съ одноплеменникомъ, сбываетъ товары за границу и покупаетъ иноземные товары точно съ тою же степенью свободы, съ какою идетъ торговля въ предѣлахъ самаго племени туземными произведеніями. Но вотъ, люди цивилизуются, начинаютъ заводить фабрики; чрезъ нѣсколько времени у нихъ является протекціонная система. Иноземные товары облагаются высокими пошлинами и подвергаются запрещеніямъ для покровительства отечественной

промышленности. Неужели на этомъ остановится прогрессъ? О, нѣтъ, вотъ являются Кобдены, Роберты Пили и за этими дѣйствительно замѣчательными людьми маленькія и миленькія существа въ родѣ Бастіа; они доказываютъ, что протекціонизмъ и несправедливъ и вреденъ, подъ ихъ вліяніемъ тарифы начинаютъ понижаться, понижаться, — и общества стремятся къ тому самому блаженству свободной заграничной торговли, которымъ пользовались въ первобытныя времена своей неразвитости.

Разъ начавши говорить о предметахъ пріятныхъ для экономистовъ отсталой школы, мы не можемъ удержаться отъ желанія еще порадовать ихъ бесѣдою, имъ любезною. Еще больше, нежели о заграничной торговлѣ, любятъ они говорить о биржевыхъ оборотахъ,—каково же будетъ удивленіе ихъ, если мы скажемъ, что и биржа, этотъ предметъ любви и гордости, возникаетъ именно по закону возвращенія каждаго явленія при высшемъ его развитіи къ его первобытному началу въ формальномъ отношеніи. „Какъ? Вы говорите, что основныя формальныя черты биржевой торговли—повтореніе тѣхъ качествъ, которыми отличается торговля дикарей?“ спросятъ наши противники. — Точно такъ и вы не дивились бы этому, если бы умѣли понимать смыслъ того, что излагается въ вашихъ же собственныхъ книгахъ, отвѣчаемъ мы. Чѣмъ торговля, являющаяся по возникновеніи биржи, отличается по формѣ отъ торговли періода, предшествующаго биржѣ? Она ведется въ извѣстномъ одномъ, исключительномъ мѣстѣ, въ извѣстное, одно, исключительное время — неужели вы не замѣчали до сихъ поръ, что это черты, принадлежащія базарамъ и ярмаркамъ? Теперь вы сами можете построить тройственную формулу, удивившую васъ.

У племенъ и народовъ, гдѣ торговое движеніе чрезвычайно слабо, оно недостаточно для того, чтобы поддерживаться постоянно и повсемѣстно и потому для него удобнѣе сосредоточиваться въ извѣстные сроки въ извѣстныхъ мѣ-

стахъ. Такимъ образомъ, оно производится на ярмаркахъ и базарахъ. Но вотъ, торговля развивается. Въ каждомъ городѣ купецъ имѣетъ ежедневно покупщиковъ (потребителей), повсюду являются лавки и магазины, открытые ежедневно втеченіе круглаго года. Съ другой стороны, купцовъ такъ много и запросъ ихъ къ производителямъ такъ постояненъ, что производитель можетъ имъ продать свой продуктъ когда и гдѣ ему самому удобнѣе, — зачѣмъ же онъ станетъ дожидаться ярмарки или базарнаго дня? Такимъ образомъ, ярмарки и базары, существовавшіе въ Парижѣ, когда этотъ городъ въ торговомъ отношеніи уподоблялся Козмодемьянску и Царевококшайску, исчезли. Но что же далѣе? Какъ возникаетъ биржа? Покупщиковъ и продавцевъ становится такъ много, у каждаго изъ нихъ такъ много торговыхъ дѣлъ и справокъ, что онъ не успѣлъ бы управиться съ ними, если бы долженъ былъ искать поодиночкѣ каждаго изъ нужныхъ ему людей. Потому, необходимо назначить мѣсто и время, гдѣ и когда сходились бы всѣ эти занятые торговыми оборотами люди. Такимъ образомъ возвращается первобытное ограниченіе торговыхъ сдѣлокъ извѣстнымъ временемъ и мѣстомъ.

Мы нарочно изложили ходъ этого факта съ нѣкоторою подробностью, чтобы видна была совершенная противуположность причинъ, возстановляющихъ первобытную форму въ концѣ развитія, съ причинами, отъ которыхъ зависѣло ея существованіе при началѣ развитія. Доходя до высокой интенсивности, тѣ самыя обстоятельства, которыя въ менѣе сильной степени были враждебны первобытной формѣ, — обращаются въ неизбѣжный вызовъ къ ея возстановленію. Первобытная ограниченность торговли извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ (ярмарки и базары) была слѣдствіемъ малочисленности торговыхъ сдѣлокъ. Когда онѣ становятся довольно многочисленными, — эта многочисленность дѣйствуетъ отрицательно, разрушительно на первобытную форму. Но вотъ, торговыя сдѣлки, вмѣсто того, чтобы быть просто „*до-*

вольно многочисленными", становятся „*чрезвычайно* многочисленными", — первобытная форма возвращается. Избытокъ качества дѣйствуетъ на форму способомъ противуположнымъ тому способу, какимъ дѣйствовала болѣе слабая степень того же качества.

Чтобы эта формула была яснѣе, дадимъ грамматическое выраженіе ея терминамъ. Превосходная степень дѣйствуетъ на форму способомъ противуположнымъ тому, какимъ дѣйствуетъ простая положительная степень. Если, напримѣръ, человѣкъ, имѣющій *нѣкоторую* справедливость („справедливый", просто, въ положительной степени), смотритъ на человѣка, совершившаго преступленіе, какъ на преступника, на человѣка, преданнаго низкому пороку, какъ на человѣка низкаго, гнушается ими обоими, считаетъ достойнымъ казни одного, претерпѣваемыхъ несчастій другого (степень справедливости, выражаемая поговоркою: „по дѣломъ вору и мука", выражаемая также уголовными законами и тѣмъ „древнимъ" закономъ, который говорилъ: „люби своего друга, ненавидь своего врага"), то человѣкъ *чрезвычайно* или *совершенно* справедливый относится къ преступнику или порочному обратнымъ образомъ: онъ видитъ въ немъ несчастнаго, заслуживающаго не презрѣнія или отвращенія и ненависти, — а состраданія и помощи:

„Слышасте, яко рѣчено бысть древнимъ: возлюбиши некрепняго твоего, и возненавидиши врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите клянущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ" (*).

И неужели это есть разрушеніе, отверженіе древняго закона? Нѣтъ, это есть его исполненіе, его завершеніе:

„Не мните, яко пріидохъ разорити законъ и пророки: не пріидохъ разорити, но исполнити." (**)

(*) Мато. глава V, стих. 43 — 44.

(**) Мато. глава V, стих. 17.

Да, это не только заповѣдь любви и кротости, — это заповѣдь совершенной справедливости: высшая справедливость не находитъ преступниковъ, она находитъ въ дурномъ человѣкѣ только несчастнаго заблудшаго, неподлежащаго взысканію: summum jus summa injuria, pariter ac nullum jus. При отсутствіи справедливости, преступникъ избѣгаетъ закона возмездія; при водвореніи законнаго порядка, онъ подвергается возмездію, око за око и зубъ за зубъ; но когда водворяется полная справедливость, преступникъ изъемлется отъ возмездія nemini fit injuria, никто не подвергается страданію, ни даже во имя справедливости *).

Собираясь закончить этотъ очеркъ, мы хотѣли представить въ заключеніе его два примѣра, — и представили четыре или пять, потому только, что не остереглись отъ множества фактовъ, представляющихся въ подтвержденіе общей нашей мысли повсюду, къ какой бы сферѣ бытія мысль не обратилась. Но довольно, довольно. Нашъ очеркъ никогда не кончился бы, если мы не сдѣлаемъ надъ собой усилія и не остановимся отъ продолженія этихъ подтвержденій, являющихся нашему анализу въ безчисленномъ множествѣ. Общій ходъ планетарнаго развитія, прогрессивная лѣстница классовъ животнаго

(*) Въ латинскомъ языкѣ, который довелъ до крайняго совершенства опредѣленіе юридическихъ понятій, слово injuria несправедливость (injuria est, ubi jus deest) прекрасно выражаетъ развиваемую нами мысль, что какое бы то ни было страданіе, по какой бы то ни было причинѣ претерпѣваемо человѣкомъ, составляетъ уже несправедливость. Injuriam passus sum—это выраженіе имѣетъ два смысла: 1) „я подвергся незаконному лишенію“, 2) „я подвергся какому бы то ни было лишенію того, чѣмъ пользовался; во второмъ смыслѣ говорится, напримѣръ, injuriae tempestatum morborum, temporum—убытки, приносимые моей нивѣ непогодами; лишенія, которымъ подвергается мое здоровье отъ болѣзней; потери и страданія, наносимыя мнѣ неблагопріятными обстоятельствами.

царства вообще, высшіе классы животныхъ въ особенности, физическая жизнь человѣка, его языкъ, обращеніе съ другими людьми, его одежда, манера держать себя, всѣ его общественныя учрежденія, администрація, войско и война, судопроизводство, заграничная торговля, торговое движеніе вообще, понятіе о справедливости, — каждый изъ этихъ фактовъ подлежитъ той нормѣ, о которой мы говоримъ: повсюду высшая степень развитія представляется по формѣ возвращеніемъ къ первобытной формѣ, которая замѣнялась противоположною на средней степени развитія; повсюду очень сильное развитіе содержанія ведетъ къ возстановленію той самой формы, которая была отвергаема развитіемъ содержанія не очень сильнымъ. (*)

Все, изложенное нами, должно быть знакомо тѣмъ противникамъ общиннаго владѣнія, которые называютъ себя послѣдователями Шеллинга и Гегеля. Какимъ же образомъ не догадались они, что налегая на первобытность этой формы отношеній человѣка къ землѣ, они тѣмъ самымъ указываютъ въ общинномъ владѣніи черту, сильнѣйшимъ образомъ предрасполагающую къ возвышенію общиннаго владѣнія надъ частною поземельною собственностью? Какъ могли они переносить вопросъ на почву, столь невыгодную для нихъ? Тутъ одинъ отвѣтъ возможенъ: Quem Jupiter perdere vult и т. д. — то есть, въ русской болѣе мягкой формѣ: кому по натурѣ вещей нельзя не проиграть дѣла, тотъ въ довершеніе своей бѣды самъ дѣлаетъ гибельные для себя недосмотры.

(*) Повторяемъ, что если кто нибудь не захочетъ согласиться на признаніе всеобщаго и неизмѣннаго господства этой нормы во всѣхъ безъ исключенія явленіяхъ матеріальнаго и нравственнаго, индивидуальнаго и общественнаго бытія, тотъ сдѣлаетъ намъ большое одолженіе, указавъ *хотя одинъ* фактъ, который не былъ бы подчиненъ этому рѣшительному всеобщему закону.

Неужели въ самомъ дѣлѣ правдоподобно, чтобы одинъ только фактъ поземельныхъ отношеній былъ противорѣчіемъ общему закону, которому подчинено все развитіе матеріальнаго и нравственнаго міра? Неужели вѣроятно, чтобы для этого одного факта существовало исключеніе изъ закона, дѣйствующаго столь же неизмѣнно и неизбѣжно, какъ законъ тяготѣнія или причинной связи?(*) Неужели при одной фразѣ: „общинное владѣніе есть первобытная форма поземельныхъ отношеній, а частная собственность вторая, послѣдующая форма“, — неужели при одной этой фразѣ не пробуждается въ каждомъ, кто знакомъ съ открытіями великихъ нѣмецкихъ мыслителей, сильнѣйшее непреоборимое предрасположеніе къ мнѣнію, что общинное владѣніе должно быть и высшею формою этихъ отношеній?

Дѣйствительно, норма, изложенная нами и несомнѣнная для каждаго, хотя нѣсколько знакомаго съ современнымъ положеніемъ понятій объ общихъ законахъ міра, неизбѣжно ведетъ къ такому построенію поземельныхъ отношеній:

Первобытное состояніе (начало развитія). Общинное владѣніе землею. Оно существуетъ потому, что человѣческій трудъ не имѣетъ прочныхъ и дорогихъ связей съ извѣстнымъ участкомъ земли. Номады не имѣютъ земледѣлія, не производятъ надъ землею никакой работы. Земледѣліе сначала

(*) Если кому нибудь мало покажется приведенныхъ нами подтвержденій всеобщности этого закона: „конецъ развитія по формѣ является возвращеніемъ къ его началу,“ — для такого скептика мы готовы по первому его желанію показать ту же норму въ развитіи всѣхъ половыхъ и семейныхъ отношеній, политическаго устройства, законодательства вообще, гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, налоговъ и податей, науки, искусства, матеріальнаго труда; для всего этого ненужно будетъ намъ ни особенной учености, ни долгихъ соображеній, — нужно только заглянуть, напримѣръ хотя въ Гегеля: у него все это давнымъ давно доказано и объяснено.

также не соединено съ затратою почти никакихъ капиталовъ собственно на землю.

Вторичное состояніе (усиленіе развитія). Земледѣліе требуетъ затраты капитала и труда собственно на землю. Земля улучшается множествомъ разныхъ способовъ и работъ, изъ которыхъ самою общею и повсемѣстною необходимостью представляется удобреніе. Человѣкъ, затратившій капиталъ на землю, долженъ неотъемлемо владѣть ею; слѣдствіе того — поступленіе земли въ частную собственность. Эта форма достигаетъ своей цѣли, потому что землевладѣніе не есть предметъ спекуляціи, а источникъ правильнаго дохода.

Вотъ двѣ степени, о которыхъ толкуютъ противники общиннаго владѣнія, — но вѣдь только двѣ, гдѣ же третья? Неужели ходъ развитія исчерпывается ими?

Промышленно-торговая дѣятельность усиливается, и производитъ громадное развитіе спекуляціи; спекуляція, — охвативъ всѣ другія отрасли народнаго хозяйства, обращается на основную и самую обширную вѣтвь его — на земледѣліе. Оттого поземельная личная собственность теряетъ свой прежній характеръ. Прежде землею владѣлъ тотъ, кто обработывалъ ее, затрачивалъ свой капиталъ на ея улучшеніе (система малыхъ собственниковъ, воздѣлывающихъ своими руками свой участокъ, также система эмфитеозовъ и половничества по наслѣдству, съ крѣпостною зависимостію или безъ нея); но вотъ является новая система: фермерство по контракту; при ней рента возвышающаяся въ слѣдствіе улучшеній, производимыхъ фермеромъ, идетъ въ руки другому лицу, которое или вовсе не участвовало или только въ самой незначительной степени участвовало своимъ капиталомъ въ улучшеніи земли, а между тѣмъ пользуется всею прибылью, какую доставляютъ улучшенія. Такимъ образомъ, личная поземельная собственность перестаетъ быть способомъ къ вознагражденію за затрату капитала на улучшеніе земли. Съ тѣмъ вмѣстѣ обработка земли начинаетъ требовать такихъ капиталовъ, которые превышаютъ средства огромнаго большинства земледѣльцевъ,

а земледѣльческое хозяйство требуетъ такихъ размѣровъ которые далеко превышаютъ силы отдѣльнаго семейства, и по обширности хозяйственныхъ участковъ также исключаютъ при частной собственности) огромное большинство земледѣльцевъ отъ участія въ выгодахъ, доставляемыхъ веденіемъ хозяйства, и обращаютъ это большинство въ наемныхъ работниковъ. Этими перемѣнами уничтожаются тѣ причины преимущества частной поземельной собственности передъ общиннымъ владѣніемъ, которыя существовали въ прежнее время. Общинное владѣніе становится единственнымъ способомъ доставить огромному большинству земледѣльцевъ участіе въ вознагражденіи, приносимомъ землею, за улучшенія, производимыя въ ней трудомъ. Такимъ образомъ, общинное владѣніе представляется нужнымъ не только для благосостоянія земледѣлческаго класса, но и для успѣховъ самаго земледѣлія: оно оказывается единственнымъ разумнымъ и полнымъ средствомъ соединить выгоду земледѣльца съ улучшеніемъ земли и методы производства и съ добросовѣстнымъ исполненіемъ работы. А безъ этого соединенія не возможно вполнѣ успѣшное производство.

Таково сильнѣйшее, непреоборимое расположеніе мысли, къ которому приводитъ каждаго, знакомаго съ основными воззрѣніями современнаго міросозерцанія, именно та самая черта первобытности, которую выставляютъ къ рѣшительной невыгодѣ для себя въ общинномъ владѣніи его противники. Именно эта черта заставляетъ считать его тою формою, которую должны имѣть поземельныя отношенія при достиженіи высокаго развитія; именно эта черта указываетъ въ общинномъ владѣніи высшую форму отношеній человѣка къ землѣ.

Дѣйствительно ли достигнута въ настоящее время нашею цивилизаціею та высокая ступень, принадлежностью которой должно быть общинное владѣніе, — этотъ вопросъ, разрѣшаемый уже не помощью логическихъ наведеній и выводовъ изъ общихъ міровыхъ законовъ, а анализомъ фактовъ, былъ отчасти разсматриваемъ нами въ прежнихъ статьяхъ объ

общинномъ владѣніи и съ большею полнотою будетъ переизслѣдованъ нами въ слѣдующихъ статьяхъ, которыя обратятся къ изложенію спеціальныхъ данныхъ о земледѣліи въ Западной Европѣ и у насъ. Настоящая статья, имѣющая чисто отвлеченный характеръ, должна довольствоваться только логическимъ развитіемъ понятій, знаніе которыхъ представляется однимъ изъ условій для правильнаго взгляда на дѣло, а искаженіе или незнаніе которыхъ послужило основною причиною заблужденія для лучшихъ между противниками общиннаго владѣнія.

Изъ числа этихъ общихъ понятій, за изложеннымъ нами положеніемъ современной науки о преемственности формъ, непосредственно слѣдуетъ понятіе о томъ, каждое ли отдѣльное проявленіе общаго процесса должно проходить въ дѣйствительности всѣ логическіе моменты съ полною ихъ силою, или обстоятельства, благопріятныя ходу процесса въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, могутъ въ дѣйствительности приводить его къ высокой степени развитія, совершенно минуя средніе моменты или по крайней мѣрѣ чрезвычайно сокращая ихъ продолжительность и лишая ихъ всякой ощутительной интенсивности.

По методу современной науки, разрѣшеніе вопроса относительно многосложныхъ явленій облегчается разсмотрѣніемъ его въ простѣйшихъ проявленіяхъ того же процесса. По этой методѣ — всегда стараются начинать анализъ съ физическихъ фактовъ, чтобы перейти къ нравственнымъ фактамъ индивидуальной жизни, которая гораздо сложнѣе, и наконецъ къ общественной жизни, которая еще сложнѣе, а общественную жизнь стараются разсмотрѣть по возможности въ первоначальныхъ ея явленіяхъ, наименѣе сложныхъ, чтобы облегчить тѣмъ анализъ чрезвычайно запутанныхъ явленій цивилизаціи нашихъ странъ.

И такъ, начнемъ съ процессовъ физической природы, напримѣръ съ окисленія, которое, достигнувъ очень высокой интенсивности, становится горѣніемъ. Посмотримъ, какимъ

образомъ этотъ процессъ достигаетъ степени горѣнія самъ по себѣ, безъ всякихъ особенныхъ обстоятельствъ, напримѣръ, въ деревѣ.

Вѣтеръ наломалъ огромную кучу высохшихъ деревьевъ. Подъ вліяніемъ сырости, дерево начинаетъ гнить (разлагается съ поглощеніемъ кислорода). Отъ этого процесса внутри кучи температура все повышается и повышается, — гніеніе все усиливается съ повышеніемъ температуры, и мало по малу достигаетъ той степени окисленія, которая называется броженіемъ. Броженіе усиливается, температура все возвышается; наконецъ изъ середины кучи начинаетъ идти гнилой паръ, — это значитъ, температура возвысилась до того, что центръ кучи началъ сохнуть отъ собственнаго жара. Вотъ, черезъ нѣсколько времени, вмѣстѣ съ паромъ изъ однихъ частей, идетъ изъ другихъ уже дымъ, — центръ кучи началъ обугливаться. Мало по малу изъ чернаго угля образуется раскаленный красный уголь; масса раскаленнаго угля увеличивается, и наконецъ въ прилежащихъ къ ней частяхъ вспыхиваетъ пламя.

Какая длинная постепенность, какъ много степеней! 1) проникновеніе сыростью, 2) гніеніе, 3) броженіе, 4) просыханіе, 5) образованіе чернаго угля, 6) превращеніе чернаго въ раскаленный, 7) появленіе пламени. Этотъ путь такъ длиненъ и труденъ, что мы не знаемъ, удавалось ли разнымъ массамъ дерева достичь горѣнія по такому пути хоть пять или шесть разъ отъ самаго начала лѣсовъ на землѣ до нашего времени.

Каждая изъ этихъ степеней — логическій моментъ въ процессѣ горѣнія дерева. Сколько времени требуетъ такой ходъ процесса, мы не беремся рѣшить, но конечно требуетъ онъ не одну и не двѣ недѣли. Каково же было бы намъ, людямъ, если бы каждый разъ, когда нужно намъ пламя, мы должны бы ждать, пока успѣемъ пропитать сыростью огромную массу дерева, потомъ, — пока она станетъ гнить, начнетъ бродить и т. д. Не только пришлось бы тогда роду человѣ-

ческому вымереть всему, не отвѣдавъ ни щей, ни супа, вымереть съ отмерзлыми ушами и пальцами отъ первой суровой ночи, — но и теперь, при одномъ чтеніи нашего разсказа объ этомъ процессѣ, читателю приходится скучно и чуть ли не тошно отъ такихъ длиннѣйшихъ разсужденій, ведущихъ — къ чему? — къ тривіальнѣйшему замѣчанію, что гораздо скорѣе полѣнья, положенныя въ печь, зажигаются прикосновеніемъ горящей спички или свѣчи, къ подложенной подъ нихъ бумагѣ, берестѣ или лучинѣ. „Неужели я нуждаюсь въ доказательствахъ къ подобнымъ выводамъ?“ съ гнѣвомъ спрашиваетъ читатель. Нѣтъ, вы не нуждаетесь, спокойно отвѣчаю я, но нуждаются въ нихъ ученые противники общиннаго владѣнія, показывающіе такую сообразительность въ своихъ выводахъ, такую наклонность не признавать тривіальнѣйшихъ истинъ и науки, и обыденной жизни, такую требовательность на доказательства этимъ труизмамъ (какъ говорятъ англичане), такую способность понимать смыслъ самыхъ яснѣйшихъ фактовъ, что вотъ теперь мы принуждены объяснять имъ, какой смыслъ имѣетъ тотъ очень мудреный фактъ, что спичка при помощи растопки очень быстро зажигаетъ дрова, положенныя въ печь, — а въ слѣдующихъ статьяхъ будемъ объяснять, что иной человѣкъ умираетъ бездѣтнымъ, послѣ другого остается одинъ сынъ, а послѣ третьяго человѣка пять сыновей или больше, также объяснять и доказывать, что солнечные лучи согрѣваютъ землю и т. д., и т. д. Вы скажете: „глупо и говорить объ этомъ“. Совершенная правда, но что же дѣлать? Не изложи и не докажи мы всего этого подробно, ученые противники общиннаго владѣнія сейчасъ закричатъ: „Мы не видимъ на чемъ основаны ваши доводы!“ и „ваши выводы неосновательны!“ Мы не лишены надежды, что по поводу общиннаго владѣнія принуждены будемъ написать цѣлую статью въ доказательство существованія желудка у человѣка, — сообразите, каково придется вамъ, читатель, тогда; утѣшьтесь же мыслью, что теперь, сравнительно говоря, ваше положеніе еще довольно

сносно. Успокоивъ васъ, продолжаемъ интересное разсужденіе о мѣстѣ, занимаемомъ фосфорною спичкою въ области философскаго міросозерцанія.

Эта фосфорная спичка дастъ намъ слѣдующіе выводы:

1) Когда въ одномъ тѣлѣ извѣстный процессъ достигъ высокой степени развитія (спичка уже зажглась), то при помощи этого тѣла онъ можетъ быть доведенъ до той же степени развитія въ другомъ тѣлѣ гораздо скорѣе, нежели какъ достигъ бы безъ помощи этого опередившаго пособника (дрова въ печи отъ нашей спички зажигаются скорѣе нежели загорѣлись бы тогда, когда бы процессъ окисленія ихъ остался безъ этого пособія).

2) Это ускореніе совершается посредствомъ соприкосновенія (зажженная спичка прикладывается къ лучинѣ, а лучина положена подлѣ полѣньевъ).

3) Это ускореніе состоитъ въ томъ, что процессъ прямо съ первой степени пробѣгаетъ къ послѣдней, не останавливаясь на среднихъ (въ одну секунду по приближеніи спички, лучина уже производитъ изъ себя пламя, черезъ одну минуту производятъ его и полѣнья).

4) Среднія степени, черезъ которыя быстро пробѣгаетъ процессъ, вообще могутъ быть замѣчены только теоретическимъ наблюденіемъ, а не практическимъ чувствомъ (полѣно, загораясь отъ лучины, загорѣвшейся отъ спички, дѣйствительно нѣсколько подвергается гніенію, броженію и т. д., но спросите объ этомъ у вашей кухарки, — она никогда не замѣчала, чтобы сухія полѣнья, будучи подожжены, подвергались гніенію и т. д. Она напротивъ видитъ, что они „какъ только подложишь огонь, въ тою же секундую“ — простите неграмотность ея языка, — „такъ и вспыхнутъ“). На философскомъ языкѣ это отношеніе выражается такъ: „не достигая реальнаго осуществленія (т. е. имѣющаго практическую осязаемость), эти логическіе моменты развитія не переходятъ за границы идеальнаго или логическаго бытія.„

5) Если же изъ быстро пробѣгаемыхъ моментовъ нѣкоторые и замѣчаются практическимъ ощущеніемъ (напримѣръ, глазъ кухарки замѣчаетъ, что каждая наружная часть полѣна, прежде нежели дастъ пламя, нѣсколько почернѣетъ, то есть — проходитъ степень чернаго обугленія, предшествующаго вспыхиванію), то они въ общемъ итогѣ процесса составляютъ лишь самую ничтожнѣйшую часть (черныя части дерева въ каждую данную секунду по массѣ своей едва ли составляютъ и одну тысячную часть массы, находящейся въ пламени, а по практическому значенію своему въ отношеніи къ ощущеніямъ и дѣйствіямъ, производимымъ топкою печи, играютъ еще менѣе важную роль, — онѣ развѣ гомеопатическою дозою участвуютъ въ чувствѣ теплоты осязаемой кухаркою, стоящею у печи, и въ кипяченіи горшка щей, приставленнаго кухаркою къ огню).

Эти выводы, столь новые въ мірѣ науки, мы изложили съ возможною полнотою и съ приведеніемъ элементовъ факта, изъ которыхъ они извлечены нами. Мы опасаемся, что противники общиннаго владѣнія закричатъ: „бездоказательно, неосновательно!“ Мы желали бы предупредить ихъ сомнѣнія и вмѣсто одного факта (зажиганіе печки спичкою) анализировать столь же ученымъ образомъ двадцать, тридцать столь же многотрудныхъ для пониманія фактовъ, напримѣръ, закваску тѣста посредствомъ куска кислаго тѣста или дрожжей, отбираніе загнившихъ яблокъ отъ свѣжихъ, чтобы не попортились свѣжіе и т. д. Но нельзя же быть слишкомъ предупредительными, наша статья и безъ того уже черезчуръ длинна. Читателю, вѣроятно, слишкомъ довольно и одного анализа растапливанія печки. Перейдемъ же отъ внѣшняго физическаго міра къ человѣческой индивидуальной жизни и посмотримъ, какъ достигаетъ человѣкъ самъ собою, безъ посторонней помощи, до употребленія той же самой фосфорной спички.

Сначала человѣкъ не умѣетъ не только зажигать, но и поддерживать зажженнаго; путешественники говорятъ о дикаряхъ, которые, подобно обезьянамъ, любятъ грѣться у дерева,

зажженнаго молніею, и горюютъ, когда оно начинаетъ погасать, но не догадываются подбрасывать въ огонь хворосту. Потомъ человѣкъ научается зажигать дерево треніемъ двухъ кусковъ дерева, — какое торжество для жизни! Но вотъ, придумываютъ средство ускорять ихъ вспыхиваніе, вставляя между ними кусокъ трута. Далѣе, придумываютъ огниво и кладутъ на кремень трутъ. Но трутъ принимаетъ искру не довольно вѣрно и быстро, въ немъ усиливаютъ его воспріимчивость, пропитывая его селитрою. Теперь трутъ превосходенъ, но все еще сколько хлопотъ чтобы изъ его тлѣющагося состоянія извлечь пламя: надобно „придувать“ его къ угольку, потомъ „придувать“ два уголька къ лучинкѣ, вложенной между ними. Но вотъ, изобрѣтена сѣрная спичка, прямо сама вспыхивающая отъ прикосновенія къ труту: — вновь какое великое торжество! Но огниво и кремень кажутся уже слишкомъ хлопотливыми. Вотъ найдено средство облекать сѣрный конецъ спички фосфоромъ и упрочивать фосфоръ въ атмосферной средѣ другими оболочками и примѣсями.

Какой длинный путь! Человѣку нужно было не менѣе 7345 лѣтъ, чтобы пройти его. Каковы же теперь для каждаго отдѣльнаго человѣка результаты того, что нѣкоторые люди дошли столь длиннымъ и труднымъ процессомъ до употребленія фосфорныхъ спичекъ? — Доставленіе возможности всѣмъ другимъ людямъ достичь того же самаго, не мучась прохожденіемъ этого страшно-длиннаго пути; и выводы для явленій индивидуальной человѣческой жизни получаются тѣ же самые, какіе были прежде получены нами для явленій физическаго міра:

1) Когда извѣстный процессъ (напримѣръ, способъ добыванія огня) достигъ въ извѣстномъ человѣкѣ извѣстной степени развитія (напримѣръ, способъ употребленія фосфорныхъ спичекъ), — достиженіе этой степени можетъ быть чрезвычайно ускорено въ другихъ людяхъ (именно, теперь какимъ нибудь дикарямъ, не умѣющимъ зажигать огня, уже нѣтъ нужды тратить 7345 лѣтъ, чтобы достичь до фосфорныхъ

спичекъ, — употребленію ихъ каждый можетъ выучиться въ двѣ секунды, а приготовленію въ два часа).

2) Это ускореніе совершается черезъ сближеніе человѣка, которому нужно достичь высшей степени процесса, съ человѣкомъ уже достигшимъ ея (именно, изъ Парижа человѣкъ съ фосфорными спичками пріѣзжаетъ въ центральную Африку, или дикарь изъ центральной Африки въ одно изъ селеній, гдѣ уже есть фосфорныя спички).

3) Это ускореніе состоитъ въ томъ, что процессъ развитія съ чрезвычайною быстротою пробѣгаетъ съ низшей степени всѣ среднія до высшей. (Дикарямъ нѣтъ нужды учиться сначала употребленію огнива, потомъ употребленію сѣрной спички, — они прямо принимаются за фосфорную спичку).

4) При этомъ ускореніи процесса, среднія степени открываются только теоріею, достигаютъ только теоретическаго существованія, какъ логическіе моменты, почти не достигая или вовсе не достигая реальнаго существованія. (Дикари, умѣющіе теперь добывать огонь только треніемъ двухъ кусковъ дерева, выучившись прямо употребленію фосфорныхъ спичекъ, вообще будутъ знать только по разсказамъ, что прежде фосфорныхъ спичекъ существовали сѣрныя съ кремнемъ и огнивомъ).

5) Если же и достигаютъ реальнаго существованія эти среднія степени, опускаемыя ускореннымъ ходомъ развитія, то лишь въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ по своей массѣ и въ еще меньшемъ по практическому значенію своей роли. (Очень можетъ быть, что найдутся между дикарями чудаки, которые вздумаютъ возиться съ огнивомъ и сѣрными спичками и тогда, когда выучатся употребленію фосфорныхъ; но эта причуда будетъ развѣ у одного человѣка изъ десяти тысячъ, да и тотъ будетъ возиться съ огнивомъ и сѣрными спичками лишь отъ бездѣлія и при бездѣліи, а чуть встрѣтится ему нужда работать или потребность быстро добыть

огонь, — онъ броситъ свою причуду и черкнетъ по стѣнѣ фосфорною спичкою).

Читатель, не оскорбляйтесь этими длинными разсужденіями, имѣющими цѣлью доказывать истины, столь же сомнительныя, какъ и то, что человѣкъ видитъ предметы глазами, а не ушами, держитъ карты (когда играетъ въ ералашъ) руками, а не носомъ и т. п.: — изъ за вопроса, доказываемаго этими трюизмами, велись и ведутся ожесточенные споры, и, повѣрьте, мы дѣйствительно боимся, что о насъ закричатъ: „это неосновательно! это бездоказательно!“ — когда мы въ послѣднихъ строкахъ этой статьи выскажемъ смыслъ этихъ анализовъ философскаго значенія фосфорныхъ спичекъ и способа растапливать печь. Противники, если только предвидятъ этотъ смыслъ (они выказываютъ такую сообразительность, что мы не поручимся, предвидятъ ли они его), безъ сомнѣнія уже возмущаются духомъ и вопіютъ: „Мы этого не знаемъ, мы этому не вѣримъ! Вы говорите неосновательно, бездоказательно!“

И такъ, въ индивидуальной жизни средніе моменты развитія могутъ быть пропускаемы въ реальномъ процессѣ извѣстнаго явленія, когда человѣкъ, въ которомъ этотъ процессъ стоитъ еще на низкой степени, сближается съ человѣкомъ, въ которомъ онъ достигъ уже гораздо высшей степени.

Мы доказали это анализомъ процесса, принадлежащаго къ механической жизни. То же самое мы увидѣли бы въ каждомъ другомъ явленіи всякой другой сферы индивидуальной жизни.

Напримѣръ, письмо, одна изъ первыхъ основъ умственнаго развитія, идетъ слѣдующимъ порядкомъ: 1) изображаются самые предметы (на этомъ остановились мехиканцы); 2) ихъ изображенія сокращаются въ гіероглифы (на этомъ исторія застаетъ египтянъ); 3) гіероглифы сокращаются въ идеографы (на этомъ остановились китайцы;) 4) изъ идеографическихъ

знаковъ возникаетъ алфавитъ, записывающій одну грубѣйшую часть звуковъ, согласные, съ пропускомъ гласныхъ (семитическая алфавитная система); 5) изъ семитическаго алфавита возникаютъ наши европейскіе (греческая система, происшедшая отъ финикійской), въ которыхъ гласныя буквы записываются наравнѣ съ согласными.

Скажите на милость, кому прійдетъ въ голову, что когда европейцы начнутъ образовывать дикарей, вовсе не умѣющихъ писать, то эти дикари — сначала выучатся писать гіероглифами, потомъ китайскими знаками, потомъ еврейскими и только уже прошедши всѣ эти градаціи, могутъ начать писать по европейской системѣ?

Или въ школахъ этихъ дикарей надобно будетъ преподавать географію сначала по Гомеровской системѣ (Океанъ есть рѣка, и Балтійское море одно и тоже съ Чернымъ моремъ, а вся земля имѣетъ видъ тарелки), а потомъ доказывать, что земля совершенно правильный шаръ и только потомъ уже открыть имъ, что это шарообразное тѣло — не совершенный шаръ, а нѣсколько раздуто подъ экваторомъ и сплюснуто въ полюсахъ?

Мы выбрали такіе примѣры, которые относились преимущественно къ индивидуальной жизни; но по чрезвычайно тѣсной связи между развитіемъ индивидуума и развитіемъ общества, они въ значительной степени касались и общественной жизни, напримѣръ ея матеріальной обстановки (фосфорная спичка) и умственныхъ успѣховъ (письмо, преподаваніе наукъ). Теперь обратимся къ такимъ явленіямъ, которыя принадлежатъ уже преимущественно общественной жизни, то есть, могутъ осуществляться не иначе, какъ по инстинктивному расположенію или сознательному соглашенію общества. Сюда относятся нравы, обычаи, законы и всѣ такъ называемыя общественныя учрежденія въ обширномъ смыслѣ слова.

Мы сказали, что явленія, за анализъ которыхъ беремся, принадлежатъ собственно общественной жизни. Но общественная жизнь есть сумма индивидуальныхъ жизней, и если

въ индивидуальной жизни процессъ явленій можетъ пробѣгать съ низшаго логическаго момента на высшій, пропуская средніе, то изъ этого уже очевидно, что мы должны ожидать встрѣтить ту же возможность и въ общественной жизни. Это простой математическій выводъ. Въ самомъ дѣлѣ, пусть несокращенный благопріятными обстоятельствами ходъ развитія индивидуальной жизни будетъ выражаться прогрессіею:

1. 2. 4. 8. 16. 32. 64.....

Пусть въ этой прогрессіи каждымъ членомъ обозначается извѣстный моментъ неускореннаго благопріятными обстоятельствами развитія.

Пусть общество состоитъ изъ *A* членовъ.

Тогда, очевидно, развитіе общества выражается слѣдующею прогрессіею:

1 *A*. 2 *A*. 4 *A*. 8 *A*. 16 *A*. 32 *A*. 64 *A*.....

Но мы видѣли, что ходъ индивидуальной жизни можетъ перебѣгать съ первой ступени прямо на третью, или четвертую, или седьмую, и положимъ, что относительно извѣстнаго понятія или факта онъ пошелъ по слѣдующему ускоренному пути:

1. 4. 64.

Тогда, очевидно и ходъ общественной жизни относительно этого явленія будетъ:

1 *A*. 4 *A*. 64 *A*.

Кажется, это ясно. Но противники общиннаго владѣнія или притворяются незнающими, или дѣйствительно страждутъ незнаніемъ самыхъ первоначальныхъ логическихъ пріемовъ; потому разъяснимъ популярнѣйшимъ примѣромъ эту и безъ того ясную теорему.

Одно изъ общественныхъ учрежденій есть военная сила; одинъ изъ элементовъ ея — вооруженіе. Неускоренное обстоятельствами развитіе вооруженія таково:

1) Обыкновенная дубина; 2) дубина получаетъ каменное или металлическое остріе, т. е. переходитъ въ копье, которымъ или тыкаютъ, держа его въ рукахъ, или бросаютъ въ непріятеля; 3) уменьшенное копье послѣдняго рода начинаютъ бросать съ помощью тетивы, получается лукъ и стрѣла; 4) совершенствуясь, лукъ получаетъ линейку съ вырѣзкою для вкладыванія стрѣлы, и образуется самострѣлъ; совершенствуясь, линейка превращается въ трубочку съ продольнымъ разрѣзомъ для тетивы; 5) ударъ тетивы замѣняется ударомъ пороха, лукъ отпадаетъ, остается трубка, въ которой разрѣзъ уничтожается, замѣняясь затравкою, а стрѣла сокращается въ пулю, — вотъ уже и ружье, но первоначально это ружье не имѣетъ замка, а зажигается фитилемъ; 6) изобрѣтается кремневый замокъ; 5) онъ замѣняется пистоннымъ замкомъ; 8) въ стволѣ ружья дѣлаются нарѣзки, — мы получаемъ охотничью винтовку; 9) охотничья винтовка негодится для войскъ, пока не изобрѣтены для нея особенныя пули, — онѣ изобрѣтаются и вотъ войско вооружается штуцеромъ.

Вообразимъ себѣ, что въ Новой Голландіи живутъ еще племена дикарей, не знающихъ никакого оружія, кромѣ дубины. Вотъ открыты золотыя розсыпи; европейскіе авантюристы (съ штуцерами) проникаютъ въ мѣста, еще не посѣщавшіяся европейцами, и находятъ этихъ дикарей; — спрашивается: понадобится ли этимъ дикарямъ переходить отъ дубины къ копью, отъ копья къ луку, отъ лука къ самострѣлу, отъ самострѣла къ фитильному ружью и т. д., если они прямо будутъ вымѣнивать у европейцевъ штуцера?

Этимъ не кончилось дѣло.

Съ каждымъ родомъ вооруженія соединены извѣстныя построенія войска. Копье, которое держится въ рукахъ, создаетъ фалангу; кремневому ружью соотвѣтствуетъ сомкнутый строй; штуцеру — разсыпной строй.

Погодите, и этимъ еще не кончилось дѣло.

Различныя построенія требуютъ различныхъ качествъ отъ воина. Напримѣръ, въ сомкнутомъ строю солдатъ, прослужившій всего только одинъ годъ, никуда не годится. Въ разсыпномъ строю онъ ничуть не хуже солдата, прожившаго хотя бы полтораста лѣтъ въ казармахъ.

Что изъ этого слѣдуетъ? То, что у дикарей, о которыхъ мы говоримъ, въ существованіи военной силы будетъ недоставать многихъ періодовъ, черезъ которые она прошла въ Европѣ.

Изъ нестройной дубино-махающей толпы ихъ военная сила прямо перейдетъ въ милицію, подобную сѣверо-американской. Они не будутъ знать ни казармъ, ни регулярныхъ войскъ, ни всего того, что соединено съ этими учрежденіями. А съ этими учрежденіями соединенъ весь тотъ порядокъ вещей, который произвелъ исторію континентальной Европы отъ Карла VII французскаго и Карла V испанско-нѣмецкаго до вчерашняго дня. Изъ блаженнаго общественнаго быта лукіановыхъ скиѳовъ и тацитовыхъ германцевъ, эти дикари перейдутъ къ блаженному быту, о которомъ мы съ вами, читатель, можемъ только мечтать.

Исторія, какъ бабушка, страшно любитъ младшихъ внучатъ. Tarde venientibus даетъ она не ossa, а medullam ossium, разбивая которыя Западная Европа больно отшибала себѣ пальцы.

Мы увлеклись въ диѳирамбъ, заговоривъ съ читателемъ, — мы забыли, что должны бесѣдовать съ противниками общиннаго владѣнія, т. е. заниматься азбукою. Возвратимся же къ азбучнымъ понятіямъ.

Насъ занимаетъ вопросъ: должно ли данное общественное явленіе проходить въ дѣйствительной жизни каждаго общества всѣ логическіе моменты, или можетъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, переходить съ первой или второй степени развитія — прямо на пятую или шестую, пропуская среднія, какъ это бываетъ въ явленіяхъ индивидуальной жизни и процессахъ физической природы?

Единство законовъ во всѣхъ сферахъ бытія, зависимость общественной жизни отъ индивидуальной, математическія формулы, все заставляетъ рѣшать эту задачу утвердительнымъ образомъ каждаго имѣющаго хоть какое нибудь понятіе объ исторіи или современной философіи, или хотя о Гегелѣ *), или даже хотя о Шеллингѣ, или даже хоть о здравомъ смыслѣ; — совершенная достаточность даже однаго послѣдняго качества для разрѣшенія задачи, вѣроятно, съ достаточною ясностью окажется изъ слѣдующихъ вопросовъ:

Низшая форма религіи, фетишизмъ, не знаетъ вражды къ иновѣрцамъ. Но другія языческія формы религіи болѣе или менѣе наклонны къ преслѣдованію за вѣру. Грубые народы Новой Европы также имѣли инквизицію. Только въ послѣднее время европейская цивилизація достигла того высокаго понятія, что преслѣдованіе иновѣрцевъ противно ученію Христа. Спрашивается теперь: когда какой нибудь народъ, погрязавшій въ грубомъ фетишизмѣ, просвѣщается христіанствомъ, введетъ ли онъ у себя инквизицію, или можетъ обойтись безъ него? Надо ли желать и можно ли надѣяться, что у этого народа прямо водворится терпимость, или онъ начнетъ воздвигать костры, и эта средняя степень такъ необходима въ его развитіи, что напрасно и удерживать его отъ гоненій на иновѣрцевъ?

Какой нибудь народъ, живущій въ племенномъ бытѣ, основныя черты котораго самоуправленіе (self-governement) и федерація, принимаетъ европейскую цивилизацію; спрашивается, примутся ли у него прямо высшія черты этой

(*) Гегель положительно говоритъ, что средніе логическіе моменты чаще всего не достигаютъ объективнаго бытія, оставаясь только логическими моментами. Довольно того, что извѣстный средній моментъ достигъ бытія гдѣ нибудь и когда нибудь, этимъ избавляется процессъ развитія во всѣхъ другихъ временахъ и мѣстахъ отъ необходимости доводить его до дѣйствительнаго осуществленія, прямо говоритъ Гегель.

цивилизаціи, столь сродныя его прежнему быту, или онъ неизбѣжно введетъ у себя бюрократію и другія прелести XVII вѣка?

Этотъ народъ, не имѣя ни фабрикъ, ни заводовъ, не имѣлъ и понятія о протекціонной системѣ; спрашивается, необходимо ли ему вводить у себя протекціонизмъ, черезъ который прошла, и отъ котораго отказалась европейская цивилизація?

Число такихъ вопросовъ можно было бы увеличить до безконечности; но кажется, что и сдѣланныхъ нами уже достаточно для полученія полнаго убѣжденія въ необходимости примѣнять къ явленіямъ общественной жизни всѣ тѣ выводы, какіе нашли мы прилагающимися къ явленіямъ индивидуальной жизни и матеріальной природы. Не довѣряя ни памяти, ни сообразительности противниковъ общиннаго владѣнія, мы повторимъ въ третій разъ эти выводы, чтобы хотя сколько нибудь впечатлѣлись они въ мысляхъ этихъ ученыхъ людей, и, по правилу первоначальнаго преподаванія, опять-таки къ каждому выводу присоединимъ ссылку на ту черту факта, представителемъ которой служитъ выводъ. Черты эти мы будемъ брать изъ послѣдняго вопроса, для большей опредѣлительности примѣнивъ его хотя къ ново-зеландцамъ, съ которыми няньчатся англичане *).

1) Когда извѣстное общественное явленіе въ извѣстномъ народѣ достигло высокой степени развитія, ходъ его до этой

(*) На сѣверъ отъ Франціи лежатъ два большіе острова, которые вмѣстѣ составляютъ соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи. Юго-восточная часть восточнаго острова называется Англіею, а жители ея англичанами. Новою Зеландіею называется группа изъ двухъ большихъ островов, лежащихъ не очень далеко отъ Новой Голландіи, иначе называемой Австраліею. Противники общиннаго владѣнія высказывали такую сообразительность, что мы считаемъ не лишнимъ пояснить употребленныя нами собственныя имена.

степени въ другомъ, отставшемъ народѣ можетъ совершиться гораздо быстрѣе, нежели какъ совершался у передоваго народа. (Англичанамъ нужно было болѣе, нежели 1,500 лѣтъ цивилизованной жизни, чтобы достичь до системы свободной торговли. Ново-зеландцы, конечно, не потратятъ на это столько времени.)

2) Это ускореніе совершается черезъ сближеніе отставшаго народа съ передовымъ. (Англичане пріѣзжаютъ въ Новую Зеландію.)

3) Это ускореніе состоитъ въ томъ, что у отставшаго народа развитіе извѣстнаго общественнаго явленія, благодаря вліянію передового народа, прямо съ низшей степени перескакиваетъ на высшую, минуя среднія степени. (Подъ вліяніемъ англичанъ, ново-зеландцы прямо отъ той свободной торговли, которая существуетъ у дикарей, прямо переходятъ къ принятію политико-экономическихъ понятій о томъ, что свободная торговля—наилучшее средство къ оживленію ихъ промышленной дѣятельности, минуя протекціонную систему, которая нѣкогда казалась англичанамъ необходимостью для поддержки промышленной дѣятельности.)

4) При такомъ ускоренномъ ходѣ развитія, среднія степени, пропускаемыя жизнью народа, бывшаго отсталымъ, и пользующагося опытностью и наукою передоваго народа, достигаютъ только теоретическаго бытія, какъ логическіе моменты, не осуществляясь фактами дѣйствительности. (Ново-Зеландцы только изъ книгъ будутъ знать о существованіи протекціонной системы, а къ дѣлу она у нихъ не будетъ примѣнена.)

5) Если же эти среднія степени достигаютъ и реальнаго осуществленія, то развѣ только самаго ничтожнаго по размѣру и еще болѣе ничтожнаго по отношенію къ важности для практической жизни. (Люди съ эксцентрическими наклонностями существуютъ и въ Новой Зеландіи, какъ повсюду; изъ нихъ нѣкоторымъ, вѣроятно, вздумается быть привержен-

цами протекціонной системы; но такихъ людей будетъ одинъ на тысячу или на десять тысячъ человѣкъ въ ново-зеландскомъ обществѣ, и остальные будутъ называть ихъ чудаками, а ихъ мнѣніе не будетъ имѣть никакого вѣса при рѣшеніи вопросовъ о заграничной торговлѣ.)

Сколько намъ кажется, эти выводы довольно просты и ясны, такъ что, можетъ быть, не превысятъ разумѣнія тѣхъ людей, для которыхъ писана наша статья.

Итакъ, два печатные листа привели насъ къ двумъ заключеніямъ, которыя для читателя, сколько нибудь знакомаго съ понятіями современной науки, достаточно было бы выразить въ шести строкахъ.

1) Высшая степень развитія по формѣ совпадаетъ съ его началомъ.

2) Подъ вліяніемъ высокаго развитія, котораго извѣстное явленіе общественной жизни достигло у передовыхъ народовъ, это явленіе можетъ у другихъ народовъ развиваться очень быстро, подниматься съ низшей степени прямо на высшую, минуя средніе логическіе моменты.

Какой скудный результатъ разсужденій, занявшихъ цѣлые два печатные листа! Читатель, который не лишенъ хотя нѣкоторой образованности и хотя нѣкоторой сообразительности, скажетъ, что довольно было просто высказать эти основанія, столь же несомнѣнныя до тривіальности, какъ напримѣръ; впаденіе Дуная въ Черное море, Волги — въ Каспійское, холодный климатъ Шпицбергена и жаркій климатъ острова Суматры и т. д. Доказывать подобныя вещи въ книгѣ, назначенной для грамотныхъ людей, неприлично.

Совершенно такъ. Доказывать и объяснять подобныя истины неприлично. Но, что же вы станете дѣлать, когда отвергаются заключенія, выводимыя изъ этихъ истинъ, или когда вамъ сотни разъ съ самодовольствомъ повторяютъ, будто непобѣдимое возраженіе, какую нибудь дикую мысль, которая можетъ держаться въ головѣ только по забвенію

или незнанію какой нибудь азбучной истины?

Напримѣръ, вы говорите: „Общинное владѣніе землею должно быть удержано въ Россіи“, — вамъ съ побѣдоносною отвагою возражаютъ: „Но общинное владѣніе есть форма первобытная, а частная поземельная собственность явилась послѣ, слѣдовательно, она есть болѣе высокая форма поземельныхъ отношеній.“ — Помилосердуйте о себѣ, господа возражатели, помилосердуйте о своей ученой репутаціи: вѣдь именно потому, *именно потому*, именно потому, что общинное владѣніе есть первобытная форма, и надобно думать, что высшему періоду развитія поземельныхъ отношеній нельзя обойтись безъ этой формы.

О томъ, какъ сильно налегали противники общиннаго владѣнія на первобытность его, мы уже говорили въ началѣ статьи. Можно предполагать, что теперь они увидѣли, какъ странно поступали и поймутъ, что та самая черта, которую они воображали свидѣтельствующею противъ общиннаго владѣнія, чрезвычайно сильно свидѣтельствуетъ за него. Но арсеналъ ихъ философскихъ возраженій еще не истощенъ. Они съ такою же силою налегаютъ и на слѣдующую мысль: „Какова бы ни была будущность общиннаго владѣнія, хотя бы и справедливо было, что оно составляетъ форму поземельныхъ отношеній, свойственную періоду высшаго развитія, нежели тотъ, формою котораго является частная собственность, все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что частная собственность составляетъ средній моментъ развитія между этими двумя періодами общиннаго владѣнія; отъ перваго перейти къ третьему нельзя, не прошедши второе. Итакъ, напрасно думаютъ русскіе приверженцы общиннаго владѣнія, что оно можетъ быть удержано въ Россіи. Россія должна пройти черезъ періодъ частной поземельной собственности, которая представляется неизбѣжнымъ среднимъ звеномъ.

Этотъ силлогизмъ постоянно слѣдовалъ за ихъ фразами о первобытности, какъ чертѣ, свидѣтельствующей противъ общиннаго владѣнія. Онъ также выставлялся непобѣдимымъ

аргументомъ противъ насъ. Теперь люди, прибѣгавшіе къ нему, могутъ судить сами о томъ, до какой степени онъ сообразенъ съ фактами и здравымъ смысломъ.

Кончивъ дѣло съ предубѣжденіями противъ общиннаго владѣнія, вытекавшими изъ непониманія, забвенія или незнанія общихъ философскихъ принциповъ, мы въ слѣдующій разъ займемся тѣми предубѣжденіями, которыя вытекаютъ изъ непониманія, забвенія или незнанія общихъ истинъ, относящихся къ матеріальной дѣятельности человѣка, къ производству, труду и общимъ его законамъ. Теперь мы говорили о сообразительности философствующихъ мудрецовъ. Въ слѣдующій разъ будемъ говорить о той же способности экономизирующихъ мудрецовъ.

Если вы такъ счастливы, читатель, что не занимались обученіемъ малолѣтнихъ дѣтей грамотѣ, вы теперь, пробѣжавъ нашу статью, писанную не для васъ, человѣка съ обыкновеннымъ запасомъ свѣдѣній, а для мудрецовъ, изучавшихъ досконально, кто Шеллинга, кто Гегеля, кто Адама Смита, — если вы не были учителемъ приходскаго училища, то пробѣжавъ эту статью, можете чувствовать, какъ утомительна, тяжела обязанность этого бѣднаго труженика. Согласитесь, рѣдко вамъ приходилось испытывать такую страшную скуку, какая производится чтеніемъ нашей статьи, весь характеръ которой выражается такою формулою:

бе — а ба, бе — а ба, баба

Повторимъ еще. Это что? — б. А это? — а. Что же выходитъ? — ба. А это? — тоже б. А это? — тоже а. Что же выходитъ? — тоже ба. Ну, что же выходитъ, если сложить вмѣстѣ? — баба.

Повторимъ еще:

бе — а ба, бе — а ба, баба.

Повторимъ еще и т. д.

Вамъ было скучно, — а вѣдь вы пробѣжали статью въ полчаса; судите же каково было намъ, писавшимъ ее, — мы вѣдь просидѣли за нею цѣлые три дня.

Но, какъ бѣдный труженикъ, приходскій учитель, подкрѣпляетъ свои силы мыслью о высокомъ и великомъ значеніи своего утомительнаго дѣла, такъ подкрѣплялись и мы, припоминая, какое важное значеніе для проясненія всего взгляда на міръ имѣютъ трюизмы, изложеніемъ которыхъ мы занимались. Они, да еще съ десятокъ другихъ подобныхъ трюизмовъ,

Вотъ Гегель, вотъ книжная мудрость,
Вотъ смыслъ философіи всей.

Первый нашъ трюизмъ — не судите о немъ легко: вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія, — кто понялъ этотъ великій, вѣчный, повсемѣстный законъ, кто пріучился примѣнять его ко всякому явленію, — о, какъ спокойно призываетъ онъ шансы, которыми смущаются другіе! Повторяя за поэтомъ:

— Ich hab' mein Sach' auf Nichts gestellt.
Und mir gehoert die ganze Welt, —

онъ не жалѣетъ ни о чемъ, отживающемъ свое время, и говоритъ: „пусть будетъ, что будетъ, а будетъ въ концѣ концовъ всетаки на нашей улицѣ праздникъ!“

А вотъ, второй принципъ — о, второй принципъ чуть ли не интереснѣе даже перваго. Какъ забавны для человѣка, постигшаго этотъ принципъ, всѣ толки о такъ называемомъ органическомъ развитіи, о невозможности у насъ того или

другого учрежденія въ настоящее время, о нашей неопытности, неприготовленности! Все, чего добились другіе—готовое наслѣдіе намъ. Не мы трудились надъ изобрѣтеніемъ желѣзныхъ дорогъ,—мы пользуемся ими. Все хорошее, что сдѣлано какимъ бы то ни было народомъ для себя, на три четверти сдѣлано тѣмъ самымъ и у насъ:

Насъ давитъ времени рука,
Насъ изнуряетъ трудъ,
Всесиленъ случай, жизнь хрупка,—
Но то, что жизнью взято разъ,
Не въ силахъ рокъ отнять у насъ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

и

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
и
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Благопріятна ли для личной свободы теорія laissez faire, laissez passer? — Можетъ ли государство, если бы и захотѣло, не имѣть чрезвычайно сильнаго вліянія на экономическую дѣятельность частнаго лица? — При какихъ условіяхъ прямое вмѣшательство законодательства въ экономическія отношенія бываетъ полезно для личной свободы?

Мы бесѣдовали съ экономистами отсталой школы о ихъ философскихъ предубѣжденіяхъ противъ общиннаго владѣнія; теперь побесѣдуемъ съ ними о тѣхъ предубѣжденіяхъ, которыя проистекаютъ изъ основного принципа ихъ собственно экономической теоріи. Принципомъ этимъ служитъ, какъ извѣстно, знаменитый девизъ: „невмѣшательство государства, полнѣйшая свобода частной дѣятельности.“ Они утверждаютъ, что кто желаетъ прямого участія законодательства, тотъ отдаетъ личность въ жертву деспотизму общества. Мы постараемся показать, что ихъ собственная теорія именно и ведетъ къ этому, а потомъ изложимъ тѣ понятія объ отношеніяхъ государства къ экономической дѣятельности, которыя

кажутся намъ болѣе благопріятными для личной свободы индивидуума и болѣе справедливыми.

Эта статья раздѣляется на двѣ половины. Въ первой мы бесѣдуемъ съ экономистами отсталой школы, пробуемъ принять ихъ теорію и смотримъ къ чему она ведетъ. Убѣдившись въ томъ, что эта теорія повертывается рѣшительно въ невыгоду для личности, ищемъ для личности гарантій, болѣе практичныхъ и вѣрныхъ.

Счастливы люди, у которыхъ есть "абсолютный принципъ." Имъ не нужно ни наблюдать фактовъ, ни думать: у нихъ заранѣе готово лекарство для всякой болѣзни, и для всякой болѣзни одно и тоже лекарство, какъ у знаменитаго доктора, каждому паціэнту говорившаго: „принять слабительнаго и поставить клистиръ," purgare et clystirizare. Иванъ сломилъ ногу—дать ему слабительнаго, поставить клистиръ, онъ будетъ здоровъ,—другихъ средствъ не нужно. У Петра обнаружилась золотуха,—всетаки другихъ средствъ не нужно, пусть принимаетъ слабительное и ставитъ клистиръ, тоже выздоровѣетъ. Наконецъ, у Павла нѣтъ никакой болѣзни, — нужды нѣтъ, пусть принимаетъ слабительное и ставитъ клистиръ: purgare et clystirizare — будетъ еще здоровѣе. Purgare et clystirizare, — какъ упрощается теорія медицины, какъ облегчается медицинская практика этимъ талисманомъ.

Подобными талисманами владѣютъ многіе. Для „значительнаго лица," къ которому Акакій Акакіевичъ обратился по поводу пропажи шинели, талисманомъ было „распечь". Для экономистовъ отсталой школы такимъ же талисманомъ служитъ прелестный девизъ: „невмѣшательство государства". Девизы противуположны, но съ равнымъ удобствомъ примѣняются ко всему. Три четверти англійской націи состоятъ изъ бездомныхъ бѣдняковъ, — какъ помочь ихъ бѣдственному положенію? Экономисты отсталой школы говорятъ: пусть государство перестанетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла, „пусть уничтожитъ сборъ въ пользу бѣдныхъ"; значительное лицо гоголевской повѣсти говоритъ: „распечь ихъ"! Французы

увлеклись биржевыми спекуляціями до разорительной и безнравственной крайности, — какъ отвратить это зло? „Пусть государство не вмѣшивается въ экономическія отношенія“, говорятъ отсталые экономисты; „распечь ихъ!“ говоритъ значительное лицо.

Purgare et clystirizare, — какъ спокойна совѣсть при такомъ девизѣ. Золотуха у Петра мало по малу проходитъ; — это отъ того, что онъ ставилъ клистиръ и принималъ слабительное. Нога Ивана, оставленная безъ леченія, подверглась гангренѣ, и бѣдняга умираетъ, — это отъ того, что онъ мало принималъ слабительнаго и недовольно часто ставилъ клистиръ. Совѣсть доктора чиста, тишина его души невозмутима.

Мы не имѣемъ счастія обладать такимъ всеисцѣляющимъ средствомъ. Правда, есть у насъ общая норма для оцѣнки всѣхъ фактовъ общественной жизни и частной дѣятельности, „благо человѣка,“ — но эта формула указываетъ только цѣль, а не даетъ готовыхъ средствъ къ ея достиженію; такъ, для разсудительнаго медика есть одна общая норма дѣйствій, — „здоровье организма“, но она также указываетъ только цѣль, а не опредѣляетъ средствъ.

Какъ всѣ односторонніе люди, осталые экономисты школы невмѣшательства государства очень полезны въ случаяхъ столкновенія съ какою нибудь другою односторонностью. Докторъ Санградо, имѣвшій универсальнымъ средствомъ кровопусканіе, могъ бы съ пользою для паціента найти сильное противурѣчіе своей нелѣпой исключительности — purgare et clystirizare. Школа невмѣшательства государства оказывается очень благодѣтельною для общества въ спорахъ со школою, для которой универсальнымъ лекарствомъ служитъ гоголевское правило „распечь ихъ“.

Мы не отвергаемъ, что въ старину принципъ laissez faire, laissez passer былъ чрезвычайно полезенъ, что и теперь во многихъ странахъ и во многихъ случаяхъ онъ является благотворнымъ, какъ ни одинъ разсудительный докторъ

не отвергаетъ пользы purgandi et clystirizandi въ очень многихъ случаяхъ. Мы только думаемъ, что не во всѣхъ болѣзняхъ пригодны и достаточны англійская соль и промывательное, что медицина не должна ограничивать своихъ средствъ ложкой касторовaго масла и бутылкою молока съ чеснокомъ; мы только думаемъ и постараемся доказать, что принципъ laissez faire, laissez passer не заключаетъ въ себѣ одинъ полнаго и готоваго отвѣта на всевозможные экономическіе вопросы, не можетъ считаться исключительнымъ рѣшеніемъ всѣхъ общественныхъ задачъ.

Не легко удерживать другихъ и самому удерживаться отъ односторонности въ практикѣ, гдѣ часто одинъ какой нибудь фактъ, рѣжущій глаза своею нелѣпостью, заставляетъ человѣка забывать обо всемъ остальномъ, кромѣ средства, служащаго противоядіемъ именно противъ этого факта. Когда у васъ передъ глазами откупъ и пьянство, трудно удержаться отъ проклятія вину; и, напримѣръ, французу или пруссаку, каждый шагъ котораго стѣсненъ путями мелочной бюрократіи, трудно помнить въ столкновеніяхъ практической жизни, что только дурная и утрированная форма государственнаго вмѣшательства въ частныя дѣла должна быть отвергаема, а не самый принципъ, и что противная односторонность была бы не менѣе вредна и даже не менѣе стѣснительна. На практикѣ трудно бываетъ иногда щадить принципъ въ спорѣ противъ формы. Но теперь мы только пишемъ статью, вы, читатель будете перелистывать ее; мы оба въ своей комнатѣ, наединѣ, незанятые никакимъ практическимъ дѣломъ, никто намъ не мѣшеетъ, нѣтъ подлѣ насъ никакого ландрата или префекта, мы ушли на нѣсколько часовъ въ теоретическую жизнь, забыли о всѣхъ дрязгахъ, которыя ждутъ насъ за порогомъ нашей комнаты, или даже ворвутся въ нее черезъ часъ, черезъ два; мы заняты теперь только отвлеченною теоріею, а въ теоріи критика односторонностей чрезвычайно легка.

Въ теоріи критика односторонностей такъ легка, что не бываетъ даже надобности спорить съ противникомъ объ основаніяхъ его системы. Можно сказать ему для скорѣйшаго окончанія дѣла: я впередъ принимаю за истину всѣ ваши принципы, каковы бы они ни были; потрудитесь высказать ихъ, и тогда я попрошу васъ только не отказываться отъ того, что вы разъ сказали. Мы спорить не будемъ; я буду развивать только ваши собственныя мысли и вы увидите, что эти принципы ведутъ къ тому самому, противъ чего вы возстаете. Помните только одно условіе: мы предположимъ, что ваши слова совершенно справедливы, и что принципы, вами высказанные, выше всякаго сомнѣнія. Я предоставляю вамъ право имѣть какой угодно образъ мыслей и требую только одного: считайте вашъ образъ мыслей справедливымъ и не отказывайтесь отъ него. Мы скоро увидимъ, захотите ли вы сами хвалить его.

Мы на время вполнѣ принимаемъ за совершенную истину всю теорію laissez faire, laissez passer въ самомъ точномъ и безусловномъ ея выраженіи. Вотъ она:

Экономической дѣятельности отдѣльнаго лица должна быть предоставлена совершенная свобода. Общество не имѣетъ права налагать на нее никакихъ стѣсненій. Государство не имѣетъ права заниматься ни однимъ изъ тѣхъ предметовъ дѣятельности, которые осуществляются или могутъ быть осуществлены силами отдѣльнаго лица. Государство существуетъ только для огражденія безопасности частныхъ лицъ и для отвращенія стѣсненій, которыя могли бы мѣшать полнѣйшему развитію частной дѣятельности. Иначе говоря, заботѣ государства подлежитъ только то, что не достигается и не можетъ быть достигнуто дѣятельностью частныхъ лицъ: иначе сказать, государство есть только стражъ безопасности частныхъ лицъ; безусловная свобода для дѣятельности частнаго лица есть верховный принципъ общества, и государство должно имѣть существованіе и дѣятельность только въ той мѣрѣ, какая нужна для осуществленія этого верховнаго принципа,

Иначе сказать, идеалъ государственной дѣятельности есть нуль, и чѣмъ ближе оно можетъ подойти къ этому идеалу, тѣмъ лучше для общества".

Мы выразили теорію laissez faire, laissez passer съ такою полнотою и точностью, что всѣ отсталые экономисты отъ Бастіа до г. Воловскаго (мы надѣемся скоро сообщить читателю о томъ, до какой безумной крайности дошелъ г. Воловскій въ крестьянскомъ вопросѣ по ослѣпленію принципомъ laissez faire, laissz passer) обѣими руками готовы были бы подписать изложенную нами теорію и провозгласили бы ее чистѣйшей эссенціей своего собственнаго ученія.

Итакъ, мы становимся послѣдователями системы laissez faire, laissez passer; постараемся же вникнуть въ мысль, нами безусловно принятую и поставленную выше всякаго спора.

„Экономической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ должна быть предоставлена совершенная свобода". Напримѣръ, если бы я хотѣлъ открыть лавку, положимъ, для торговли стеклянною посудою, общество не должно мѣшать мнѣ открыть ее; и если кто нибудь захочетъ помѣшать мнѣ въ этомъ, — государство обязано отстранить полагаемое моей свободѣ стѣсненіе. Быть можетъ, существуетъ корпорація, присвоившая себѣ монополію торговли стеклянной посудой. Государство обязано отмѣнить монополію и уничтожить привиллегированную корпорацію. Но, быть можетъ, корпорація придумала поддерживать монополію не привиллегіею, этимъ грубымъ средствомъ простяковъ, а другими болѣе хитрыми и удачными способами. Напримѣръ, располагая огромными денежными средствами, она могла бы закупить на стеклянномъ заводѣ всю посуду или, что еще вѣрнѣе, обязать хозяина завода контрактомъ, чтобы онъ не смѣлъ продавать посуду съ завода никому, кромѣ этой самой корпораціи, — тогда я также былъ бы лишенъ возможности открыть лавку стеклянной посуды; для моей экономической свободы было бы тоже стѣсненіе, какъ и прежде и государство также было

бы обязано позаботиться о средствахъ возвратить мнѣ свободу, уничтоженную коварнымъ дѣйствіемъ корпораціи. Быть можетъ, средства достаточныя и пригодныя для прекращенія монополіи, основанной на привиллегіи, были бы непригодны и недостаточны противъ этого болѣе тонкаго образа дѣйствія; но мы говоримъ здѣсь не о томъ, каковы должны быть средства, употребляемыя государствомъ для исполненія своей обязанности, а только о томъ, какова обязанность государства: она остается одна и таже, — отстранить стѣсненіе мѣшающее мнѣ заняться извѣстнымъ родомъ торговли. Вы скажете, можетъ быть, что вовсе нѣтъ средствъ отвратить монополію во второмъ случаѣ, — я этого пока не знаю; но если это такъ, я говорю, что бываютъ случаи, въ которыхъ государство не имѣетъ возможности исполнить свою обязанность; а неисполненіе обязанности есть ея нарушеніе, — и я говорю, слѣдовательно, что бываютъ случаи, когда государство вынуждается необходимостью нарушать приписанную нами ему обязанность. Итакъ, одно изъ двухъ: или нельзя приписывать государству исключительной обязанности — охранять свободу экономической дѣятельности, или всегда могутъ быть найдены государствомъ средства для ея охраненія. Мы уже согласились приписать государству эту обязанность, потому должны предположить, что всегда могутъ быть найдены средства для ея исполненія.

Согласны ли вы со мною? Если не согласны, то откажитесь, какъ отъ нелѣпой невозможности, отъ вашей первой мысли: „экономической дѣятельности отдѣльнаго лица должна быть предоставлена совершенная свобода“. Но мы поставили уже условіемъ, что ваши мысли безусловно справедливы и что вы не имѣете права отъ нихъ отказываться. Если вы не хотите соблюдать этого условія, — опять таки полная вамъ воля; но въ такомъ случаѣ я объявляю, что вы сами не знаете, что говорите, что у васъ нѣтъ прочнаго образа мыслей, что я не только не обращаю, но и не имѣю права обращать ровно никакого вниманія на ваши мнѣнія.

Разумѣется, вы этого не захотите. Вы думаете, что у васъ есть образъ мыслей, что онъ заслуживаетъ вниманія, что вы остаетесь ему вѣрны, и вы не откажетесь отъ вашихъ словъ. Помните же, въ чемъ мы теперь съ вами согласились: на государствѣ лежитъ обязанность охранять совершенную свободу экономической дѣятельности отдѣльнаго лица. Помните же, что какой ни представился бы намъ случай, мы должны будемъ отыскивать средства къ охраненію такой свободы, и если кто нибудь станетъ жаловаться на стѣсненія, мы не можемъ отказать ему въ нашемъ содѣйствіи подъ предлогомъ, что нѣтъ способовъ устранить это стѣсненіе. Согласны ли? Я предчувствую, что васъ начинаетъ коробить; но что дѣлать? Вѣдь вы сами объявили вашъ образъ мыслей справедливымъ; вы убѣдили меня принять его; вы не имѣете права жаловаться на непрактичность моихъ словъ: они только повтореніе вашихъ собственныхъ словъ, которыя мы съ вами уже признали совершенно истинными. Изслѣдуемъ же далѣе вашу истину.

„Общество не имѣетъ права налагать на экономическую дѣятельность отдѣльнаго лица никакихъ стѣсненій“. Вы не думайте, что я поступлю съ вами коварно, что я стану придавать вашей теоріи смыслъ, котораго она не имѣла въ вашемъ умѣ; напримѣръ, выводить изъ нея, будто общество не имѣетъ права налагать податей и повинностей, или дѣлать полицейскихъ распоряженій для охраненія порядка. Я знаю, что вы хотѣли понимать вещи разсудительно и что вы друзья порядка, что, говоря „никакихъ стѣсненій“, вы подразумѣвали: „кромѣ стѣсненій, дѣйствительно нужныхъ для огражденія порядка и для избѣжанія другихъ болѣе непріятныхъ стѣсненій.“ Правда ли, я угадалъ вашу мысль? Но въ такомъ случаѣ къ чему мы пришли? Мы уже не можемъ отвергать какую нибудь мѣру однимъ восклицаніемъ: „она стѣснительна“! Нѣтъ, ужъ мы обязаны всматриваться, не полагаетъ ли общество, что этимъ стѣсненіемъ оно предотвращаетъ какое нибудь другое стѣсненіе, болѣе тяжелое, или

охраняетъ порядокъ. И если общество скажетъ, что оно такъ думаетъ, мы остаемся безгласны. Въ какое положеніе мы стали? Если бы, напримѣръ, обществу вздумалось постановить правиломъ, чтобы люди не могли иначе ходить по улицамъ, какъ заложивъ руки за спину, чтобы мы могли возразить противъ этого? Общество сказало бы, что полагаетъ стѣснительнымъ для людей ходить, не заложивъ руки за спину: во первыхъ, когда руки болтаются или локти выставлены, прохожіе безпрестанно задѣваютъ другъ друга, — это стѣснительно, и лучше заложить руки за спину, чтобы меньшимъ стѣсненіемъ избѣжать большаго; во вторыхъ, когда руки заложены за спину, грудь выставляется впередъ, дыханіе становится легче и шире, легкія развиваются и укрѣпляются, и черезъ нѣсколько времени человѣкъ освобождается отъ стѣсненія въ груди, которымъ всѣ городскіе жители болѣе или менѣе страждутъ; стало быть опять таки меньшимъ стѣсненіемъ отвращается большее. Мы съ вами могли бы находить, что все это глупо, но не могли бы сказать, что общество превысило тѣ границы власти, которыя мы съ вами сами предписали ему. Да то ли еще? Общество тогда могло бы принуждать насъ съ вами рѣшительно ко всему, что ему вздумается, напримѣръ, хотя бы ходить ногами вверхъ во время грязи. Оно сказало бы, что ноги можно промочить, а руки не боятся сырости, да и кромѣ того таскать калоши на ногахъ очень стѣснительно, а во время грязи, если ходить на ногахъ, то необходимо таскать калоши, если же ходить вверхъ ногами — на рукахъ, вмѣсто ногъ, то отъ стѣсненія калошами человѣкъ избавляется. „Но послушайте, это однако явная безсмыслица. Нужно же имѣть хоть каплю здраваго смысла.“ Вотъ оно куда пошло! Такъ ужь понадобился здравый смыслъ? Я всегда предполагалъ надобность въ немъ; но теперь, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ права ссылаться на него: вѣдь мы уже поставили принципомъ нашихъ разсужденій извѣстную теорію, сказали, что признаемъ ее безусловно справедливою, — чтожь намъ теперь

дѣлать съ здравымъ смысломъ, если онъ возстаетъ противъ того или другаго приложенія нашей теоріи? Онъ мѣшается не въ свое дѣло, мы обязаны прогнать его. Вѣдь мы уже сказали, что общество можетъ налагать на дѣятельность частнаго лица меньшее стѣсненіе, чтобы избѣжать большаго. Кто налагаетъ? Общество. Слѣдовательно, въ чьихъ понятіяхъ опредѣляется, что больше и что меньше? Въ понятіяхъ общества. Стало быть, кто судья о томъ, какимъ стѣсненіямъ должна подвергнуться наша съ вами жизнь? Опять таки общество. Стало быть, общество имѣетъ право сдѣлать съ нами совершенно все, что ему угодно, — вотъ къ чему привела насъ наша теорія. Если, напримѣръ, общество вздумало бы, что указательный палецъ стѣсняетъ мою дѣятельность и велѣло бы отрѣзать его, или вздумало бы, что смотрѣть двумя глазами для меня не такъ удобно, какъ смотрѣть однимъ правымъ и велѣло бы выколоть мнѣ одинъ глазъ, — я не могъ бы сказать, что оно превышаетъ свои права надо мной. „Но это возмутительно, это безчеловѣчно!“ — Почему же? — „Да это гнусно!“ — Почему же гнусно? — „Да это возмутительно и безчеловѣчно!“ — Ну вотъ, опять за старое. Я спрашиваю, почему же возмутительно? — „Потому что это противно чувству справедливости!“ — Вотъ какъ... Ну, а почему же безчеловѣчно? — Да какъ же не безчеловѣчно рѣзать палецъ и выкалывать глазъ невинному человѣку? Вѣдь этимъ нарушаются священныя права человѣческой личности!“ — Вотъ оно куда пришло! Справедливость, священныя права человѣческой личности....Я всегда предполагалъ, что эти вещи не мѣшаетъ принимать въ соображеніе; но къ сожалѣнію, теперь мы не можемъ этого сдѣлать: мы уже взяли извѣстную теорію за безусловную истину, и если справедливость будетъ ею нарушаться, если священныя права человѣческой личности будутъ ею разрушаться, мы можемъ только пожимать плечами и говорить: жаль, а нечего дѣлать; теорія справедлива, слѣдовательно все противное ей ложь. А другіе утѣшатъ насъ, объяснивъ, что это только

такъ кажется, будто справедливость и человѣческія права нарушаются нашей теоріей; а въ самомъ дѣлѣ нарушенія тутъ никакого нѣтъ.

Вы догадываетесь, что прибавкою къ словамъ „общество не имѣетъ права налагать на отдѣльнаго человѣка никакихъ стѣсненій“ вашей милой оговорки: „кромѣ стѣсненій, нужныхъ для огражденія порядка и для избѣжанія другихъ болѣе непріятныхъ стѣсненій,“ вы обратили вашу теорію свободы въ теорію безграничнаго произвола общественной власти надъ отдѣльною личностью, предали личность связанною по рукамъ и по ногамъ въ жертву необузданнѣйшаго деспотизма. Вы раскаеваетесь въ этой прибавкѣ, вы хотѣли бы взять ее назадъ, — это вы можете, вѣдь она была только моею догадкою о смыслѣ вашей теоріи. Вы сначала одобрили догадку, потомъ мы съ вами увидѣли, что она нелѣпа, такъ бросимъ ее. Возвратимся къ вашей теоріи безъ всякихъ догадокъ о ея смыслѣ. Въ теоріи говорилось: „общество не имѣетъ права налагать на экономическую дѣятельность отдѣльнаго лица никакихъ стѣсненій.“ Только этихъ словъ вы не можете брать назадъ по нашему уговору, отъ всякихъ дополненій вы можете отказаться.

И такъ — „никакихъ стѣсненій“. Ну, и прекрасно. Пусть такъ и будетъ, безъ всякихъ ограниченій и исключеній. Я чувствую наклонность къ огородничеству. Прохожу по обводному каналу, вижу огородъ, вижу заступъ у одной гряды, начинаю копать, душа моя въ восторгѣ, моя дѣятельность полезна обществу, намѣренія мои чисты. Но приходитъ сторожъ, видитъ незнакомаго человѣка, подозрѣваетъ во мнѣ намѣреніе воспользоваться его огурцами, призываетъ будочника и будочникъ соглашается съ нимъ, что я не смѣю заниматься работою на его огородѣ безъ его согласія. Что же мнѣ дѣлать? (Если меня не посадили подъ арестъ по подозрѣнію въ намѣреніи похитить чужую собственность). Общество говоритъ: „ты наймись въ работники у огородника“.

Но если огородникъ предлагаетъ мнѣ условія стѣснительныя для моей свободы? Напримѣръ, если онъ требуетъ, чтобы я каждый день приходилъ къ нему? Я этого не могу. И такъ — моя дѣятельность стѣснена. Я не возстаю противъ огородника, онъ можетъ быть и правъ; но по нашей съ вами теоріи общество должно найти средство для меня заниматься огородничествомъ безъ стѣсненія моей свободы. Я предполагаю, что единственное средство къ тому: устроить общественный огородъ, въ которомъ работалъ бы каждый, когда хочетъ и сколько хочетъ. Можетъ быть это неудобоисполнимо; но по нашей теоріи я не хочу и не долженъ знать этого Вѣдь мы уже видѣли: теорія ставитъ насъ въ необходимость предполагать, что способы къ доставленію полной свободы экономической дѣятельности отдѣльнаго лица всегда могутъ быть найдены. Мы съ вами вовсе не возстаемъ противъ собственности, — сохрани насъ богъ! — но примѣръ огородника показываетъ намъ, что принадлежность извѣстной собственности извѣстному одному лицу можетъ налагать стѣснительныя условія на экономическую дѣятельность другихъ лицъ, и наша теорія доказываетъ, что на обществѣ лежитъ обязанность пріискать средства для отстраненія этихъ стѣсненій. Я предложилъ одно средство: завести общественный огородъ. Если оно вамъ не нравится, пріищите другія средства, но пожалуйста пріищите, потому что иначе вся наша теорія laissez faire laissez passer разлетѣлась бы въ пыль, — а вѣдь мы уже согласились съ вами, что она безусловно справедлива. Продолжаемъ же вникать въ ея истины.

„Государство существуетъ только для огражденія безопасности частныхъ лицъ и для отвращенія стѣсненій, которыя могли бы мѣшать полнѣйшему развитію частной дѣятельности“. Только для этого, больше ни для чего. Но и тутъ хлопотъ ему будетъ довольно. „Огражденіе безопасности“, — въ старину, когда люди были глупы, они думали, что безопасность можетъ быть достаточно ограждена карательными

средствами. (Это я говорю какъ отсталый экономистъ, а еслибъ я не былъ связанъ уговоромъ держаться отсталыхъ мнѣній, я полагалъ бы, что въ старину люди не были слишкомъ глупы, и никогда этого не думали.) Но теперь каждый знаетъ, что этого мало. Напримѣръ, экономическая дѣятельность чрезвычайно страждетъ отъ поддѣлки бумажныхъ денегъ. Во всѣхъ государствахъ есть очень строгіе законы противъ этого преступленія. Но въ старину, когда наши ассигнаціи имѣли очень грубую гравировку, все-таки, чуть ли ни въ каждой губерніи, находилось по нѣскольку артистовъ, успѣшно производившихъ поддѣлку при помощи деревянной доски, гвоздя и шила: болѣе замысловатыхъ орудій не было нужно, и рука набивалась къ этому дѣлу легко. Что же вы думаете? Нашли противъ доморощенныхъ артистовъ средство болѣе дѣйствительное, нежели строгость наказаній: нынѣшніе кредитные билеты имѣютъ такую тонкую гравировку, что гвоздемъ и шиломъ нельзя ихъ поддѣлать, и развѣ самый искусный граверъ можетъ вырѣзать порядочную форму для нихъ; при томъ и бумага для кредитныхъ билетовъ употребляется совершенно особенная, такъ что мало быть отличнымъ граверомъ, нужно имѣть еще отличную бумажную фабрику, чтобы поддѣлывать бумажныя деньги сносным образомъ. Кому изъ отличныхъ граверовъ, получающихъ большія деньги за честную работу, придетъ охота рисковать собою, и какой хозяинъ отличной бумажной фабрики захочетъ помогать ему? Ремесло поддѣлки, сильно упавшее, исчезло бы совершенно, еслибы не одно обстоятельство: есть много безграмотныхъ людей, которые не могутъ прочесть на оборотѣ кредитной бумажки бисернаго шрифта и не догадываются смотрѣть кредитный билетъ на свѣтъ, чтобы видѣть — имѣетъ ли бумага надлежащіе знаки. Ясно, что распространеніе грамотности убьетъ и послѣдніе слабые остатки ремесла, процвѣтавшаго прежде, несмотря ни на какія наказанія. Изъ этого мы видимъ, что для огражденія безопасности мало однихъ карательныхъ законовъ, нужно также, чтобы нарушеніе безопасности

перестало быть выгоднымъ и нужнымъ для отдѣльныхъ лицъ. Для доморощенныхъ артистовъ, работающихъ гвоздемъ и шиломъ, поддѣлка бумажныхъ денегъ перестала быть выгодною, потому что прекратился сбытъ ихъ грубымъ издѣліямъ; для отличныхъ граверовъ и хозяевъ бумажныхъ фабрикъ поддѣлка не нужна, потому что у нихъ и безъ того много денегъ. Приложимъ эти правила къ обыкновеннѣйшимъ случаямъ нарушенія безопасности: къ убійству, грабежу и воровству. Воровствомъ обыкновенно занимаются люди, дошедшіе до нищеты. Стало быть, если государство обязано ограждать безопасность, оно обязано заботиться, чтобы никто не доходилъ до нищеты. Какъ это сдѣлать? Я полагалъ бы, что слѣдовало бы принимать мѣры къ устройству такого общественнаго порядка, при которомъ каждый человѣкъ имѣлъ бы нѣкоторую собственность и находилъ бы всегда удобства заработывать безбѣдныя средства для жизни честнымъ трудомъ. Я полагалъ бы также, что нужно позаботиться объ отнятіи привлекательности у пороковъ, доводящихъ до нищеты. Наконецъ, я полагалъ бы, что можно было бы позаботиться о смягченіи нравовъ. Согласны ли вы на это? Если такъ, то государству будетъ очень много дѣла. Напримѣръ, возьмемъ изъ трехъ задачъ хоть только одну вторую: отнятіе привлекательности у пороковъ, и возьмемъ хотя только одинъ порокъ, напримѣръ, расточительность. Каждый знаетъ, что она бываетъ причиною множества бѣдствій, а экономисты, всматривавшіеся поглубже въ жизнь отсталыхъ людей, мнѣнія которыхъ мы приняли на время, находятъ, что эта слабость производитъ гораздо болѣе бѣдствій, нежели самые ужасные пороки. Какъ же ослабить ее? Вы помните исторію Маши и ея мужа:

Бѣлый день занялся надъ столицей...

Конечно, грѣхъ говорить о расточительности бѣдной молодой женщины, которая, какъ видно, не имѣетъ ни кареты, ни даже ложи въ Итальянской Оперѣ, хотя бы въ четвертомъ

ярусѣ; но всетаки къ чему приходитъ дѣло? Чтобы не огорчать жену отказами, мужъ трудится выше силъ и скоро долженъ умереть отъ чахотки. Вотъ вамъ и великая бѣда. Что станетъ дѣлать несчастная вдова? Ее ожидаетъ нищета, быть можетъ, развратъ. При томъ, какъ хотите, а всетаки она — убійца мужа. Впрочемъ, такая развязка рѣдкій случай. Мужъ Маши — человѣкъ слишкомъ твердаго характера, слишкомъ высокаго нравственнаго развитія, какихъ не много:

Человѣкъ онъ былъ странной породы,
Исключительно честь понималъ.

Изъ цѣлой сотни людей развѣ двое имѣютъ такую твердость характера и мыслей; остальные, извѣстно, какъ поступаютъ для пріобрѣтенія нужныхъ денегъ: они не отвергаютъ „прекраснаго средства", представляемаго находящимся „подъ рукою казеннымъ сундукомъ" и т. п. источниками. Тутъ ужъ погибаетъ не одно семейство, а страдаетъ цѣлая нація. Какъ же ослабить расточительность? Что надо сдѣлать, чтобы Маша не убивала мужа и не заставляла его подумывать о казенномъ сундукѣ? Надобно посмотрѣть, отчего происходитъ, чѣмъ поддерживается ея слабость къ нарядамъ.

Завтра Машѣ подруга покажетъ
Дорогой и красивый нарядъ. —
Ничего ему Маша не скажетъ,
Только взглянетъ... убійственный взглядъ!

Значитъ, покуда не переведутся подруги, у которыхъ много лишнихъ денегъ на пустые наряды, нельзя вылечить и Машу. Да эта ли одна бѣда? Мужъ думаетъ иногда поговорить съ Машей, что надобно жить скромнѣе, —

Да обидится гордая теща.

Нельзя жить скромно, иначе перессоришься съ родными. Значитъ, плохо дѣло, пока извѣстный размѣръ расходовъ считается обязанностью, налагаемою на человѣка его именемъ.

Да и это еще не все. Въ самой Машѣ третья бѣда, съ которой всего труднѣе справиться —

Все бы вздоръ...только съ Машей не сладишь;
Не втолкуешь...

Маша дурно воспитана. Пока не измѣнится характеръ воспитанія, ничего порядочнаго нельзя ожидать.

Посмотрите же теперь: изъ одного случая, касающагося только одного изъ многихъ вопросовъ, представляемыхъ только одною изъ трехъ задачъ, какія уже обширныя обязанности найдены нами для государства. Оно должно позаботиться объ уменьшеніи числа людей, имѣющихъ возможность сорить деньги, которымъ счета не знаютъ; оно должно позаботиться о прекращеніи чванства именами; оно должно позаботиться объ улучшеніи воспитанія. Какія мѣры оно приметъ къ тому, мы не знаемъ; теперь мы не даемъ совѣтовъ объ употребленіи власти, а разсматриваемъ только предѣлы власти, опредѣляемые обязанностью правительства заботиться о безопасности. Чтобы не предприняло государство для достиженія найденныхъ нами цѣлей, оно останется въ предѣлахъ своей власти. если мы будемъ принимать теорію, поставлявшую исключительнымъ долгомъ правительству заботу объ одной безопасности. Можно было бы разсуждать о томъ, приведутъ ли къ желаемому результату, т. е. къ искорененію расточительности, предпринятыя государствомъ мѣры, но нельзя было бы сказать, что оно превысило мѣру власти, предоставляемой ему теоріею отсталыхъ экономистовъ, предписывающихъ ему ограничиваться однимъ наблюденіемъ за общественной безопасностью. Нарушается ли безопасность преступленіями? Нарушается. Служитъ ли расточительность одною изъ причинъ преступленій? Служитъ. Въ правѣ ли государство принимать мѣры для отстраненія фактовъ вредныхъ для безопасности? Не только вправѣ, но и обязано по принятой нами на время теоріи. Послѣ этого не остается никакихъ разсужденій. Мы говоримъ не о томъ, какія мѣры

благоразумны, какія нѣтъ, какія человѣчны, какія безчеловѣчны, — мы говоримъ только о томъ, какія будутъ законны по нашей теоріи. Быть можетъ, вы теперь думаете, что мы напрасно допускали ее безусловно, что напрасно мы не сдѣлали оговорки о правахъ здраваго смысла и человѣческой личности. Быть можетъ, — но ужъ выдержимъ на минуту характеръ, соблюдемъ свое обѣщаніе твердо держаться теоріи и просмотримъ всю ее до конца. А потомъ, когда этою прелестью пресытимся, посмотримъ — много ли останется изъ нашей теоріи, если мы подчинимъ ее требованіямъ здраваго смысла и правамъ человѣческой личности. Быть можетъ, вы пресытились ею даже и теперь; но мы наслышались о ней столько хорошаго, что непремѣнно хотимъ разсмотрѣть всѣ ея красоты. Почему знать? можетъ быть, въ концѣ найдется что нибудь новенькое.

Мы уже знаемъ, что государство существуетъ только для огражденія безопасности. Этотъ основной принципъ теоріи развивается и поясняется нѣсколькими перефразами, имѣющими, повидимому, тотъ же самый смыслъ. Первый перефразъ таковъ: „иначе говоря, заботѣ государства подлежитъ только то, что не достигается и не можетъ быть достигнуто дѣятельностью частныхъ лицъ.“ Прекрасно, по этому правилу на обязанности государства лежитъ содержать армію и флотъ, безъ которыхъ нѣтъ безопасности и которые не могутъ быть содержимы частными лицами. Но что, если я скажу, напримѣръ, что доставленіе каждому члену общества возможности жить честнымъ трудомъ (условіе также необходимое для общественной безопасности, потому что кто не можетъ жить честнымъ трудомъ, — по необходимости берется за дурныя средства) также достигается только общественною волею (закономъ) и общественною дѣятельностью, а не дѣятельностью частныхъ лицъ? Вы предчувствуете куда ведутъ такія слова. Впрочемъ, не бойтесь. Я имѣю въ виду пока не простолюдиновъ, не черныя работы, — нѣтъ, мы приняли теорію людей богатыхъ, и будемъ прежде всего говорить о такъ называе-

мыхъ высокихъ потребностяхъ и занятіяхъ. Напримѣръ, при нынѣшнемъ состояніи мореходства нужна астрономія. Для астрономіи нужны между прочимъ каталоги звѣздъ. Можетъ ли составленіе каталога звѣздъ окупиться распродажею этой книги, какъ окупаются вздорныя повѣстушки и пустыя статейки? Составленіе звѣзднаго каталога требуетъ многихъ годовъ,—чѣмъ будетъ жить составитель до окончанія своей работы? По ея окончаніи, книга разойдется въ 50 экземплярахъ, и вмѣсто выгоды, ея напечатаніе дастъ страшный недочетъ; что же изъ этого слѣдуетъ? Полезный трудъ долженъ обезпечивать жизнь трудящагося. Каталогъ звѣздъ полезенъ. Но частные люди, въ отдѣльности каждый, не обезпечиваютъ должнаго вознагражденія за него. Ясно, что государство обязано дать ему средства для этого труда. Беремъ другой примѣръ. Предположимъ, что маленькому мальчику или человѣку страждущему помѣшательствомъ ума, достался домъ; предположимъ, что у бѣдняжки нѣтъ близкихъ родственниковъ или что они люди недобросовѣстные. Вы прерываете меня и говорите, къ чему тянуть дѣло? ясно, что домъ надо взять въ опеку. Ясно ли? Предупреждаемъ, что выводы изъ этого довольно важны. Но ни одинъ изъ отсталыхъ экономистовъ не думалъ еще отвергать необходимость опеки въ подобномъ случаѣ. Стало быть, дѣло можно считать безспорнымъ. Теперь спрашивается, на чемъ основана необходимость опеки? На неспособности взятаго въ примѣръ человѣка управлять своими дѣлами. На чемъ же основана его неспособность? На недостаточномъ или болезненномъ развитіи его ума. Отчего же у маленькаго ребенка умъ слабъ? отчего помѣшанный лишился разсудка? „Какое мнѣ дѣло, отвѣчаете вы. Мы говоримъ не о физіологіи и занимаемся не сплетнями, мы рѣшаемъ практическій вопросъ, для рѣшенія котораго все равно, каковы бы ни были причины слабоумія. Общество знаетъ только, что извѣстное лицо не имѣетъ способности управлять своимъ домомъ и больше ничего знать не обязано, а обязано учредить опеку“. Помните же до чего мы дошли:

кто не способенъ оберегать свои выгоды, выгоды того должны оберегаться обществомъ. Такъ ли? Если не такъ, то общество не имѣетъ права учреждать опеки надъ дѣтьми и лишенными разсудка.

Подведемъ же итогъ къ результатамъ полученнымъ нами; общество должно доставить приличное вознагражденіе за трудъ человѣку, желающему и умѣющему заниматься честнымъ и полезнымъ трудомъ, если безъ вмѣшательства общества онъ не находитъ для себя вознагражденія. Общество обязано на себя принимать заботу о дѣлахъ такихъ людей, которые не могутъ сами охранять своихъ интересовъ.

Принимаете ли вы эти выводы? Если не принимаете, вы отказываетесь отъ собственной вашей теоріи, а мы уже согласились не отказываться отъ нея. Кромѣ того, вы не признаете за обществомъ такихъ правъ или, лучше сказать, обязанностей, какъ напримѣръ, учрежденіе опеки надъ дѣтьми сиротами.

Если же вы принимаете эти выводы, ими разрушается вся первая половина вашей теоріи: на общество налагаются обязанности гораздо болѣе обширныя, нежели простая забота о безопасности. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нарушится безопасность, если жильцы дома, принадлежащаго ребенку, не станутъ ничего платить ему за квартиру, а просто возьмутъ его на прокормленіе себѣ, хотя бы съ цѣлью сдѣлать его своимъ слугою, когда онъ выростетъ? Безопасность лица тутъ неприкосновенна. „Но страдаютъ его экономическіе интересы.“ Вотъ именно о томъ то мы и говоримъ; стало быть, общество обязано оказывать защиту всякому, чьи интересы пострадали бы безъ вмѣшательства общества. Вѣдь это уже принципъ гораздо болѣе обширный, нежели охраненіе безопасности. Послѣ этого, значитъ, если я заключилъ невыгодный для меня контрактъ, то общество можетъ объявить этотъ контрактъ недѣйствительнымъ? Вѣдь мои интересы пострадали бы и безъ этого?

Въ самомъ дѣлѣ, удивительно, какимъ образомъ одни и тѣ же люди, т. е. отсталые экономисты, за одинъ пріемъ высказываютъ два правила, будто бы совершенно согласныя: „государство должно заботиться только объ огражденіи безопасности“ и „государство обязано дѣлать то, что не достигается дѣятельностью частныхъ лицъ.“ Какъ не замѣчали они, что вторая обязанность несравненно обширнѣе первой? Вѣдь потребности общества и частныхъ лицъ не ограничиваются одной безопасностью; есть также потребности матеріальнаго благосостоянія, нравственнаго и умственнаго развитія, потребности сердца, — и мало ли какихъ другихъ законныхъ потребностей? Ясно, что кто говоритъ вторую фразу, тотъ въ первой фразѣ слово „только“ долженъ замѣнить словомъ „между прочимъ“.

Послѣ этого не нужно намъ и говорить о слѣдующемъ объясненіи: „государство есть только стражъ безопасности частныхъ лицъ“; его смыслъ зависитъ отъ слова „только“, а мы сейчасъ видѣли, что оно должно замѣниться словомъ „между прочимъ“. Но любопытно послѣднее объясненіе. „Идеалъ государственной дѣятельности есть нуль, и чѣмъ ближе она можетъ подойти къ этому идеалу, тѣмъ лучше для общества.“ Опять, какъ не видѣть, что это объясненіе совершенно разрушаетъ всю прежнюю теорію, по которой забота государства ограничивалась одною безопасностью. Вмѣшательство государства требуется тѣмъ чаще, чѣмъ больше совершается преступленій, чѣмъ чаще нарушается порядокъ. Каждому извѣстно, что бѣдность, невѣжество, грубость нравовъ и развратъ — главные источники преступленій и нарушеній порядка; слѣдовательно, чѣмъ больше заботъ будетъ употреблять государство на искорененіе бѣдности, невѣжества, грубости нравовъ и разврата, тѣмъ менѣе будетъ ему хлопотъ, тѣмъ менѣе будетъ сумма его вмѣшательствъ.

Мы уже говорили объ этомъ, приводя въ примѣръ Машу и ея мужа. Если самостоятельность общества дѣйствительно должна быть цѣлью общественной теоріи, то очевидно, что

этой цѣли можно достигнуть только покровительствомъ всему тому, что содѣйствуетъ развитію самостоятельности; именно, заботою объ истребленіи бѣдности, распространеніи просвѣщенія, о смягченіи нравовъ и объ истребленіи тѣхъ причинъ, отъ которыхъ портится характеръ и получаютъ фальшивое направленіе человѣческія наклонности.

Въ странномъ видѣ излагается теорія невмѣшательства государства въ экономическія отношенія. Къ ней прилагаются объясненія, прямо ей противурѣчащія. Мы не можемъ осуждать ученыхъ, бывшихъ первыми ея основателями: они жили въ другія времена, они не видѣли многихъ фактовъ, которые теперь передъ глазами у каждаго. Притомъ же, Адамъ Смитъ и его ближайшіе послѣдователи вовсе не доходили до той односторонности, противъ которой возстаемъ мы. Но непростительно нашимъ современникамъ не хотѣть замѣчать того, что каждому нынѣ бросается въ глаза; непростительно искажать для поддержки ветхаго тѣ мысли, которыя въ свое время были двигательницами прогресса.

Теорія, провозглашавшая невмѣшательство правительства въ экономическія отношенія, возникла въ тѣ времена, когда самая Англія, не говоря уже о континентальныхъ государствахъ, страдала больше всего отъ обветшалыхъ средневѣковыхъ регламентацій. Эти регламентаціи поддерживались общественною властью. Какъ же было не говорить тогда умнымъ и честнымъ людямъ, что вмѣшательство общественной власти въ экономическія отношенія вредитъ развитію промышленныхъ силъ? Въ самомъ дѣлѣ, въ большей части случаевъ оно было вредно. Въ самомъ дѣлѣ, первой потребностью общества было — избавиться отъ мелочной и неразсудительной опеки. Съ той поры обстоятельства во многомъ измѣнились. Какъ и въ чемъ именно, объ этомъ мы уже говорили много разъ, да и каждому это, болѣе или менѣе, извѣстно. Замѣтимъ только одинъ общій результатъ перемѣны. Читатель знаетъ, что мы имѣемъ въ виду исключительно исторію Западной Европы. На чемъ основываются теперь всѣ

почти стѣснительныя мѣры, принимаемыя западными правительствами? Для всѣхъ ихъ представляется исключительнымъ общественная безопасность. Зачѣмъ, напримѣръ, нужны паспорты при въѣздѣ въ Папскую Область, въ Ломбардію, въ Богемію, въ Галицію? „Для общественной безопасности.“ Зачѣмъ нуженъ стѣснительный надзоръ за жизнью частнаго лица въ Вѣнѣ, въ Прагѣ, въ Миланѣ? „Для общественной безопасности.“ Зачѣмъ содержится страшная армія въ Австріи, которая едва ли имѣетъ пять гульденовъ звонкою монетою? „Для общественной безопасности.“ Словомъ сказать, какая прицѣпка ни задѣла бы васъ на континентѣ Западной Европы, нечего спрашивать: откуда она и зачѣмъ?—Знайте напередъ, что отвѣтъ всегда на все одинъ: „это нужно для поддержанія порядка и общественной безопасности.“

Поэтому намъ кажется, что теорія, поставляющая исключительною заботою правительства охраненіе общественной безопасности, не сообразна съ обстоятельствами настоящаго времени для Западной Европы. Фактическая сила правительства надъ обществомъ не зависитъ отъ теоріи, она опредѣляется нравами общества и его потребностями. Теорія можетъ только опредѣлять предметы, на которые слѣдуетъ обращаться этой силѣ. Каждому извѣстно, какое дѣйствіе производится сосредоточеніемъ силы въ извѣстномъ направленіи, обращеніемъ ея дѣятельности на меньшее число предметовъ: чѣмъ меньше будетъ ихъ, тѣмъ съ большею энергіею станетъ ихъ охватывать данная сила. Отсталые экономисты совершенно ошибаются, воображая, что замѣняютъ пропорцію вообще между количествомъ правительственнаго вмѣшательства и количествомъ самодѣятельности общества, когда настаиваютъ на томъ, чтобы правительство занималось исключительно однимъ предметомъ, не касаясь другихъ: сумма административнаго вмѣшательства остается все та же самая, только прилагается къ одному предмету. Изъ пяти единицъ составляется одна цифра пять, только въ томъ и разница. Но нѣтъ, мы ошиблись, чрезмѣрнымъ и односторонним сосредоточе-

ніемъ силъ на одномъ предметѣ нарушается прежній общественный балансъ. На что бы ни была обращена дѣятельность правительства, все-таки она постепенно измѣняетъ своимъ вліяніемъ нравы и потребности общества. Теперь спрашивается, одинаковы ли бываютъ результаты этого вліянія, на какой бы предметъ ни была обращена главная масса дѣятельности? Само собою разумѣется, не все равно — гнуть ли на ту сторону, на которую и безъ того искривленъ предметъ, или на ту, отъ которой онъ уклонился.

Недостатокъ инициативы со стороны частной дѣятельности, — вотъ, по словамъ всѣхъ экономистовъ, даже и отсталыхъ, главный порокъ всѣхъ обществъ. Въ какихъ же сферахъ этотъ порокъ наиболѣе силенъ и въ какихъ частная инициатива наиболѣе сильна? Всѣ мы жалуемся на недостатокъ самостоятельности, предпріимчивости, неослабнаго контроля со стороны частныхъ лицъ въ экономической дѣятельности. Жалоба справедлива, но все-таки изъ десяти человѣкъ девятеро своею головою думаютъ о своихъ денежныхъ дѣлахъ, о своихъ экономическихъ расчетахъ. То ли въ административныхъ, судебныхъ, вообще, политическихъ дѣлахъ? Какое вліяніе и какую заботу имѣетъ частный человѣкъ на континентѣ Западной Европы относительно полицейскихъ распоряженій, административныхъ мѣръ, судебныхъ рѣшеній? Все это дѣлается безъ его воли, безъ его участія, да и вниманіе его пробуждается тутъ развѣ къ тѣмъ случаямъ, отъ которыхъ терпятъ его экономическіе интересы, да и то на минуту, безъ постоянства, безъ энергіи. Потому надобно думать, что важнѣйшій недостатокъ общественныхъ нравовъ на континентѣ Западной Европы, состоитъ именно въ отсутствіи самостоятельности по дѣлу общественной безопасности. Не будь полиціи, ни одинъ кварталъ не справился бы съ ворами; не будь своей арміи, вторженіе небольшаго чужестраннаго войска было бы достаточно для покоренія огромной области. Говорятъ, будто бы когда то, въ IV или V вѣкѣ, толпа изъ 300 германскихъ дикарей прошла всю нынѣшнюю

Францію и чуть ли не всю Испанію, и всѣ города на дорогѣ платили ей дань; да кромѣ того, перерѣзала она нѣсколько десятковъ тысячъ поселянъ. Теперь, конечно, не то; но однако же послѣ Ватерлооской битвы цѣлая Франція покорилась нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ изнуренныхъ солдатъ Веллингтона и Блюхера. Величайшій негодяй, вредящій десяткамъ людей, подсмѣивается надъ ихъ негодованіемъ, пока не попадется въ руки полиціи какимъ нибудь неловкимъ поступкомъ.

Не знаемъ, удалось ли намъ передать читателю нашу мысль. Но мы хотѣли сказать, что какова бы ни была степень иниціативы частной дѣятельности въ экономической сферѣ, все же она безмѣрно больше нежели та степень самостоятельности, какую внушаютъ нравы Западной Европы частнымъ людямъ относительно огражденія безопасности.

Поэтому надо думать, что теорія, сосредоточивающая на одномъ огражденіи безопасности всю дѣятельность государства, ослабляя иниціативу частной дѣятельности въ этомъ отношеніи, стремится отнять у частнаго человѣка возможность и надобность въ развитіи его силъ именно по тому направленію, въ которомъ онѣ наименѣе развиты. Говоря сравненіемъ, эта теорія связываетъ именно тѣ органы индивидуальной дѣятельности, которые и безъ того уже слишкомъ хилы отъ бездѣйствія.

Вмѣсто того, чтобы проповѣдывать индивидуальную иниціативу въ экономическихъ дѣлахъ, при современномъ положеніи нравовъ, гораздо полезнѣе было бы говорить о необходимости ея по исполненію задачъ общественной безопасности. Усиливая опеку по этимъ задачамъ черезъ ограниченіе правительственной дѣятельности исключительно ими, теорія невмѣшательства государства въ экономическую дѣятельность отвлекаетъ отъ нихъ индивидуальную иниціативу и безъ того слишкомъ слабую для нихъ.

Правда, самоуправленіе составляетъ предметъ желанія даже и отсталыхъ экономистовъ. Но они, обращая всѣ свои

мысли на его усиленіе въ экономической дѣятельности, гдѣ оно и безъ того сильнѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ, поддерживаютъ апатію общества въ томъ направленіи, гдѣ оно всего замѣтнѣе и вреднѣе.

Изъ этого читатель видитъ, что мы недовольны теоріей невмѣшательства власти въ экономическія отношенія вовсе не потому, чтобы были противниками личной самостоятельности. Напротивъ, именно потому и не нравится намъ эта теорія, что приводитъ къ результатамъ совершенно противнымъ своему ожиданію. Желая ограничить дѣятельность государства одною заботою о безопасности, она между тѣмъ передаетъ на полный произволъ всю его частную жизнь, даетъ ему полное право совершенно подавлять личность. Въ самомъ дѣлѣ, чего нельзя оправдать подъ предлогомъ охраненія порядка, и какія мѣры изъ всѣхъ, кажущихся стѣснительными въ глазахъ просвѣщеннаго человѣка, не представляются нужными для охраненія общественной безопасности людямъ менѣе просвѣщеннымъ? Реакція всегда являлась для поддержанія общественной безопасности. Деспотизмъ, открытый нами въ теоріи, виденъ на практикѣ въ обществахъ Западной Европы: повсюду были найдены необходимыми террористическія мѣры для возстановленія порядка. Надобно только вспомнить о послѣдней половинѣ 1848 и о слѣдующихъ годахъ во Франціи, Германіи, Италіи. Народныя массы были взволнованы, и оказалось, что нечѣмъ укротить ихъ, кромѣ физической силы. Почему же оказалось это? Потому что для удовлетворенія ихъ требованій нужно было энергическое вмѣшательство западныхъ правительствъ въ экономическія отношенія, а теорія отсталой экономической школы, господствовавшая въ образованныхъ классахъ, не допускала такого вмѣшательства.

При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Западной Европѣ, эта теорія ведетъ къ подавленію личности, къ замѣненію законнаго порядка произвольными мѣрами, къ превращенію всей законодательной и административной силы въ военный

и полицейскій надзоръ для усмиренія и наказанія. Кромѣ Англіи, ни одно изъ государствъ Западной Европы не могло бы сохранить своего настоящаго устройства, если бы не опиралась на военную силу. „Но по крайней мѣрѣ въ Англіи общественное устройство поддерживается не вооруженною силою?“ Такъ, но за то англійскія понятія объ отношеніяхъ государства къ экономической дѣятельности частныхъ лицъ не похожи на теорію, которая господствуетъ на континентѣ. Обыкновенно говорятъ, что въ Англіи правительство оставляетъ частному лицу гораздо болѣе самостоятельности, чѣмъ на континентѣ. Это правда, но, говоря о размѣрѣ власти, забываютъ о распредѣленіи ея дѣятельности между разными отраслями общественной жизни. Полиція, администрація, судъ, — во всемъ этомъ государство на Великобританскихъ островахъ имѣетъ гораздо менѣе власти нежели на континентѣ. Но въ экономическихъ отношеніяхъ оно оставило за собою гораздо больше власти, нежели сколько оставляется ему теоріею laiss z faire, laissez passer на континентѣ. Укажемъ одинъ фактъ, безусловно осуждаемый всѣми отсталыми экономистами — налогъ для пособія бѣднымъ. Мы согласны, что форма употребленія этой подати нелѣпа; что же дѣлать? она сохранилась отъ среднихъ вѣковъ, а въ среднихъ вѣкахъ не было ничего соотвѣтствующаго нынѣшнимъ потребностямъ. Но мы говоримъ о принципѣ этой подати: государство обязано давать средства для жизни каждому изъ своихъ членовъ.“ Тамъ гдѣ могъ сохраниться этотъ принципъ, несмотря даже на нелѣпость формы, въ которую облеченъ, тамъ, конечно, понятія объ отношеніи государства къ экономической дѣятельности должны быть совершенно не таковы, какъ теорія безусловнаго невмѣшательства. Въ самомъ дѣлѣ, англійскіе экономисты не совсѣмъ похожи на тѣхъ отсталыхъ французовъ, изъ которыхъ обыкновенно почерпаются наши понятія о политической экономіи, Эти англичане, въ своемъ государствѣ считающіеся людьми совершенно мирными, могутъ удивить человѣка, начитавшагося только однихъ книжекъ Сэ. Въ при-

примѣръ мы укажемъ на Милля, который считается теперь первымъ экономистомъ въ Англіи. Мы слышали, что сочиненіе Милля переводится на русскій языкъ и отъ души желаемъ скораго исполненія этой полезной мысли. Тогда русская публика увидитъ, что односторонніе доктрины противъ которыхъ мы вооружаемся, не составляютъ сущности строгой экономической науки и должны считаться принадлежностью не всѣхъ вообще экономистовъ, а только отсталыхъ французскихъ писателей. Милль человѣкъ совершенно спокойный, врагъ всякихъ фантазій и утопій, и никто въ Англіи не считаетъ его ни врагомъ порядка, ни врагомъ науки, напротивъ, каждый находитъ, что онъ оказалъ больше услугъ, нежели какой бы то ни было другой экономистъ настоящаго времени. Каковы же понятія этого спокойнаго и серьезнаго ученаго? Онъ говоритъ о рентѣ, о наслѣдствѣ такія вещи, которыя совершенно противурѣчатъ послѣдователямъ системы laissez faire, laissez passer. Онъ говоритъ, напримѣръ, что наслѣдство, даже по прямой линіи, можетъ быть ограничено закономъ безъ нарушенія собственности; онъ говоритъ, что рента составляетъ собственность государства, а не частныхъ лицъ, и если частныя лица пользуются ею, то это монополія, уступленная имъ государствомъ. Наконецъ, угодно ли знать, что онъ говоритъ вообще о нынѣшнемъ порядкѣ? Вотъ что. Мы переводимъ нѣсколько страницъ изъ 1-й главы 2-й книги его сочиненія.

„Противники принципа индивидуальной собственности могутъ быть раздѣлены на два класса: теорія однихъ предлагаетъ безусловное равенство въ распредѣленіи матеріальныхъ средствъ къ жизненнымъ наслажденіямъ; другіе допускаютъ неравенство, но только такое, которое было бы основано на принципѣ справедливости или вообще пользы, а не зависѣло бы только отъ случая, какъ многія изъ нынѣшнихъ общественныхъ неравенствъ.

„Каковы бы ни были достоинства или недостатки этихъ различныхъ теорій, по справедливости нельзя назвать ихъ

непрактичными. Обыкновенно представляютъ противъ системы общинной собственности и равнаго распредѣленія произведеній то возраженіе, что при ней каждый постоянно старался бы отвиливать отъ своей доли работы. Но люди, дѣлающіе такое возраженіе, забываютъ въ какомъ громадномъ размѣрѣ существуетъ то же самое неудобство при системѣ, при которой производится нынѣ девять десятыхъ труда. Возраженіе предполагаетъ, что честнаго и плодотворнаго труда должно ожидать только отъ людей, которые лично сами пользуются результатомъ своихъ усилій. Но какая ничтожная часть всего труда, производимаго въ Англіи, производится людьми трудящимися въ собственную пользу? Отъ человѣка, получающаго самое низкое, до человѣка, получающаго самое высокое жалованіе, отъ ирландскаго жнеца или носильщика до верховнаго судьи или государственнаго министра, почти всѣ люди, трудящіеся въ обществѣ, вознаграждаются за трудъ поденной платой или опредѣленнымъ содержаніемъ. Фабричный рабочій имѣетъ въ своей работѣ менѣе личнаго интереса, нежели членъ ассоціаціи, потому что не трудится подобно ему для товарищества въ которомъ самъ участвуетъ. Скажутъ, что хотя большая часть работниковъ и не имѣетъ личнаго интереса въ своемъ трудѣ, но за ними надзираютъ, управляютъ ихъ трудомъ и исполняютъ умственную часть труда люди, имѣющіе въ немъ личный интересъ. Нѣтъ, и это можно сказать далеко не о всѣхъ дѣлахъ. Во всѣхъ общественыхъ и во многихъ самыхъ большихъ и успѣшныхъ частныхъ предпріятіяхъ не только черная работа, но также контроль и управленіе ввѣрены наемнымъ людямъ. Я высоко цѣню одушевленіе, придаваемое труду тою перспективою, когда вся выгода или значительная часть выгоды отъ усердія въ работѣ достается работнику. Но при настоящей системѣ производства это побужденіе не существуетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Если бы общинный трудъ и былъ менѣе энергиченъ, нежели трудъ поселянина – собственника или ремесленника, трудящагося въ свою собственную выгоду,

то, вѣроятно, онъ былъ бы болѣе энергиченъ, нежели трудъ наемнаго работника, вовсе не имѣющаго личной выгоды въ дѣлѣ. Небрежность работниковъ составляетъ самую рѣзкую черту въ нынѣшнемъ устройствѣ общества.

„Но недостовѣрно еще и то, чтобы трудъ общиннаго работника былъ менѣе энергиченъ, нежели трудъ человѣка, работающаго въ собственную выгоду, какъ полагаютъ люди, непривыкшіе простирать мысль за границы того порядка вещей, который у нихъ подъ глазами. Люди способны проникаться усердіемъ къ общему дѣлу въ гораздо большей степени, нежели какъ представляется возможнымъ въ настоящее время. Исторія свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ, съ которымъ огромныя массы людей могутъ быть направляемы къ тому, чтобы каждый изъ нихъ считалъ общественный интересъ своимъ собственнымъ. Самою удобною почвою для развитія такого чувства была бы ассоціація: все честолюбіе, вся физическая дѣятельность, обращенныя теперь на эгоистическія цѣли, должны были бы тогда искать себѣ занятія въ другой сферѣ и, натурально, нашли бы его въ заботѣ объ общественной пользѣ. И независимо отъ этого общественнаго побужденія, каждый членъ ассоціаціи возбуждался бы вліяніемъ самаго всеобщаго и самаго сильнаго изъ личныхъ побужденій — вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Никто не отрицаетъ силу этого побужденія въ отвращеніи людей отъ поступковъ, положительно осуждаемыхъ обществомъ и отъ пренебреженія правилами, соблюденіе которыхъ оно требуетъ. Сила соревнованія, возбуждающая къ самымъ энергическимъ усиліямъ для пріобрѣтенія похвалы и удивленія отъ другихъ, также очень велика, — это свидѣтельствуется опытомъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, при которыхъ бываетъ публичное соревнованіе между людьми, даже и въ дѣлахъ пустыхъ, или неприносящихъ пользы обществу.

„Болѣе серьезнымъ затрудненіемъ представляется хорошее распредѣленіе труда между членами ассоціаціи. По какой нормѣ будутъ соразмѣряться различные роды труда?

Кто будетъ судить, напримѣръ, какое количество ткацкой работы будетъ равномѣрно извѣстному количеству пахотной работы? Да и въ одномъ родѣ трудно ввести равномѣрность, Номинальное равенство было бы въ сущности неравенствомъ, возмутительнымъ для справедливости. Не каждый одинаково способенъ ко всякому труду и одинаковое количество труда ложится неровнымъ бременемъ на слабаго и сильнаго, бойкаго и медленнаго. Эти затрудненія дѣйствительно существовали бы, но можно побѣдить ихъ. Распредѣленіе труда соразмѣрно силѣ способности каждаго лица, смягченіе общаго правила для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ оно было бы тяжело, — это не такія задачи, съ которыми не могъ бы умъ человѣческій справиться, руководимый чувствомъ справедливости. При томъ, самое неудачное и самое несправедливое разрѣшеніе этихъ задачъ при системѣ, стремящейся къ равномѣрности, было бы такъ далеко отъ того неравенства или несправедливости, съ которою нынѣ распредѣляется даже самый трудъ (не говоря уже о распредѣленіи вознагражденія), что сравнительно съ неудобствами нынѣшней системы объ этихъ несовершенствахъ не стоило бы и говорить.

Онъ заключаетъ свой обзоръ слѣдующими словами:

„Даже изъ нашего краткаго очерка должно быть очевидно, что эта система не нарушаетъ ни одного изъ общихъ законовъ, которымъ подчиняется человѣческая дѣятельность даже при настоящемъ несовершенствѣ нравственнаго и умственнаго развитія, и что было бы чрезвычайно опрометчиво сказать, будто она не можетъ имѣть успѣха, или не можетъ осуществить значительной части надеждъ, основываемыхъ на ней ея послѣдователями.*)

Мы привели этотъ довольно длинный отрывокъ только для того, чтобы показать, какъ далеко истинно современные экономисты расходятся въ своихъ понятіяхъ съ узколобою

(*) Principles of Political Economy by John Stuarn Mill. London. 1857. Часть первая. Стр. 246 — 254 и 263.

школою разныхъ отсталыхъ французиковъ, изъ книжонокъ которыхъ обыкновенно почерпаются пышныя рѣчи нашими доморощенными противниками общиннаго владѣнія. Насъ упрекаютъ въ томъ, что мы отвергаемъ „научныя истины". Помилосердствуйте надъ этимъ серьезнымъ терминомъ, милостивые государи, скажемъ мы въ отвѣтъ, не профанируйте его приложеніемъ его ко всякой ветхой дряни, которую провозглашаетъ какой нибудь поверхностный или недоучившійся французскій пустословъ. Какой науки хотите вы искать у Коклена и Гильомена? Какая наука согласится имѣть своими представителями Бодрильяра или Гарнье? Успокойтесь, милостивые государи! вовсе не надъ наукою мы смѣемся, а надъ ветхою дребеденью, которая вовсе не пользуется одобреніемъ истинно ученыхъ экономистовъ, думающихъ своею головою, а не головою стародавнихъ учителей, которые жили въ другія времена, были представителями другихъ обстоятельствъ и другихъ потребностей.

Если мы споримъ противъ теоріи laissez faire, laissez passer, то споримъ противъ нея главнымъ образомъ, какъ противъ утопіи, недостижимой при нынѣшнемъ положеніи общественныхъ нравовъ, при которомъ государство по необходимости имѣетъ очень значительную силу надъ частною жизнью. Главнымъ источникомъ такой силы мы считаемъ непривычку частныхъ людей къ инициативѣ. Печальнѣе всего этотъ недостатокъ частной инициативы проявляется именно въ той отрасли жизни, которая отдается подъ безусловную опеку государства теоріей его невмѣшательства въ экономическія отношенія: частная инициатива слабѣе всего въ дѣлѣ охраненія безопасности. Мы думаемъ, что если государственная забота будетъ раздѣляться на всѣ отрасли жизни, а не сосредоточиваться на одной этой, частная инициатива будетъ имѣть болѣе побужденій къ развитію той своей функціи, которая до сихъ поръ оставалась очень слаба. Мы думаемъ, что дѣятельность государства въ экономической сферѣ вовсе не такъ опасна для личной самостоятельности, какъ въ дѣлѣ

охраненія безопасности, потому что въ экономической сферѣ частная инициатива чрезвычайно сильна и не можетъ быть подавлена никакимъ вмѣшательствомъ. Словомъ сказать, мы также сильно хлопочемъ о развитіи личной самостоятельности, какъ самые рьяные приверженцы отсталой школы; мы думаемъ только, что нашъ принципъ для развитія личной самостоятельности благопріятнѣе, нежели система laissez faire, laissez passer. Мы уже показали, что въ теоріи она ведетъ къ поглощенію личности государствомъ, а на практикѣ служитъ оправданіемъ для реакціоннаго терроризма. Именно поэтому мы отвергли ее, и теперь пора намъ заняться изложеніемъ тѣхъ понятій, которыя кажутся намъ менѣе опасными для личной самостоятельности и болѣе разсудительными.

Первое правило разсудительности — принимать въ соображеніе факты. И такъ, мы выходимъ изъ того факта, что государство существуетъ и пользуется огромной силой. Каковы наши идеалы, теперь не объ этомъ рѣчь. Мы только разсматриваемъ, какое распредѣленіе государственной власти по разнымъ отраслямъ жизни неизбѣжно при данномъ состояніи общественныхъ нравовъ; мы принимаемъ государство и его огромную силу какъ фактъ, и должны только объяснить себѣ происхожденіе и смыслъ этого факта.

Для чего возникаетъ государство и правительство, служащее органомъ его? Нѣкоторые предполагаютъ для государства цѣль болѣе высокую, нежели потребности отдѣльныхъ лицъ, — именно осуществленіе отвлеченныхъ идей справедливости, правды и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ такого принципа очень легко выводить для государства права болѣе обширныя, нежели изъ другой теоріи, которая говоритъ только о пользѣ частныхъ лицъ; но вообще мы держимся послѣдней, и выше человѣческой личности не принимаемъ на земномъ шарѣ ничего. Будемъ же говорить объ обязанностяхъ государства съ этой точки зрѣнія, которую принимаютъ всѣ почти экономисты и въ томъ числѣ всѣ экономисты отсталой школы. Государство, по нашему мнѣнію, существуетъ только

для блага частныхъ лицъ; въ этомъ не станутъ спорить съ нами люди, осуждающіе насъ за привязанность къ общинному владѣнію. Теперь предложимъ нѣсколько вопросовъ. Въ чемъ поставили мы источникъ и цѣль правительства? Въ пользахъ индивидуальнаго лица. Какихъ же именно мѣръ могутъ требовать эти пользы и къ какимъ отраслямъ жизни могутъ относиться обязанности содѣйствовать этимъ пользамъ? Само собою разумѣется, тутъ a priori ничего нельзя опредѣлить, все будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Мало ли какъ измѣняются надобности и желанія человѣка? Тутъ границъ разнообразію не можетъ быть опредѣлено никакихъ, кромѣ самого слова „польза". Какъ же теперь и опредѣлить обязанности государства какимъ нибудь другимъ терминомъ? Всякое другое опредѣленіе не будетъ соотвѣтствовать самому понятію о сущности государства: зачѣмъ оно существуетъ, если не для пользы людей? А если существуетъ оно для этой цѣли, то конечно должно удовлетворять всему, что требуется понятіемъ пользы.

Есть разныя теоріи о томъ, что полезно для людей. Смотря потому, какую теорію вы примете, будутъ измѣняться ваши понятія объ обязанностяхъ государства. Но разница между заслуживающими вниманія теоріями человѣческихъ потребностей состоитъ не въ томъ, чтобы одна исключала какія либо честныя средства или дѣятельности изъ сферы жизни, а другая принимала ихъ; нѣтъ, разница только въ томъ, что, перечисляя разныя потребности человѣка, одна теорія выше ставитъ однѣ, другая—другія; напримѣръ, по одной теоріи на первомъ мѣстѣ стоитъ матеріальное благосостояніе, по другой нравственное развитіе и такъ далѣе.

Намъ кажется, что теоретическіе споры объ этомъ не совсѣмъ разсудительны: есть довольно много потребностей одинаково важныхъ съ общей точки зрѣнія, и та или другая беретъ перевѣсъ надъ остальными только на время, по стеченію обстоятельствъ, а съ измѣненіемъ ихъ уступаетъ первенство какой нибудь другой; слѣдовательно, рѣшеніе

принадлежитъ уже только практикѣ, зависящей отъ обстоятельствъ, а вовсе не отъ теоріи.

„Но по крайней мѣрѣ въ практикѣ для настоящаго времени какую потребность считаете вы самой настоятельной“? Едва ли разсудительно было бы сказать, что слѣдуетъ считать только одну; скорѣе можно думать, что при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ равно настоятельны три потребности: улучшеніе матеріальнаго быта массы, расширеніе просвѣщенія и увеличеніе индивидуальной самостоятельности. Однако же, чтобы приблизиться къ желаніямъ экономической школы, отсталыя мнѣнія которой мы опровергаемъ, и чтобы показать необходимость нашего вывода даже при отправленіи съ точки зрѣнія повидимому самой невыгодной для него, мы согласимся, что потребность индивидуальной самостоятельности составляетъ главную черту нынѣшняго положенія дѣлъ.

Будемъ же разсуждать, основываясь на принципѣ развитія индивидуальной самостоятельности. Пусть кругъ дѣйствій государства будетъ опредѣляться преимущественно этою потребностью. Каково будетъ въ такомъ случаѣ отношеніе государства къ экономической дѣятельности? Будетъ ли отвергнута инициатива со стороны государства въ экономической сферѣ?

Нынѣ каждый говоритъ, что всѣ отрасли жизни тѣсно связаны. Открытіе сдѣланное ученымъ производитъ переворотъ въ матеріальномъ бытѣ; увеличеніе благосостоянія поднимаетъ науку; постройка желѣзныхъ дорогъ измѣняетъ общественные нравы. Толковать объ этомъ даже скучно, потому что эту мудрость найдете вы въ каждомъ пустѣйшемъ фельетонѣ. Но изъ этого ясно, что какая бы сфера жизни ни должна была служить кореннымъ поприщемъ какой нибудь инициативы, все таки не останется ни одной сферы жизни, которая могла бы укрыться отъ дѣйствія этой инициативы. Возьмемъ напримѣръ случай, относящійся прямо къ вопросу о личной юридической самостоятельности. Въ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія дѣло идетъ кореннымъ образомъ о

возвращеніи гражданскихъ правъ людямъ, которые до сихъ поръ не признавались самостоятельными членами общества. Сомѣніе тутъ невозможно: сущность дѣла состоитъ въ пріобрѣтеніи гражданскихъ правъ, въ пріобрѣтеніи самостоятельности бывшими крѣпостными крестьянами; основаніе вопроса чисто юридическое. Но что же мы видимъ? Съ перемѣною юридическихъ отношеній неразрывно соединена экономическая сторона и оказывается столь важною, что совершенно заслоняетъ собою юридическую сторону отъ вниманія общества. И не думайте, чтобы одно это дѣло было таково; нынѣ во всѣхъ дѣлахъ экономическая сторона очень важна. Напримѣръ, хотя бы дипломатическія отношенія. Никто не станетъ отнимать у правительства власти давать аудіенціи иностраннымъ посланникамъ и говорить съ ними; но десять словъ, сказанныхъ Наполеономъ III Гюбнеру на новый годъ, отняли у европейскихъ капиталистовъ въ одну недѣлю четыреста милліоновъ руб. Не двинулся еще ни одинъ французскій солдатъ къ австрійскимъ границамъ, произнесена была только одна фраза, — и курсы фондовъ понизились на столько, что тысячи людей сдѣлались богачами, десятки тысячь разорились, сотни тысячь потеряли пятидесятую, двадцатую или даже пятую часть своего состоянія. Не употребляйте тутъ, если не хотите, слово конфискація, но результатъ фразы, въ которой не было ни малѣйшаго намека о промышленности или торговлѣ, или о какомъ нибудь имуществѣ, равнялся результату, какой могла бы имѣть только самая коллосальная конфискація. — „Но это случай чрезвычайный“. — Обратимся къ обыденнымъ административнымъ и законодательнымъ мѣрамъ, которыя возникаютъ каждый день, — мы также увидимъ, что каждая изъ нихъ производитъ соотвѣтствующую перемѣну въ экономическихъ отношеніяхъ. Положимъ, напримѣръ, что въ Петербургѣ рѣшено ввести газовое освѣщеніе на всѣхъ улицахъ. Навѣрное ни одинъ экономистъ не скажетъ, что городское начальство или центральное правительство выйдетъ изъ круга прямыхъ сво-

ихъ обязанностей, заботясь объ освѣщеніи города. Но если освѣтятся газомъ Коломна и Выборгская сторона, безъ всякаго сомнѣнія цѣна квартиръ тамъ нѣсколько поднимется: полицейское распоряженіе подарило домохозяевамъ этихъ частей выигрышъ на доходѣ въ нѣсколько сотъ тысячъ, а на капиталѣ въ нѣсколько милліоновъ. Кончилось ли тѣмъ дѣло? Нѣтъ. Число квартиръ осталось прежнее, число жителей Петербурга также, слѣдовательно, пропорція между запросомъ и предложеніемъ квартиръ, по цѣлому городу, осталась одна и та же; но въ нѣкоторыхъ частяхъ запросъ усилился; очевидно, что онъ долженъ въ соотвѣтственной степени ослабѣть въ другихъ частяхъ. И дѣйствительно, каждый, вновь желающій поселиться въ Коломнѣ или на Выборгской сторонѣ, выбываетъ изъ числа желающихъ оставаться въ первой Адмиралтейской или въ Литейной части. Уменьшеніе запроса производитъ пониженіе цѣнности. Сумма уплатъ за квартиру осталась въ цѣломъ Петербургѣ прежняя. Ясно, что она уменьшилася въ нѣкоторыхъ частяхъ, если увеличилась въ другихъ. Освѣщеніе газомъ Коломны и Выборгской стороны имѣетъ тотъ же экономическій результатъ, какой имѣла бы передача домохозяевамъ этихъ частей нѣсколькихъ милліоновъ, взятыхъ у домохозяевъ тѣхъ частей, которыя уже и прежде имѣли хорошее освѣщеніе. Другой примѣръ. Предположимъ, что правительство упрощаетъ формы дѣлопроизводства. Мы не говоримъ уже о томъ, что чрезъ это уменьшается масса чиновниковъ: положимъ, что люди служащіе, по необходимости находясь въ прямой экономической зависимости отъ каждой административной мѣры, не должны приниматься въ расчетъ; но каково вліяніе упрощенія переписки на экономическій бытъ частныхъ людей, не находящихся въ службѣ? Вести дѣла стало легче, рѣшаются они скорѣе, ходъ ихъ понятнѣе, стало быть меньше расходовъ и меньше хлопотъ каждому, имѣющему какое нибудь дѣло съ полиціею, администраціею или судилищемъ. А изъ десяти человѣкъ девятеро имѣютъ въ годъ хотя одно какое нибудь дѣло до

власти. Слѣдовательно, всѣ они что нибудь выигрываютъ въ денежномъ отношеніи. Кончилась ли этимъ экономическая перемѣна? Опять таки нѣтъ. Если дѣла ведутся яснѣе, проще и короче, уменьшается надобность въ ходатаяхъ, слѣдовательно, теряютъ всѣ тѣ, которые жили запутанностью и медленностью дѣлопроизводства. Вы скажите: „это и прекрасно; пусть уменьшаются выгоды людей, живущихъ на счетъ другихъ". Я согласенъ, но замѣчаю во первыхъ, что именно таковъ смыслъ всѣхъ доктринъ, желающихъ разумнаго участія государства въ экономическихъ дѣлахъ и отвергающихъ формулу laissez faire, laissez passer. Во вторыхъ, какъ бы то ни было, а все таки упрощеніемъ дѣлопроизводства передавалась бы одному разряду людей очень значительная масса доходовъ, теряемыхъ другимъ разрядомъ людей.

Но едва ли не напрасно мы говорили о томъ, что каждое дѣйствіе государственной власти, къ какой бы сферѣ ни относилось оно прямымъ образомъ, къ военной или дипломатической, къ полицейской или судебной, непремѣнно производитъ соотвѣтствующую перемѣну въ экономическихъ отношеніяхъ, непремѣнно сопровождается передачею извѣстной массы дохода и, слѣдовательно, капитала изъ рукъ однихъ частныхъ людей въ руки другихъ частныхъ людей, — напрасно выставляли мы эту сторону всѣхъ безъ исключенія правительственныхъ дѣйствій въ доказательство того, что экономическая сторона частной дѣятельности никакъ не можетъ не находиться въ огромной зависимости отъ правительства. Есть другой фактъ, прямымъ образомъ установляющій эту зависимость. Никто еще никогда не сомнѣвался въ неизбѣжной связи идеи государства съ идеею налоговъ и податей. Формы государственной власти могутъ быть чрезвычайно различны, составъ бюджета также, но всегда и вездѣ государственная власть имѣла въ своемъ распоряженіи бюджетъ, вездѣ опредѣляла она налоги и подати, вездѣ опредѣляла предметы ихъ расходованія. Въ этомъ отношеніи все равно, — неограниченный ли монархъ, или конституціонный парла-

ментъ, или собраніе всего народа называется государственной властью: во всякомъ случаѣ, каждый частный человѣкъ долженъ платить налоги и подвергаться пошлинамъ, какія установитъ государственная власть. Надобно ли говорить, въ какую великую зависимость отъ государства ставится черезъ это имущество каждаго частнаго человѣка и вся его экономическая дѣятельность? Конфискація слово ненавистное; но что въ ней ненавистнаго и несправедливаго? То, что извѣстное лицо подвергается исключительной мѣрѣ, не касающейся другихъ; ненавистно и несправедливо то, что съ однимъ поступаютъ не такъ, какъ со всѣми другими. Конфискація — обратная сторона привиллегіи. Но если государство поступитъ несправедливо, предоставивъ мнѣ одному право пользоваться выгодами, напримѣръ, торговли съ Англіею или съ Франціею, то поступаетъ ли оно дурно, предоставляя каждому своему подданому право вести заграничную торговлю и пользоваться ея выгодами? Ненавистны и несправедливы всякія исключительныя мѣры, обращенныя на одно лицо въ его выгоду, или невыгоду, все равно. Но когда налогъ одинаково ложится на всѣхъ, до кого можетъ касаться, въ немъ нѣтъ несправедливости, это всѣми признано. А между тѣмъ, что такое дѣлаетъ налогъ? Онъ беретъ у частнаго лица въ пользу государства извѣстную долю доходовъ, т. е. извѣстную долю капитала. Если у меня триста десятинъ земли, дающихъ каждая по четыре рубля дохода, то для меня все равно, будетъ ли учрежденъ налогъ въ одинъ рубль на десятину или прямо была бы взята у меня четвертая часть моей земли: за уплатою налога изъ 1,200 р. у меня останется дохода девятьсотъ руб.; если бы у меня прямо было взято 75 десятинъ, результатъ былъ бы тотъ же; 225 десятинъ, оставшіяся у меня и избавленныя отъ налога, давали бы также 900 рублей. Доходъ былъ бы одинаковъ, слѣдовательно, и капиталъ былъ бы одинаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, давая мнѣ такую цѣну, чтобы получать съ купленнаго имущества 5 процентовъ, покупщикъ далъ бы

мнѣ за каждую десятину только по 60 руб., когда остается дохода по 3 руб. съ десятины, т. е. за триста десятинъ далъ бы мнѣ только 18,000 руб.; а если съ десятины остаются всѣ 4 рубля дохода, онъ далъ бы за десятину по 80 руб., т. е. мои 225 десятинъ имѣли бы ту же самую цѣнность, 18,000 руб. Въ экономическомъ отношеніи налогъ совершенно равняется тому, какъ если бы соотвѣтственная доля имущества была обращена изъ частной собственности въ государственную.

Если государство безпрекословно пользуется правомъ присвоивать себѣ посредствомъ налога такую часть имущества, какую почтетъ удобнымъ, то возможно ли разсудительному человѣку, понимающему экономическую сущность налога, сомнѣваться въ правѣ государства обращать на экономическія отношенія дѣйствіе своей власти гораздо болѣе медленное, и далеко не столь рѣзкое, именно принимать законодательныя мѣры, какія требуются улучшеніемъ быта массы?

Мы говорили о бюджетѣ доходовъ. Еще поразительнѣе экономическое дѣйствіе бюджета расходовъ. Многія лица, неимѣющія никакого состоянія, получаютъ изъ государственнаго бюджета богатыя средства для жизни. Мало того, что бюджетъ даетъ содержаніе по нѣскольку тысячъ, или по нѣскольку десятковъ тысячъ въ годъ тѣмъ лицамъ, которыхъ правительство считаетъ достойными такого содержанія, — бюджетъ во всѣхъ государствахъ служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ возникновенія наслѣдственныхъ коллосальныхъ богатствъ. Подрядчики, поставщики, — все это созданія бюджета. Въ Западной Европѣ, почти всѣ громадныя богатства пріобрѣтены частными людьми или прямо отъ бюджета, или по крайней мѣрѣ благодаря покровительству государства. Почти вся безъ исключенія поземельная собственность въ Западной Европѣ произошла изъ пожалованій правительства. Но что говорить о недвижимой собственности, когда въ прямой зависимости отъ

бюджета находится даже промышленная дѣятельность множества лицъ? Возьмемъ въ примѣръ хотя суконныя фабрики. Что, если бы государству вздумалось одѣвать солдатъ вмѣсто суконнаго платья въ бумажное? Кажется, тутъ не можетъ быть спора о границахъ его власти: форма мундира, конечно, зависитъ отъ правительства. Но отъ замѣны суконной шинели плисовою шинелью на вагѣ прямо погибли бы многіе суконные фабриканты. Возьмите какую угодно другую статью государственнаго расхода, и вы увидите, что на ней держится экономическая дѣятельность множества людей, и что перемѣна въ ней будетъ прямымъ уничтоженіемъ многочисленныхъ состояній, прямымъ прекращеніемъ цѣлыхъ отраслей экономической дѣятельности.

Если бы государство совершенно не хотѣло вмѣшиваться въ экономическія отношенія, оно никакъ не могло бы избѣжать чрезвычайно сильнаго вліянія на нихъ; бюджетъ расходовъ развиваетъ экономическую дѣятельность въ извѣстныхъ направленіяхъ, бюджетъ доходовъ ставитъ въ прямую зависимость отъ государства всѣ безъ исключенія частныя имущества и доходы, и наконецъ, всякое законодательное постановленіе, всякое измѣненіе судоустройства, всякая административная или судебная мѣра имѣетъ своимъ послѣдствіемъ перенесеніе извѣстной суммы имущества изъ однихъ рукъ въ другія. Этотъ фактъ неизбѣжный, неотвратимый никакою теоріею науки, никакими желаніями самаго правительства. Послѣ того люди, толкующіе о невмѣшательствѣ государства въ экономическія отношенія, не похожи ли на того господина, который толковалъ о букашкахъ, не замѣчая слона? Если государство имѣетъ право вести войну, выбирать источники для составленія бюджета своихъ доходовъ, употреблять, какъ ему покажется нужнымъ, собираемыя имъ суммы, — если оно такимъ образомъ имѣетъ власть надъ сотнями и тысячами милліоновъ, то какая тутъ можетъ быть рѣчь о независимости частной экономической дѣятельности отъ государства? Будемъ говорить откровенно: значитель-

ная часть всей экономической дѣятельности общества находится въ прямой зависимости отъ правительства. Будутъ ли понимать экономисты, будетъ ли понимать само государство, что должно имѣть сильное вліяніе на частную экономическую дѣятельность, это все равно: во всякомъ случаѣ всѣ имущественныя отношенія частныхъ лицъ будутъ зависѣть, какъ всегда зависѣли, отъ государственной власти.

Но есть большая разница въ томъ, сознано ли значеніе факта, или онъ происходитъ безсознательно. Если бы браминъ сознавалъ, что онъ въ каждомъ глоткѣ воды поглащаетъ милліоны живыхъ существъ, онъ вѣроятно не остановился бы опасеніемъ наступить на какую нибудь букашку своею ногою, когда нужно спѣшить, чтобы вытащить утопающаго изъ воды. Если бы экономисты отсталой школы понимали неизбѣжность вліянія государства на экономическія отношенія, они, вѣроятно, вмѣсто пустыхъ толковъ объ утопической системѣ невмѣшательства, занялись бы опредѣленіемъ истинно полезныхъ предметовъ и дѣйствительно разумныхъ границъ для неизбѣжнаго вмѣшательства. Мы попробуемъ сдѣлать это, принимая за основу тотъ фактъ, что государство существуетъ для блага индивидуальной личности. Прежде всего мы разсмотримъ, въ какомъ направленіи должно производиться вліяніе государства на распредѣленіе имущества въ обществѣ для принесенія людямъ наибольшей выгоды.

Предположимъ, что у Ивана есть доходъ въ 50 рублей; предположимъ, что у Петра есть доходъ въ 500 рублей; предположимъ, что кто нибудь долженъ поручить другому лицу дѣло, дающее 100 руб. дохода: кому изъ двухъ, Ивану или Петру, будетъ выгоднѣе такая прибыль? Черезъ прибавку 100 рублей доходъ Петра увеличится всего только на пятую долю, а доходъ Ивана увеличится въ три раза. Ясно, что поручить это дѣло Ивану — значитъ принести человѣку гораздо болѣе пользы, нежели поручить его Петру. Беремъ другой случай. Предполагаемъ, что существуетъ десять

человѣкъ, имѣющихъ каждый по 50 рублей дохода; предположимъ, что есть дѣло, дающее 500 рублей дохода; спрашивается, лучше ли будетъ сдѣлать участниками въ этомъ дѣлѣ всѣхъ десятерыхъ, или поручить его одному? Если поручить одному, онъ выиграетъ чрезвычайно много, но выиграетъ онъ одинъ; если сдѣлать участниками всѣхъ десятерыхъ, состояніе каждаго улучшится вдвое. Положимъ, что мы еще не можемъ изъ этого рѣшить, который способъ лучше, и поручили все дѣло одному. Но вотъ встрѣчается опять подобное дѣло: если мы поручимъ одному тому, кому поручали прежнее дѣло, его положеніе улучшится менѣе, нежели вдвое (онъ имѣлъ уже 550 рублей, теперь будетъ имѣть 1050); если же поручить дѣло остальнымъ девяти, состояніе каждаго изъ нихъ улучшится болѣе, чѣмъ вдвое (каждый имѣлъ по 50, теперь будетъ имѣть по 105 съ половиною руб.). Ясно, что лучше дать девятерымъ слишкомъ вдвое, нежели одному менѣе, нежели чѣмъ вдвое; ясно, значитъ, что въ первый разъ полезнѣе было бы призвать къ участію всѣхъ десятерыхъ, а не сосредоточивать выгоду на одномъ. Мы говорили о выгодахъ, теперь подумаемъ объ убыткахъ. Предположимъ опять Ивана съ 50 рублями дохода и Петра съ 450 руб.; предположимъ, что намъ нужно получить 100 рублей и что мы имѣемъ право взять ихъ съ того и съ другаго въ какой намъ угодно пропорціи. Если мы раздѣлимъ требованія на обоихъ поровну, то оказалось бы, что, взявъ съ Ивана 50 рублей, мы оставили его рѣшительно безъ копѣйки, а между тѣмъ у Петра взяли только одну девятую часть его доходовъ. Тутъ явная неравномѣрность въ обремененіи. Справедливѣе будетъ взять съ обоихъ въ равной пропорціи, т. е. съ Ивана только 10, а съ Петра 90 рублей. Быть можетъ, если бы мы ближе всмотрѣлись въ необходимыя надобности того и другого, мы увидѣли бы, что можно найти пропорцію еще болѣе справедливую; но пока довольно для насъ и того; мы уже видимъ, каково должно быть вообще вліяніе государственнаго участія на

экономическія отношенія. Оно должно стремиться къ тому, чтобы выгоды общественной жизни распредѣлялись между членами общества какъ можно равномѣрнѣе, а убытки ложились на тѣхъ, кто легче можетъ ихъ вынести. Только въ этомъ направленіи можно доставлять людямъ, при данномъ размѣрѣ національнаго богатства, наибольшую сумму благосостоянія.

Въ этомъ согласны съ нами даже экономисты отсталой школы; но теперь мы должны перейти къ предмету, въ которомъ разсходимся съ ихъ теоріей. Опредѣливъ направленіе непосредственнаго участія государства въ частныхъ дѣлахъ, надобно рѣшить вопросъ: нуждается ли экономическая дѣятельность частныхъ людей въ прямомъ содѣйствіи государственной власти?

„Какъ это можно? кричатъ экономисты отсталой школы: — такое вмѣшательство нарушило бы естественный ходъ вещей. Пусть вещи идутъ естественнымъ порядкомъ. Насиловать природу нельзя. Всякая искуственность вредна. Искуственными средствами вы ничего не достигнете. Оставьте дѣйствовать природу вещей; она лучше васъ знаетъ, какъ и что дѣлать. Неужели вы хотите свой ограниченный умъ поставить судьею природы и передѣлывать ее по вашимъ теоріямъ“?

Слова эти очень громки и милы, а главное — очень успокоительны. Смыслъ ихъ таковъ: будьте людьми, которые по выраженію Гоголя, смотрятъ на міръ, ковыряя пальцемъ въ носу. Но дѣло въ томъ, что они основаны на гипотезѣ, которую мы не обязаны принимать безъ провѣрки. „Невозможно и вредно передѣлывать природу вещей.“ Почему же такъ? „Потому, что въ природѣ все устроено наилучшимъ образомъ, такъ что потребности человѣческой природы находятъ себѣ наилучшее возможное удовлетвореніе въ случайномъ сцѣпленіи обстоятельствъ, такъ что разсудку не остается надобности и хлопотать объ измѣненіи этихъ обстоятельствъ для приведенія ихъ въ лучшее соотвѣтствіе

съ потребностями человѣка.“ Мы посмотримъ вѣрна ли эта гипотеза.

Все въ природѣ устроено наилучшимъ образомъ, — не знаю, съ какой точки зрѣнія это справедливо; а съ точки зрѣнія человѣческихъ потребностей и удобствъ оказывается вовсе не то. Напримѣръ, теперь хлопочатъ о прорытіи Суэзскаго и Панамскаго перешейковъ, — ясно, что эти перешейки чему-то мѣшаютъ. Французы сверлятъ въ южной половинѣ Алжиріи артезіанскіе колодцы, — надобно полагать, что воды въ тѣхъ мѣстахъ меньше, нежели нужно человѣку. Да что говорить о такихъ мелочахъ! Риттеръ и Гумбольдтъ давно доказали, что расположеніе Алтайскихъ горъ на югѣ Сибири вовсе неудобно для Сибиряковъ, которымъ было бы лучше защищаться горами отъ полюса; они же говорятъ, что если бы море раздробляло Азію на такіе же мелкіе куски, какъ раздроблена Европа, то для Азіятцевъ было бы гораздо лучше. Африкою они рѣшительно недовольны; и еслибъ только дать имъ волю, они всю бы ее исполосовали длиннѣйшими и широчайшими заливами, устроили бы въ ней по крайней мѣрѣ два или три Средиземныхъ и Балтійскихъ моря. Нельзя сказать, чтобы они во всемъ были довольны и Европой; по ихъ мнѣнію, жаль, что горы у ней на югѣ, а не на сѣверѣ. Если бъ ихъ воля, они перенесли бы Балканы въ Олонецкую губернію. Это, конечно, не скоро удастся сдѣлать; но что могутъ, то дѣлаютъ, люди, чтобы переработать природу по своему. Гдѣ могутъ, они стараются осушать болота, поправлять теченіе рѣкъ, очищать ихъ устья, строить плотины, проводить каналы, — и мало ли чего они не дѣлаютъ. Имъ, видите ли, безъ этихъ передѣлокъ неудобно жить. Да и что такое вся экономическая дѣятельность, какъ не переработка природы для удовлетворенія человѣческимъ потребностямъ? Надобно человѣку ѣсть, — ему приходится пахать землю; да еще мало того что пахать, надобно удобрять ее, надобно передѣлывать почву. Хочется человѣку укрыться отъ непогоды, опять оказывается, что природа не

приготовила для него ничего, кромѣ пещеръ, и приходится опять таки передѣлывать природу, строить себѣ жилище. И до чего доходитъ человѣкъ! — отвратительно и подумать: даже тѣ вещи, которыя въ природномъ видѣ могли бы быть для него полезны, онъ находитъ все еще неудовлетворительными и старается улучшить ихъ по своимъ узкимъ соображеніямъ. Напримѣръ, есть на овцѣ натуральное руно, онъ этою шерстью не доволенъ: говоритъ, будто она груба; начинаетъ перевоспитывать овецъ, разводитъ искусственную породу мериносовъ. Можно питаться говядиной, — онъ опять таки находитъ, что надобно передѣлать коровью породу, чтобы мяса было больше и чтобы оно было вкуснѣе. Словомъ сказать, до чего ни дотронется человѣкъ, все не по немъ, все не такъ, все надобно передѣлывать. Одно изъ двухъ: или весь родъ человѣческій, съ той поры, какъ началъ пахать землю, сумасбродствуетъ и куралеситъ, или въ самомъ дѣлѣ внѣшняя природа неудобна для его потребностей, и надобно ему сильно ее передѣлывать. Вотъ намъ уже и создается „искусственный порядокъ вещей“, котораго не хотятъ допускать отсталые экономисты. По нашему, если вооружаться противъ искусственности, пусть бы воевали не противъ системы Овэна или Луи-Блана, а противъ утопистовъ, удобряющихъ свои поля, или хотя бы и безъ удобренія пашущихъ землю, — вѣдь это тоже „насилованіе натуральнаго порядка“.

Человѣческое общество развилось подъ вліяніемъ внѣшней природы. Мы уже видѣли, что устройство внѣшней природы не совсѣмъ удовлетворительно для человѣческихъ потребностей; изъ этого прямо слѣдуетъ, что развитіе, происшедшее подъ вліяніемъ невыгодной обстановки, не можетъ вполнѣ удовлетворять потребностямъ человѣка и нуждается въ исправленіяхъ, предписываемыхъ разсудкомъ. Самымъ общимъ слѣдствіемъ неполной сообразности устройства природы съ потребностями человѣка является недостаточность средствъ, предлагаемыхъ природою для удовлетво-

ренія его потребностей. По натурѣ своей человѣкъ склоненъ къ доброжелательству относительно другихъ людей; по себя каждый любитъ болѣе всего на свѣтѣ. Каждый хочетъ удовлетворить своимъ потребностямъ; а средства, предлагаемыя природою для удовлетворенія всѣхъ людей, не окажутся достаточными; изъ этого возникаетъ вражда между людьми, разстройство лежащаго въ человѣческой природѣ взаимнаго доброжелательства. Столкновеніе интересовъ приводитъ къ необходимости установить, съ общаго согласія правила, опредѣляющія отношенія между людьми въ разныхъ сферахъ ихъ дѣятельности. Въ каждомъ обществѣ необходимы правила для государственнаго устройства, для отношеній между частными людьми, для огражденія тѣхъ и другихъ правилъ. Такимъ образомъ возникаютъ законы политическіе, гражданскіе и уголовные. Духъ и размѣръ этихъ законовъ могутъ быть, при различныхъ состояніяхъ общества, чрезвычайно различны; но безъ законовъ, въ томъ или другомъ духѣ, въ томъ или другомъ размѣрѣ установляемыхъ разсудкомъ и измѣняющихся сообразно съ обстоятельствами, не можетъ обойтись общество, пока существуетъ несоразмѣрность между средствами удовлетворенія человѣческихъ потребностей и самыми потребностями.

Для каждой сферы общественной жизни существуютъ свои особенные законы: есть правила, опредѣляющія семейную жизнь (законы о бракѣ, объ отношеніяхъ мужа и жены, родителей и дѣтей); есть правила для развитія умственной жизни (законы о воспитаніи и преподаваніи); есть правила для отношеній между независимыми людьми въ государственной ихъ дѣятельности (законы о правахъ личности и о степени ея участія въ государственной жизни); есть законы для политической дѣятельности (законы о государственныхъ учрежденіяхъ, о формахъ законодательства и администраціи). Каждая изъ этихъ сферъ жизни имѣетъ свои особенные законы, установляемые разсудкомъ, зависящіе

отъ воли общества, измѣняющіеся сообразно перемѣнѣ обстоятельствъ: какъ же не имѣть такихъ законовъ самой важной изъ всѣхъ дѣятельностей, какъ не имѣть ихъ экономическому производству? Еслибъ она не имѣла ихъ, этимъ нарушилась бы аналогія ея съ другими дѣятельностями, нарушился бы основной принципъ существованія общества, который одно и тоже съ существованіемъ законовъ. Мы видѣли, что для каждой дѣятельности не только должны существовать законы, но именно должны существовать спеціальные законы, относящіеся только къ ней и не касающіеся другихъ дѣятельностей. Для семейнаго быта неудовлетворительны законы, опредѣляющіе вообще отношенія между частными людьми по ихъ политическимъ правамъ; и наоборотъ, для политическихъ отношеній между независимыми людьми неудовлетворительны семейные законы. Опять было бы страннымъ нарушеніемъ и аналогіи съ другими дѣятельностями, и основного общественнаго принципа, еслибы экономическая дѣятельность не нуждалась въ своихъ спеціальныхъ законахъ, могла бы удовлетворяться тѣми правилами, какія существуютъ для другихъ дѣятельностей.

Мы видѣли первую причину для необходимости экономическихъ законовъ — несоразмѣрность средствъ, предлагаемыхъ внѣшнею природою, съ потребностями человѣка. Дисгармонія между условіями общей планетной жизни и частными нуждами человѣческой жизни представляется первымъ обстоятельствомъ, требующимъ вмѣшательства разсудка для облегченія этой дисгармоніи, для смягченія этихъ столкновеній. Вторымъ источникомъ является дисгармонія въ самой человѣческой природѣ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что по сущности своей природы человѣкъ есть существо стройное и согласное въ своихъ частяхъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и аналогія съ другими животными организмами, которыя не носятъ въ себѣ противорѣчій, и самый принципъ единства органической жизни въ каждомъ организмѣ. Но подъ вліяніемъ про-

тивныхъ потребностямъ человѣка условій внѣшней природы, самая жизнь человѣка подвергается уклоненіямъ и развиваются въ ней самой противорѣчія. Различныя потребности, разжигаемыя недостаткомъ нормальнаго удовлетворенія, достигаютъ крайностей, вредныхъ для самаго человѣка. Всѣ эти крайности еще болѣе искажаются и преувеличиваются вліяніемъ тщеславія, составляющаго искаженіе основнаго чувства человѣческой природы, чувства собственнаго достоинства. Такимъ образомъ человѣкъ подвергается внутреннему разстройству отъ пороковъ и экзальтированныхъ страстей. Условія, въ которыхъ мы живемъ, такъ неблагопріятны для коренныхъ потребностей человѣческой природы, что самый лучшій изъ насъ страдаетъ этими недостатками. Не забудемъ, что коренной источникъ ихъ — несоразмѣрность средствъ къ удовлетворенію съ потребностями, имѣетъ чисто экономическій характеръ; изъ этого уже легко сообразить, что пороки и экзальтированныя страсти должны самымъ прямымъ образомъ отражаться въ экономической дѣятельности, да и самыя дѣйствительныя средства противъ нихъ должны заключаться въ экономической области; вѣдь надобно обращаться противъ зла въ самомъ его корнѣ, иначе не истребимъ зла. Теперь, если эти противные человѣческой природѣ элементы усиливаютъ необходимость законовъ для каждой сферы общественныхъ отношеній, то какимъ же образомъ могли бы оставаться чужды подобной необходимости экономическія отношенія?

Такимъ образомъ, если мы взглянемъ на вопросъ съ общей теоретической точки зрѣнія, то мнѣніе, будто бы экономическая дѣятельность не нуждается ни въ какихъ положительныхъ законахъ, когда остальныя дѣятельности нуждаются въ нихъ, представится намъ чистою нелѣпостью, нарушеніемъ всякой аналогіи между проявленіями человѣческой дѣятельности въ разныхъ сферахъ и противорѣчіемъ основному принципу общества.

Если бы мы хотѣли придавать какую нибудь важность

разнорѣчію или согласію истинныхъ понятій съ мнѣніями отсталыхъ экономистовъ, мы остановились бы на этомъ фазисѣ человѣческаго существованія, на фазисѣ, обнаруживающемъ нелѣпость отсталой школы экономистовъ для нашего времени. Если бы мы обращали сколько нибудь вниманія на ихъ осужденія о нашемъ образѣ мыслей, мы также остерегались бы высказать наши понятія о тэмъ, каковъ долженъ быть окончательный разультатъ настоящаго экономическаго движенія. Но для насъ все равно, будутъ ли называть насъ отсталые люди обскурантами, реакціонерами или утопистами; и мы такъ убѣждены въ нелѣпости ихъ принципа для нынѣшней цивилизаціи, что охотно покажемъ, когда этотъ принципъ пріобрѣтетъ возможность разумнаго приложенія къ жизни; соглашаясь на его возможность въ чрезвычайно отдаленномъ будущемъ, чрезъ то самое заслужимъ имя мечтателей у людей, держащихся его въ настоящемъ.

Мы видѣли, что необходимость законовъ возникаетъ изъ несоразмѣрности человѣческихъ потребностей съ средствами удовлетворенія. Одинъ изъ самыхъ избитыхъ трюизмовъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ все больше и больше подчиняетъ природу. Когда одно изъ данныхъ количествъ останется неизмѣннымъ (силы природы), а другое (силы человѣка) постоянно возрастаетъ и притомъ чѣмъ далѣе, тѣмъ быстрѣе, то простое ариѳметическое соображеніе показываетъ намъ, что второе количество съ теченіемъ времени необходимо сравняется съ первымъ и даже превзойдетъ его. Такимъ образомъ мы принимаемъ за ариѳметическую истину, что со временемъ человѣкъ вполнѣ подчинитъ себѣ внѣшнюю природу, на сколько будетъ ему нужно, передѣлаетъ все на землѣ сообразно съ своими потребностями, отвратитъ или обуздаетъ всѣ невыгодныя для себя проявленія силъ внѣшней природы, воспользуется до чрезвычайной степени всѣми тѣми силами ея, которыя могутъ служить ему въ пользу. Этотъ одинъ путь уже могъ бы привести

со временемъ къ уничтоженію несоразмѣрности между человѣческими потребностями и средствами ихъ удовлетворенія. Но достиженіе такой цѣли значительно сократится измѣненіемъ въ размѣрѣ и важности разныхъ человѣческихъ потребностей. Съ развитіемъ просвѣщенія и здраваго взгляда на жизнь будетъ постепенно ослабѣвать до нуля разныя слабости и пороки, рожденные искаженіемъ нашей натуры и страшно убыточные для общества; будетъ ослабѣвать и общій корень большинства этихъ слабостей и пороковъ — тщеславіе. Итакъ, съ одной стороны трудъ будетъ становиться все производительнѣе и производительнѣе, съ другой стороны все меньшая и меньшая доля его будетъ тратиться на производство предметовъ безполезныхъ. Вслѣдствіе дружнаго дѣйствія обоихъ этихъ измѣненій, люди придутъ когда нибудь къ уравновѣшиванію средствъ удовлетворенія съ своими потребностями. Тогда, конечно, возникнутъ для общественной жизни совершенно новыя условія и между прочимъ прекратится нужда въ существованіи законовъ для экономической дѣятельности. Трудъ изъ тяжелой необходимости превратится въ легкое и пріятное удовлетвореніе физіологической потребности, какъ нынѣ возвышается до такой степени умственная работа въ людяхъ просвѣщенныхъ: какъ вы, читатель, перелистываете теперь книгу не по какому нибудь принужденію, а просто потому, что это для васъ занимательно и что было бы для васъ скучно не посвящать каждый день извѣстное время, такъ нѣкогда наши потомки будутъ заниматься матеріальнымъ трудомъ. Тогда, конечно, производство цѣнностей точно также обойдется безъ всякихъ законовъ, какъ теперь обходится безъ нихъ прогулка, ѣда, игра въ карты и другіе способы пріятнаго препровожденія времени. Каждая пробужденная потребность будетъ удовлетворяться до сыта и все таки останется за потребленіемъ излишекъ средствъ удовлетворенія; тогда, конечно, никто не будетъ спорить и ссориться за эти средства и распредѣленіе ихъ вообще будетъ обходиться безъ

всякихъ особенныхъ законовъ, какъ нынѣ обходится безъ особенныхъ законовъ пользованіе водами океана: плыви, кто хочетъ, — мѣста всѣмъ достанетъ.

Надежда на такое время — простой ариѳметическій расчетъ. Время это настанетъ: тутъ расчетъ также вѣренъ, какъ то, что въ прогрессіи

1. 2. 4. 8. 16....

явятся наконецъ члены, которые будутъ болѣе милліоновъ, или какого вамъ угодно числа. Но близко ли или далеко до этихъ членовъ, близко ли или далеко это время, — вопросъ другой; мы думаемъ, что оно еще очень далеко, хотя, быть можетъ, и не на тысячу лѣтъ отъ насъ, но вѣроятно больше, нежели на сто, или на полтораста.

Тогда... о! тогда будетъ вполнѣ разумная система, провозглашающая безграничную независимость производства и распредѣленія богатствъ отъ вмѣшательства общественной власти; тогда будутъ современны мнѣнія нынѣшнихъ послѣдователей Жанъ Батиста Сэ. Но теперь наши потребности, къ сожалѣнію, еще не таковы, чтобы экономическая сфера могла обойтись безъ своихъ спеціальныхъ законовъ.

Припомнимъ норму поочереднаго владычества трехъ формъ въ каждомъ явленіи. Въ концѣ развитія экономическія понятія будутъ сходны по формѣ съ тѣми, отъ которыхъ началось развитіе этой науки. Въ концѣ она будетъ провозглашать, какъ провозглашала въ началѣ, безграничную независимость индивидуума отъ всякихъ стѣсненій. Мы, къ сожалѣнію, живемъ въ періодѣ переходной формы, отрицающей такую независимость и выставляющей необходимость подчиненія экономической дѣятельности спеціальнымъ законамъ. Характеръ фактовъ въ концѣ развитія также будетъ имѣть сходство съ тѣмъ, что было при началѣ. Въ половинѣ XVIII вѣка, когда явилась политическая экономія, почти не было конкуренціи. Современемъ конкуренціи также не будетъ; но теперь она существуетъ и ея существованіе

обусловливается необходимостью понятій, несходныхъ съ тѣми, какія были порождены ея отсутствіемъ.

„И такъ, мы не ошиблись, чувствуя къ вамъ антипатію, предполагая обскурантизмъ въ вашемъ утопизмѣ, — скажутъ приверженцы отсталыхъ экономическихъ понятій. — Вотъ вы сами признаетесь, что хотите регламентаціи въ экономическихъ отношеніяхъ“.

Что сказать на это? Развѣ прибѣгнуть опять къ новому трюизму, въ придачу къ тѣмъ, которыми наполнены наши статьи? Вражда отсталыхъ людей противъ новизны основана бываетъ чаще всего на неспособности различать новое отъ давнишней старины. Былъ вѣкъ регламентацій; онъ проходитъ; возвратъ къ нему невозможенъ, и конечно, всѣхъ менѣе могли бы желать возвращенія къ отжившему порядку вещей тѣ люди, которые и настоящимъ порядкомъ недовольны только потому, что находятъ въ немъ слишкомъ много стараго, отжившаго свой вѣкъ и слѣдовательно вреднаго. Регламентація! вотъ въ самомъ дѣлѣ, какая прелесть для насъ! Да вѣдь мы именно потому и расходимся съ отсталой школой что она, гоня регламентацію одной рукой, удерживаетъ и приголубливаетъ ее другой рукой. По секрету отъ отсталыхъ экономистовъ мы сообщимъ читателю, что они величайшіе регламентаторы, какихъ видѣлъ свѣтъ со времени китайскихъ мудрецовъ, составившихъ только знаменитую книгу „Десяти Тысячъ Церемоній“. — „Полноте, какъ это можно? Какимъ же образомъ стали бы поддержкою регламентаціи тѣ люди, которые такъ пылко кричатъ противъ нее“? спроситъ читатель. Какимъ образомъ они стали поддержкою регламентаціи, это мы увидимъ послѣ; а теперь мы скажемъ, отчего они стали поддержкою ея. Причина очень проста: дѣло извѣстное, что излишекъ усердія ослѣпляетъ людей до того, что они ничего хорошенько не могутъ разобрать. Такъ и экономисты отсталой школы въ своей ревности противъ регламентаціи не умѣли хорошенько разобрать, въ чемъ сущность вещи, на которую они напа-

даютъ, и не замѣтили разницы между регламентаціею, т. е. нелѣпостью, и между закономъ, достойнымъ своего имени, т. е. ограждающимъ и развивающимъ свободу, которую давитъ регламентація. Мы попробуемъ объяснить эту разницу нѣсколькими примѣрами, особенно извѣстными въ исторіи регламентаціи.

Начнемъ съ протекціонизма. Онъ имѣетъ цѣлью покровительствовать развитію домашней промышленности, или увеличить государственные доходы. Можетъ ли быть достигнута имъ та или другая цѣль? Ослабленіе торговыхъ сношеній съ другими народами невыгодно дѣйствуетъ и на внутреннюю торговлю, находящею мало возбужденія въ заграничномъ сбытѣ; мало того, что она ослабѣваетъ въ цѣломъ своемъ объемѣ, — она обращается къ отраслямъ производства, наименѣе производительнымъ, пренебрегая выгоднѣйшими. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы поднимать родную промышленность, протекціонизмъ ослабляетъ и портитъ ее. Таможенные доходы при протекціонномъ тарифѣ также уменьшаются, потому что оборотъ внѣшней торговли бываетъ малъ. Протекціонизмъ относительно обѣихъ своихъ цѣлей производитъ дѣйствіе, противное тому, какого желалъ. Мало того, что доходъ государства уменьшается: расходы, по содержанію таможни, страшно увеличиваются на усиленіе пограничной стражи, но контрабанда представляетъ столько выгодъ, что при всѣхъ преслѣдованіяхъ чрезвычайно развивается. Въ народѣ является наклонность обманывать правительство, потому что обманъ легокъ. Контрабандисты и ихъ патроны умѣютъ избѣгать наказаній; между тѣмъ честные люди, вслѣдствіи таможеннаго надзора, подвергаются стѣснительнымъ обыскамъ. Такимъ образомъ коренными чертами протекціонизма являются слѣдующіе факты: 1) цѣль имъ предположенная не достигается на практикѣ; 2) мелочной надзоръ вводитъ государство въ лишніе расходы; 3) жизнь отдѣльныхъ людей подвергается

мелочнымъ стѣсненіямъ; 4) легкость обмана развиваетъ въ націи наклонность къ нему.

Возьмемъ другой примѣръ — законъ, опредѣляющій норму процентовъ по займамъ между частными лицами: въ его дѣйствіи мы увидимъ тѣ же черты. 1) Вмѣсто того, чтобы удерживать проценты на низкой нормѣ, онъ поднимаетъ ее, затрудняя сдѣлки между людьми ищущими денегъ и дающими; 2) вводитъ хлопотливый надзоръ, обременяетъ полицію и судебныя мѣста дѣлами, расходы казны возрастаютъ; 3) частные люди подвергаются стѣсненію; 4) обманъ легокъ: нужно только приписывать проценты къ капиталу; въ народѣ развивается наклонность обходить законъ и обманывать правительство.

Слѣдуетъ ли изъ неудачи, какую терпитъ регламентація въ своемъ стремленіи увеличить государственные доходы, поднять національную промышленность и понизить кредитный процентъ, что сами по себѣ эти стремленія дурны или цѣль ихъ недостижима? Напротивъ, цѣли хороши и достижимы, только нужны другія средства для ихъ достиженія. Пусть правительство улучшаетъ пути сообщенія, охраняетъ безопасность лицъ и собственности, — тогда промышленность будетъ развиваться; пусть оно облегчитъ и обезпечитъ взысканія по кредитнымъ обязательствамъ и тогда процентъ займовъ понизится. Изъ того, что регламентація вредна, не слѣдуетъ, чтобы правительство не могло найти другихъ законодательныхъ мѣръ, ведущихъ къ тому же, что безуспѣшно хотѣла и не умѣла дѣлать регламентація. Теперь посмотримъ, каковы послѣдствія дѣльнаго закона. Положимъ, что издано правило, по которому запрещено въ питейныхъ заведеніяхъ принимать въ залогъ вещи. Каковы будутъ послѣдствія этого правила при сколько нибудь порядочной администраціи? 1) За питейными заведеніями уже и безъ того должна бы была наблюдать полиція; слѣдовательно хлопоты ея не увеличатся отъ новаго положенія; напротивъ, соблазнъ предаваться пьянству и соединенному съ нимъ убійству сократится, слѣ-

довательно и хлопоты полиціи при новомъ правилѣ будутъ меньше, нежели до него, — иначе сказать, государственные расходы сократятся. 2) каждый благоразумный человѣкъ будетъ находить выгоды въ поддержаніи новаго правила; стало быть въ народѣ явится вовсе не желаніе обходить законъ и обманывать власть, а напротивъ, стремленіе помогать власти въ исполненіи закона. Общій голосъ будетъ немедленно указывать полиціи тѣ изъ питейныхъ заведеній, которыя захотѣли бы нарушить законъ. 3) Жизнь частныхъ людей нѣтъ нужды подвергать мелочному розыску; полиція не имѣетъ надобности останавливать человѣка на улицѣ и спрашивать: куда ты идешь, не въ питейное ли заведеніе? и зачѣмъ ты несешь съ собою эту вещь, не за тѣмъ ли, чтобы промѣнять ее на вино? Преступленіе въ нарушеніи закона ловится только при самомъ фактѣ нарушенія, и стѣсненію подвергаются исключительно только нарушители закона и только въ самую минуту нарушенія. 4) При уменьшеніи развратнаго пьянства уменьшается число поводовъ къ убійству, воровству, безпорядкамъ, уменьшается число поводовъ къ семейнымъ непріятностямъ и возникающимъ изъ нихъ дѣламъ; потому каждое дѣло, возникающее изъ поимки виновнаго въ промѣнѣ вещей на вино, предотвращаетъ сотни уголовныхъ, полицейскихъ и тяжебныхъ дѣлъ.

Можно набрать множество примѣровъ подобныхъ законовъ, которые заслуживаютъ въ настоящее время имени дѣльныхъ. При нихъ для администраціи меньше хлопотъ, а для казны меньше расхода, нежели было бы безъ нихъ; они прямо достигаютъ той цѣли, къ которой стремятся; надзоръ за ихъ исполненіемъ легокъ; такъ какъ при нихъ для администраціи меньше дѣла, нежели безъ нихъ, слѣдовательно, они уменьшаютъ зависимость частнаго лица и содѣйствуютъ развитію въ немъ самостоятельности. Регламентація, какъ мы видѣли, имѣетъ признаки противные: она не достигаетъ своей цѣли, опутываетъ жизнь мелочнымъ надзоромъ и развиваетъ качества, дѣлающія нужнымъ усиленіе административнаго кон

троля; наконецъ, она обременяетъ администрацію и убыточна для казны.

Экономисты отсталой школы не умѣли замѣтить этой разницы, и вмѣсто того, чтобы хлопотать о замѣненіи экономической регламентаціи разумнымъ законодательствомъ, стали просто толковать о совершенномъ невмѣшательствѣ государства въ экономическія отношенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отмѣненіе регламентаціи дѣйствительно не оставляло пробѣла въ общественномъ устройствѣ; напримѣръ заграничная торговля по своему существенному характеру ничѣмъ не разнится отъ внутренней оптовой торговли и съ отмѣненіемъ протекціоннаго тарифа не появляется нужды ни въ какихъ новыхъ законахъ, если законы относительно внутренней торговли удовлетворительны. Но одинъ случай не можетъ быть правиломъ для всѣхъ остальныхъ, при томъ и въ немъ ненужность особенныхъ законовъ условливается существованіемъ удовлетворительныхъ законовъ для того дѣла, къ которому относится заграничная торговля, какъ часть къ цѣлому. А что, если какой нибудь важный фактъ общественной жизни не имѣетъ для себя законовъ? Тутъ конечно открывается просторъ произволу и безпорядкамъ. Такъ и случилось относительно конкуренціи, развившейся почти на нашихъ глазахъ, уже послѣ Адама Смита. Еще хуже бываетъ, когда средневѣковыя учрежденія, возникшія волею общества сообразно извѣстнымъ обстоятельствамъ, принимаются за натуральный, не подлежащій никакому измѣненію порядокъ вещей. Таково положеніе поземельной собственности на Западѣ; она возникла изъ феодализма и въ главной массѣ своей представляется остаткомъ его. Теперь составъ и потребности общества вовсе не тѣ, какъ во времена феодализма; но давность времени заставила забыть объ ускуственномъ происхожденіи западной поземельной собственности, и отсталые экономисты всякое желаніе новаго законодательства по этому важному предмету провозглашаютъ нарушеніемъ естественнаго порядка. Что же хорошаго можетъ быть, когда подъ ложной маской

натуральности остается среди новаго общества средневѣковое учрежденіе? Будучи рѣшительно противно потребностямъ новаго времени, оно будетъ служить источникомъ еще гораздо большаго числа бѣдствій и худшей путаницы, нежели служило бы совершенное отсутствіе всякаго порядка.

Подобныхъ учрежденій въ нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ Западной Европы еще больше, нежели такихъ случаевъ, для которыхъ не достаетъ прочныхъ учрежденій.

Поддерживая средневѣковыя учрежденія, находящіяся въ нелѣпомъ резладѣ съ нынѣшними потребностями, или оставляя важныя отрасли общественной жизни безъ всякихъ учрежденій, теорія laissez faire, laissez passer мѣшаетъ возникновенію разумнаго законодательства. Къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ отсутствіе или нелѣпость законовъ, вещь извѣстная: возникаетъ неурядица, на каждомъ шагу грозитъ опасность имуществамъ, лицамъ и всему общественному устройству; общество принуждено прибѣгать къ стѣснительному полицейскому надзору и безпрерывнымъ насильственнымъ мѣрамъ для своего охраненія. Возникаетъ множество стѣсненій изъ нелѣпаго положенія дѣлъ; каждымъ новымъ стѣсненіемъ нелѣпость увеличивается; изъ каждаго насилія или придирки возникаетъ необходимость новыхъ стѣсненій или придирокъ, словомъ сказать, отсутствіе законовъ порождаетъ регламентацію. Вотъ какимъ образомъ теорія невмѣшательства государственной власти въ экономическія отношенія, одною рукою поражая регламентацію, другою рукою поддерживаетъ ее. Жизнь частнаго человѣка въ Западной Европѣ чрезвычайно стѣснена. Англіи въ этомъ отношеніи завидуетъ континентъ; но сами англичане не находятъ себя достойными зависти; чтобы убѣдиться въ томъ, надобно только не почерпать своего знакомства съ Англіей изъ дрянныхъ книженокъ, сочиняемыхъ на континентѣ какими нибудь Монталамберами, а читать то, что пишутъ о своей жизни дѣльные англичане. Вѣроятно много накипаетъ у нихъ желчи, если такіе люди, какъ Карлейль, съ восторгомъ говорятъ о системѣ

правленія, бывшей въ Пруссіи при Фридрихѣ II. Да что Карлейль! — посмотритѣ англійскія газеты: и въ нихъ желчь и юморъ на каждомъ шагу. Но и газеты доступны не каждому; такъ вспомните по крайней мѣрѣ романы Диккенса: восхищается ли онъ знаменитою англійскою свободою? О континентѣ Западной Европы нечего и говорить, мы уже сказали, что онъ завидуетъ Англіи.

Да и чего иного хотите вы? Гдѣ нѣтъ закона, тамъ произволъ, а произволъ самъ по себѣ есть стѣсненіе; кромѣ того, отъ него возникаетъ множество злоупотребленій и опасностей; гдѣ множество злоупотребленій и опасностей, тамъ неизбѣжны стѣснительныя мѣры, т. е. регламентація.

Но что же мы считаемъ дѣльнымъ и разумнымъ законодательствомъ для экономической сферы? Какъ бы это объяснить примѣромъ, противъ котораго не могли бы спорить даже экономисты отсталой школы? Возьмемъ въ примѣръ хотя акціонерныя общества: вѣдь для нихъ были же нужны новые законы, которыхъ не существовало въ среднихъ вѣкахъ. Изъ этихъ законовъ одинъ основной: участники общества отвѣчаютъ только тѣми деньгами, которыя заплатили за акціи; если бы общество обанкротилось, никто изъ акціонеровъ не отвѣчалъ бы за него остальнымъ своимъ имуществомъ. Люди, знакомые съ нынѣшнимъ положеніемъ промышленности и торговли, знаютъ, какъ полезно это правило, какъ сильно оно способствовало къ развитію промышленности, сколько тяжебъ и непріятностей оно предупреждаетъ, какъ развиваетъ оно предусмотрительность и разсудительность во всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ акціонерными компаніями. Другое основное правило: акціонеры имѣютъ контроль надъ своимъ обществомъ; пользу этого правила для всѣхъ частныхъ людей не нужно и объяснять; а отъ сколькихъ лишнихъ хлопотъ освобождаетъ оно административную власть! Мы выбрали примѣръ можно сказать ничтожный, но и онъ достаточно показываетъ, что у новаго общества есть по эко-

номической дѣятельности потребность въ такомъ законодательствѣ, котораго не знала прежняя исторія.

Другихъ случаевъ мы приводить не станемъ, чтобы не назвали насъ утопистами, какъ назвалъ бы Адамъ Смитъ утопистами тѣхъ людей, которые стали бы ожидать чего нибудь хорошаго для торговли и промышленности отъ акціонерныхъ обществъ. Можно только сказать, что если этотъ геніальный человѣкъ не отгадалъ, какой способъ дѣйствія будетъ самымъ сильнымъ двигателемъ экономической дѣятельности чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ него, то какого же вниманія заслуживаютъ полубездарные ученики одного изъ его учениковъ, ограничивающіе всю будущность человѣчества рамками своей узенькой теоріи, составляющей только искаженіе словъ великаго шотландскаго мыслителя?

Каковы экономическія потребности при настоящемъ порядкѣ дѣлъ вообще, было бы неумѣстно излагать въ этихъ статьяхъ, писанныхъ по поводу одного спеціальнаго вопроса о сохраненіи у насъ общиннаго владѣнія землею въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно до сихъ поръ уцѣлѣло. Довольно будетъ разсмотрѣть, каковы признаки этого учрежденія: тѣ ли, которыми отличается регламентація, или тѣ, которые принадлежатъ разумному экономическому закону.

1) Ведетъ ли общинное владѣніе къ той цѣли, которой предполагаетъ достичь, или производитъ дѣйствія противныя своему назначенію? Оно претендуетъ на достиженіе двухъ результатовъ: а) сохранить участіе огромному большинству націи во владѣніи недвижимой собственностью; б) поддержать по возможности равномѣрное распредѣленіе подлежащей ему части недвижимой собственности между лицами участвующими въ ней. Хороши ли эти цѣли, пока не о томъ вопросъ; вопросъ только о томъ, достигаются ли онѣ? Противъ этого никогда не спорилъ никто: для всѣхъ, и для приверженцевъ, и для противниковъ общиннаго владѣнія очевидно, что при немъ дѣйствительно огромнѣйшее большинство націи сохраняетъ равномѣрное участіе въ недвижи-

мой собственности, и нѣтъ ни у кого ни малѣйшаго сомнѣнія, что общинное владѣніе въ чрезвычайно высокой степени достигаетъ тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремится.

2) Уменьшаются или увеличиваются хлопоты и расходы общественной власти существованіемъ общиннаго владѣнія? Увеличивается ли при немъ количество случаевъ для вмѣшательства центральной или хотя бы провинціальной власти въ дѣла частныхъ людей?

Нуженъ ли мелочной и придирчивый присмотръ за частною жизнью для охраненія закона объ общинномъ владѣніи? Каждый знаетъ по опыту, что этого нѣтъ. По общинному владѣнію возникаетъ въ милліонъ разъ меньше юридическихъ споровъ нежели по частной собственности и не бывало еще примѣра, чтобы судебная часть должна была хлопотать о рѣшеніи дѣлъ по общинному поземельному владѣнію. Если бываютъ споры (впрочемъ чрезвычайно рѣдкіе) они рѣшаются въ ту же минуту, когда возникаютъ; рѣшаются тѣми же людьми, между товарищами которыхъ возникли; рѣшаются съ такою простотою, съ такою ясною для всѣхъ вѣрностью, что оба спорившіе признаютъ совершенную основательность рѣшенія. По общинному владѣнію, для центральной или провинціальной администраціи еще меньше хлопотъ, нежели для судебной власти: жизнь этого факта совершенно внѣ сферы дѣйствій центральной или провинціальной администраціи. Это единственный родъ собственности, охраненіе котораго не доставляетъ правительству ровно никакихъ хлопотъ и не требуетъ отъ него ровно никакихъ расходовъ. И по своему принципу и по всемъ подробностямъ и результатамъ своего существованія, общинное владѣніе совершенно чуждо и противно бюрократическому устройству.

3) Теперь не нужно и спрашивать, увеличивается ли или уменьшается отъ общиннаго владѣнія сумма мелочныхъ стѣсненій для частной жизни. Со стороны правительства не

нужно никакого контроля за охраненіемъ его: оно сохраняетъ само себя. Слѣдовательно, изъ всѣхъ родовъ собственности, общинное владѣніе есть тотъ родъ, который наиболѣе предохраняетъ частную жизнь отъ административнаго вмѣшательства и полицейскаго надзора. Точно также надо сказать и о судебныхъ вмѣшательствахъ. Общинное владѣніе такой фактъ, до котораго вообще есть дѣло только тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ прямо касается, и только въ тѣ немногія минуты, когда пересматривается устройство этого факта для опредѣленія его на періодъ времени, во всякомъ случаѣ довольно продолжительный. Затѣмъ, во все продолженіе періода каждый частный человѣкъ остается уже совершенно огражденъ отъ всякой возможности какихъ бы то ни было хлопотъ и споровъ по охраненію своего недвижимаго имущества: никто не можетъ даже и думать вмѣшаться въ его права, или оспаривать ихъ,—опасность, которая ежеминутно виситъ надъ частной собственностью и безпрестанно хватаетъ того или другаго частнаго собственника, призывая его къ тяжбамъ или административнымъ разбирательствамъ. Существенное отличіе общиннаго владѣнія отъ всякаго другаго рода собственности со стороны юридической безопасности состоитъ въ томъ, что оно основано исключительно на одномъ свѣжемъ матеріальномъ фактѣ, который держится въ памяти всѣхъ окружающихъ людей (членовъ общины) и не можетъ подвергаться никакому оспариванію, между тѣмъ какъ собственность всякого другаго рода зависитъ отъ безчисленнаго множества фактовъ, обстоятельствъ и документовъ, чуждыхъ публичной извѣстности и часто неизвѣстныхъ даже тому лицу, къ которому они относятся. Положимъ напримѣръ, что извѣстное лицо получило владѣніе частной собственностью по наслѣдству, и возьмемъ самый краткій и безопасный путь перехода: наслѣдство отъ отца къ сыну. Сколько и тутъ можетъ возникнуть непредвидѣнныхъ опасностей, сколько можетъ обнаружиться безвѣстныхъ документовъ, противныхъ праву наслѣдника! Во первыхъ, законенъ ли былъ

бракъ, отъ котораго произошелъ наслѣдникъ? Законность брака зависитъ отъ тысячи отношеній и никогда нельзя поручиться, что всѣ они уже разъяснены и рѣшены въ пользу наслѣдника. Во вторыхъ, дѣйствительно ли произошелъ онъ отъ этого брака, а не отъ его нарушенія? Тутъ опять все зависитъ отъ безчисленнаго множества доказательствъ, изъ которыхъ довольно одного, хотя бы самаго пустаго, чтобы надолго подорвать безопасность наслѣдника. Въ третьихъ, если извѣстное лицо дѣйствительно произошло отъ законнаго брака, то личность владѣльца дѣйствительно ли та личность, которая признана законнымъ сыномъ извѣстнаго лица? Въ четвертыхъ, не было ли другихъ законныхъ дѣтей, имѣющихъ такія же права? Всѣхъ запутанностей и затрудненій, которымъ можетъ подвергнуться самый фактъ перехода наслѣдства отъ извѣстнаго лица къ другому лицу, какъ его законному сыну, не возможно и перечислить. Но одинъ ли фактъ перехода подлежитъ юридическимъ опасеніямъ? Нѣтъ, вѣдь это только одинъ изъ безчисленныхъ фактовъ, отъ которыхъ зависитъ пользованіе наслѣдствомъ. Положимъ, что наслѣдство перешло отъ отца къ сыну законно; но должно ли было оно принадлежать отцу? Тутъ опять возобновляется вся перспектива прежнихъ затрудненій и споровъ. Это ли одно? Таже самая исторія и относительно дѣла и множества другихъ родственниковъ, съ тѣмъ улучшеніемъ, что при каждомъ шагѣ назадъ страшно увеличивается трудность безспорно опровергнуть сомнѣніе. Ограничивается ли однимъ этимъ источникомъ возникновеніе опасности? Положимъ, что принадлежность извѣстнаго имущества извѣстному лицу безспорна по его происхожденію; но не было ли сдѣлано волею предшествовавшихъ ему владѣльцевъ какихъ нибудь юридическихъ распоряженій, противныхъ переходу? Можетъ быть существуютъ завѣщанія, можетъ быть существуютъ акты продажи или залога, и мало ли какихъ другихъ актовъ, противоположныхъ праву наслѣдства. Мы вовсе не хотимъ сказать, что частная собственность не достаточно ограждена закономъ; мы хотимъ только показать, что находясь въ зависимости отъ безчисленнаго множества фак-

товъ, изъ которыхъ каждый можетъ служить для нея источникомъ юридическихъ споровъ, она представляетъ для огражденія законнымъ путемъ безчисленное множество сторонъ, изъ которыхъ каждая можетъ нуждаться въ защитѣ длиннымъ спорнымъ путемъ, исполненнымъ безпокойствъ и доставляющимъ безчисленное множество хлопотъ для судебной и административной власти. Мы хотимъ только сказать, что всего этого безчисленнаго множества хлопотливыхъ шансовъ, требующихъ правительственнаго вмѣшательства, не существуетъ для права общиннаго владѣнія, которому нуженъ исключительно одинъ фактъ, никогда не подвергающійся никакимъ спорамъ. Принадлежитъ ли извѣстный участокъ общинной земли извѣстному лицу? Всѣ члены общины были на сходкѣ, присвоившей ему этотъ участокъ; сомнѣнія и споры тутъ невозможны, какъ невозможно спорить о томъ, въ какой губерніи лежитъ какой уѣздъ: это извѣстно всѣмъ, кого ни спроси кругомъ, и охота спорить послужила бы только къ общему смѣху. Тутъ нѣтъ вопроса о томъ, дѣйствительно ли Иванъ Захаровъ есть Иванъ Захаровъ, а не какой нибудь подкидышъ или самозванецъ; дѣйствительно ли Иванъ Захаровъ законный сынъ Захара Петрова; законенъ ли былъ бракъ Захара Петрова; не было ли другихъ дѣтей у Захара Петрова; не было ли завѣщанія у Захара Петрова; не было ли долговъ у Захара Петрова, и такъ далѣе, и такъ далѣе. До всего этого никому дѣла нѣтъ. Принадлежность участка Ивану Захарову также ясна для всѣхъ и также безспорна, какъ принадлежность ему тѣхъ мозолистыхъ рукъ, которыми онъ кормитъ свою семью.

Неужели надобно говорить, каковы необходимыя послѣдствія для самостоятельности частной жизни отъ совершенной безспорности имущества? Неужели надобно говорить, что въ этой безспорности лежитъ первое и полнѣйшее условіе независимости частнаго лица? Неужели надобно доказывать, что безспорность правъ частнаго лица служитъ первѣйшею преградою постороннему вмѣшательству въ его жизнь? Или надобно говорить, что чѣмъ проще, очевиднѣе и безспорнѣе факты гражданскихъ отношеній частнаго лица, тѣмъ менѣе

предлоговъ для мелочнаго контроля и стѣсненія его жизни?

4) Надобно ли говорить послѣ этого и о томъ, обманъ или прямодушіе, гражданскіе пороки или хорошія качества гражданина развиваются общиннымъ владѣніемъ? Оно основано на матеріальныхъ фактахъ, всѣмъ извѣстныхъ, не подлежащихъ ни спору, ни утайкѣ. Мысль объ обманѣ въ этихъ фактахъ такая же невозможность, какъ мысль утаить Волгу или Петербургъ. Сутяжничество невозможно; права не могутъ быть потеряны: благопріятствуетъ ли это независимости характера, развитію увѣренности въ томъ, что можно обходиться безъ чужой помощи и протекціи, развитію привычки къ энергической иниціативѣ?

Еще одинъ вопросъ. При общинномъ владѣніи устройство самой важной части экономическаго быта каждаго частнаго лица прямымъ образомъ связано съ его участіемъ въ дѣлахъ общества; рѣшенія общества зависятъ отъ его участія; онъ можетъ имѣть все то вліяніе на нихъ, которое доступно его способностямъ и силѣ характера; не участвовать въ общественныхъ дѣлахъ со всею возможною для его личности энергіею нельзя ему, потому что съ ними связанъ очень важный личный интересъ.

По всѣмъ этимъ признакамъ намъ не трудно рѣшить, къ какому порядку вещей принадлежитъ общинное поземельное владѣніе, къ регламентеціи или къ разумному законодательству. Оно достигаетъ своей цѣли. Оно не увеличиваетъ, а уменьшаетъ хлопоты и расходы правительства. Оно такъ просто, что отстраняетъ нужду во вмѣшательствахъ всякой центральной и посторонней администраціи. Оно даетъ безспорность и независимость правамъ частнаго лица. Оно благопріятствуетъ развитію въ немъ прямоты характера и качествъ нужныхъ для гражданина. Оно поддерживается и охраняется силами самаго общества, возникающими изъ иниціативы частныхъ лицъ.

Мы упоминали о томъ источникѣ, изъ котораго происходитъ вражда добросовѣстной части между отсталыми людьми

противъ новыхъ понятій. Эти бѣдняжки не могутъ понять разницы между старымъ, противъ чего нѣкогда они боролись честно и полезно, и новымъ, вступающимъ въ такое отношеніе къ ихъ обветшалой новизнѣ, обратившейся въ рутину. Когда явился Пушкинъ, всѣ свѣжіе и умные люди стали за него, всѣ обскуранты вооружились противъ Пушкина. Прошло двадцать или больше лѣтъ; обстоятельства во многомъ измѣнились, сообразно съ ними явились новыя требованія въ поэзіи. И вотъ явились люди, которые стали говорить, что Пушкинъ уже недостаточенъ для нашего времени, что нужна теперь и уже возникаетъ новая литература съ новыми дѣятелями, у которыхъ и содержаніе и форма не похожи на прежнѣе, на то, что было при Пушкинѣ.—„Какъ? Вы противъ Пушкина? возопіяли добросовѣстные отсталые люди. Значитъ вы говорите то же самое, что во времена нашей молодости говорили обскуранты, — вѣдь они также возставали противъ Пушкина; значитъ, вы хотите, чтобы общество восхищалось Сумароковымъ и Херсаковымъ?“ Ну да, друзья мои, вы совершено отгадали: Гоголь, какъ двѣ капли воды, похожъ на Державина, Щедринъ на Хераскова, Кольцовъ на Нелединскаго-Мелецкаго. Вы совершенно отгадали въ чемъ дѣло

Какъ бы растолковать добросовѣстнымъ отсталымъ людямъ, что порядочные люди новаго времени проникнуты тѣми же честными стремленіями, какими были проникнуты порядочные люди прежнихъ поколѣній, что только обстоятельства перемѣнились во многомъ, и потому для осуществленія тѣхъ же стремленій приходится дѣлать не то, что дѣлалось прежде? Какъ бы растолковать имъ, что мужикъ, боронующій землю, продолжаетъ тоже самое дѣло, которое дѣлалъ, когда пахалъ ее? Но нѣтъ, толковать объ этомъ напрасно. У кого изъ прежнихъ людей есть способность понимать факты и думать о нихъ своею, а не чужою головою, тотъ самъ это давно знаетъ и новое время чтитъ его, какъ полезнаго дѣятеля современности, наравнѣ съ новыми людьми; чтитъ его выше ихъ, потому что онъ показалъ не совсѣмъ обыкновенную

силу ума и честной твердости, понявъ и принявъ къ сердцу заботы общества, не совсѣмъ похожаго на то, въ которомъ воспиталась его молодость. Честь ему: онъ совершаетъ уже второй переходъ по тяжелому историческому пути и идетъ наровнѣ съ нами или даже впереди насъ, дѣлающихъ нашъ первый переходъ. А что до остальныхъ его сверстниковъ, — богъ съ ними. Исторія обойдется и безъ нихъ. Пусть себѣ твердятъ зады.

Стремленія новой школы къ экономической наукѣ тѣ же самыя, какія были и у старой, когда старая была молода. Только обстоятельства перемѣнились; съ ними измѣнились требованія общества, съ требованіями общества измѣнились и понятія о томъ, что нужно нынѣ для достиженія тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремились и основатели старой школы. Перемѣна не въ предметѣ желаній: онъ одинъ и тотъ же—доставленіе большаго благосостоянія человѣку и, какъ необходимѣйшая гарантія, какъ важнѣйшій источникъ всякаго благосостоянія, развитіе самостоятельности отдѣльнаго лица. Перемѣна и не въ томъ, чтобы отвергалось хотя одно научное понятіе, выработанное прежнею школою. Не безпокойтесь: никто не отвергаетъ той истины, что цѣнность вещи зависитъ отъ отношенія между предложеніемъ и запросомъ, что личный интересъ служитъ сильнѣйшимъ или, пожалуй, единственнымъ двигателемъ всякой дѣятельности; не безпокойтесь: никто не отвергаетъ этихъ и другихъ, подобныхъ имъ, экономическихъ истинъ.

Напротивъ того, на нихъ то именно и основана новая теорія. Ихъ открытіе составляетъ по мнѣнію новыхъ людей славу прежней школы. Разница только въ томъ, что къ старымъ открытіямъ прибавились новыя; что прежними теоремами не исчерпывалась вся истина, что въ прежней теоріи открылись пробѣлы, которые теперь дополнены новою теоріею, какъ и въ ней современемъ найдутся пробѣлы, которые будутъ пополнены трудами слѣдующихъ поколѣній.

Теперь мы говоримъ о томъ отдѣлѣ экономической теоріи, который относится къ вопросу объ участіи общественной силы въ экономической дѣятельности. Старая школа открыла, что одинъ способъ этого вмѣшательства, самый употребительный въ тѣ времена, регламентація, вещь очень вредная. Честь и слава старой школѣ за это благодѣтельное открытіе. Но что же открылось потомъ? Открылось, что тѣ области жизни, которыя не ограждены отъ произвола и слѣпого случая разумнымъ законодательствомъ и разсудительною предусмотрительностью, подвергаются деспотизму произвола. Теорія, составленная тогда, когда этотъ фактъ еще не былъ замѣченъ наукою, оказалась недостаточна. Мы разбирали знаменитую эту теорію и видѣли, что она ведетъ къ пожертвованію правами отдѣльнаго человѣка и его самостоятельностью всѣмъ прихотямъ государства. Кто же вѣренъ духу экономической науки и благородныхъ ея основателей, боровшихся противъ рутины и произвола: тѣ ли, которые держатся рутинной теоріи, или тѣ, которые отвергаютъ ее за то, что она ведетъ къ произволу?

Мы видѣли другой фактъ. Старая школа требовала натуральности въ экономическихъ отношеніяхъ и возставала противъ искуственности; она замѣтила, что природѣ противна регламентація. Прекрасно, но что же открылось потомъ? Было замѣчено, что вся человѣческая дѣятельность состоитъ въ передѣлкѣ природы; что каждое дѣйствіе и каждое желаніе человѣка состоитъ въ замѣненіи фактовъ и отношеній, даваемыхъ природою, другими фактами и отношеніями, болѣе сообразными съ потребностями человѣка. Какъ согласить это разнорѣчіе? Искуственнаго ничего не должно быть, все должно стремиться къ натуральности; и съ тѣмъ вмѣстѣ вся человѣческая дѣятельность состоитъ въ измѣненіи порядка, возникающаго независимо отъ человѣческой воли, т. е. порядка, даваемаго натурою, — какъ соединить эти различные факты? Отвѣтъ ясенъ. Надобно различать человѣка отъ внѣшней природы, слѣпое дѣйствіе силъ внѣшней природы

— отъ человѣческихъ желаній, результаты дѣйствія силъ внѣшней природы — отъ человѣческихъ потребностей. Мы люди, мы смотримъ на все съ человѣческой точки зрѣнія и не можемъ смотрѣть иначе. Изъ этого ясно, въ какомъ объемѣ надобно понимать ту натуру, съ которой должна сообразоваться экономическая дѣятельность. Эта натура — человѣкъ, его силы и потребности. Мы можемъ браться за то только, что въ нашихъ силахъ. Мы должны дѣлать такъ, какъ велятъ наши потребности. Часть природы, человѣкъ, старается передѣлать сообразно себѣ остальныя части. Если вы хотите передать философское выраженіе этому закону, вы увидите въ немъ тотъ же самый законъ, по которому теплое тѣло стремится разлить свою теплоту на все окружающее, лишенное теплоты; тотъ самый законъ, по которому проникается электричествомъ все соприкасающееся съ тѣломъ, въ которомъ развивается электричество. Каждый процессъ природы стремится охватить всю природу. Человѣкъ есть вмѣстилище извѣстнаго процесса, и выходя отъ него процессъ этотъ, процессъ разумнаго устройства и жизни болѣе энергической, стремится внести болѣе энергическую жизнь и болѣе разумное устройство въ остальную природу.

Не безпокойтесь же: тутъ дѣйствуетъ природа; тутъ нѣтъ искуственности, какъ нѣтъ искустенности во всемъ планетарномъ процессѣ, вѣнцомъ котораго является дѣятельность силъ, находящихъ себѣ органъ въ человѣкѣ. И тутъ ничего нѣтъ особеннаго, если одна часть природы, одна ея сила борется противъ другихъ: всѣ силы природы такъ дѣйствуютъ, всѣ онѣ въ борьбѣ между собою. Можно прибавить, что нечего сомнѣваться и въ будущей судьбѣ тѣхъ силъ, которыя представляются нашему сознанію какъ потребности человѣка: когда извѣстный процессъ является крайнимъ развитіемъ другихъ, низшихъ процессовъ, предшествующихъ ему, нечего спрашивать о томъ, удержится ли онъ и будетъ ли онъ усиливаться съ каждымъ часомъ: пока существуютъ другіе процессы, будетъ существовать и онъ; и пока ихъ

непрерывное дѣйствіе будетъ продолжаться, въ каждую данную минуту будутъ приливаться къ нему изъ нихъ новыя силы. Пока остается на землѣ растительная и животная жизнь, историческій прогрессъ будетъ неудержимо идти своимъ чередомъ.

Мы заговорили философскимъ языкомъ объ общихъ принципахъ нынѣшняго возрѣнія на человѣческую жизнь. Что же дѣлать? Каждая частная теорія относительно извѣстной сферы жизни сознательно или безсознательно выводится изъ общаго міросозерцанія данной эпохи. Намъ кажется, что сознательный образъ мыслей лучше безсознательнаго, и показавъ коренное основаніе нынѣшней теоріи, мы можемъ спуститься въ область частной экономической науки и изложить ея прозаическимъ языкомъ нынѣшнія понятія объ одномъ изъ ея вопросовъ. Мы писали эту статью съ тѣмъ, чтобы разъяснить понятія новой экономической школы объ отношеніяхъ государства къ частной инициативѣ въ экономической дѣятельности. Мы старались показать неудовлетворительность отсталой теоріи, желающей освободить частную экономическую дѣятельность отъ всякаго административнаго и законодательнаго вліянія, но вмѣсто того приходящую къ подавленію личности, къ отдачѣ ея на полный произволъ государства даже и въ экономическомъ отношеніи, черезъ сосредоточеніе всей громадной силы, которою располагаетъ государство, въ одномъ направленіи, самомъ неблагопріятномъ для самостоятельности индивидуума. Мы старались потомъ показать, что каковы бы ни были экономическія теоріи общества и государства, всетаки государство имѣетъ громадное вліяніе на экономическую дѣятельность и не можетъ его не имѣть. Прямымъ образомъ экономическая дѣятельность частныхъ лицъ подчинена государству посредствомъ бюджета; косвеннымъ образомъ она подчиняется вліянію каждой законодательной и административной мѣрѣ, каковъ бы ни былъ прямой предметъ государственнаго дѣйствія; слѣдовательно, заключаемъ мы, вопросъ не въ томъ, частная экономическая

дѣятельность будетъ ли подвергаться сильному и прямому вмѣшательству государства: иначе быть не можетъ, пока существуетъ государство; вопросъ только въ томъ, сознательно или безсознательно будетъ производиться это вмѣшательство. Намъ кажется, прибавляли мы, что сознательность и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ другихъ, лучше безсознательности, потому что сознательное дѣйствіе можетъ быть управляемо и удерживаемо въ извѣстныхъ границахъ разсудкомъ, а безсознательная сила дѣйствуетъ слѣпо и безпощадно. О направленіи, въ какомъ должно производиться вліяніе государства на экономическій бытъ, мы также говорили; остается сказать о томъ, въ какихъ границахъ оно должно удерживаться.

Одну изъ нормъ, опредѣляющихъ границы государственнаго вліянія, мы уже упоминали. Эта норма — здравый разсудокъ, главное правило котораго: берись только за то, что возможно. Регламентація тѣмъ и нелѣпа, что хочетъ сдѣлать невозможное. Мы замѣчали также, что невозможность часто лежала не въ самомъ предметѣ, къ которому стремились, а въ средствахъ дѣйствія, которыя были избираемы.

Если бы эта статья не была уже такъ длинна, мы подробно разсмотрѣли бы понятія возможности и невозможности съ ихъ признаками, — этотъ предметъ очень важенъ, потому что въ немъ господствуютъ чрезвычайно странные предразсудки. Быть можетъ, намъ случится заняться имъ когда нибудь въ другой разъ. Теперь замѣтимъ только два обстоятельства. Во первыхъ, часто называютъ невозможнымъ то, что непріятно. Напримѣръ; можетъ ли Франція, при нынѣшнемъ разстроенномъ положеніи своего бюджета, употребить полмилліарда франковъ на заимообразное пособіе промышленнымъ товариществамъ лю цей, занимающихся черною работою? Единственный отвѣтъ всѣхъ обскурантовъ, реакціонеровъ и отсталыхъ экономистовъ: „не можетъ“.— Почему же? „Ей негдѣ взять такую страшную сумму, въ бюджетѣ и безъ того дефицитъ, нація и безъ того обременена налогами, государ-

ственный долгъ и безъ того громаденъ". Ну, а Крымскую войну могла ли она вести? могла истратить на нее болѣе милліарда? И теперь можетъ начать новую войну, которая будетъ стоить еще гораздо дороже? Это она не только „можетъ сдѣлать", это она сдѣлала и сдѣлаетъ. А, понимаемъ.

Другое обстоятельство состоитъ въ томъ, что неумѣнье или нежеланіе принять нужныя средства, смѣшиваютъ съ невозможностью предмета; между тѣмъ, какъ неудача при неудачномъ выборѣ средствъ доказываетъ только, что нужно поискать другихъ средствъ (большей части случаевъ нечего и искать: вѣрныя средства къ достиженію цѣли уже указаны бываютъ умными людьми, только слушать ихъ не хотятъ). Напримѣръ, въ Англіи государство не успѣваетъ улучшить положеніе бѣдныхъ классовъ посредствомъ подати въ пользу бѣдныхъ; изъ этого заключаютъ, что государство и не можетъ помочь имъ прямымъ образомъ. Но какъ употребляются деньги, доставляемыя этой податью? Обращаются ли они на отстраненіе причинъ, производящихъ бѣдность? Нѣтъ, напротивъ, употребляются такъ безразсудно, что содѣйствуютъ усиленію этихъ причинъ. Въ кораблѣ оказалась течь; вмѣсто того, чтобы задѣлать ее, вы только стараетесь вычерпать воду, да еще придѣлали помпу такъ неловко, что отъ каждаго удара рукоятки слабѣютъ тѣ пазы, въ которыхъ находится щель; удивительно ли, что течь съ каждымъ часомъ увеличивается и въ трюмѣ вода прибываетъ? А слѣдуетъ ли изъ того, что нельзя избавить корабль отъ этой бѣды?

Если есть охота, если есть умѣнье, — область возможнаго очень велика; если нѣтъ ни охоты, ни умѣнья, — ничего нельзя сдѣлать путнымъ образомъ. Изъ этого мы видимъ, что если рѣчь идетъ о какомъ нибудь отдѣльномъ случаѣ, вопросъ о возможности чрезвычайно много зависитъ отъ качествъ государственной власти; изъ нихъ главное — охота: умѣнье всегда приходитъ вслѣдъ за нею.

Второю нормою, для опредѣленія границъ государственнаго вмѣшательства, служитъ справедливость. Что такое

справедливость, объ этомъ много спорятъ разныя философскія и экономическія теоріи. Но если читатель согласенъ съ нами, что человѣкъ долженъ смотрѣть на все человѣческими глазами, онъ легко сдѣлаетъ выборъ между разными рѣшеніями. Справедливо то, что благопріятно правамъ человѣческой личности; всякое нарушеніе ихъ противно справедливости; потому отстраненіе всего противнаго человѣческимъ правамъ требуется справедливостью.

Изложеніе нашей теоріи было очень длинно, потому что на каждомъ шагу встрѣчались намъ предубѣжденія, требовавшія разбора. Но сущность теоріи, которая принимается за справедливую и полезную для настоящаго времени современными мыслителями, очень проста и немногосложна; ее можно выразить нѣсколькими трюизмами, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ принадлежитъ къ разряду мыслей, подобныхъ знаменитымъ истинамъ: „солнце освѣщаетъ землю; ночью бываетъ темнѣе, нежели днемъ“ и т. п. Каждый изъ нихъ мы отмѣтимъ особеннымъ значкомъ, чтобы эти златыя изрѣченія не затерялись для потомства.

А. Человѣкъ имѣетъ потребности.

Б. Въ числѣ человѣческихъ потребностей есть такія, которыхъ нельзя не признать законными и неизбѣжными. Онѣ называются неотъемлемыми потребностями человѣческой натуры. О нихъ мы и будемъ говорить.

В. Пока эти потребности какой нибудь личности неудовлетворены, личность не получила удовлетворенія своихъ правъ.

Г. Говорить о правахъ человѣческой личности значитъ — говорить объ удовлетвореніи потребностей человѣческой натуры.

Д. Потому, все, что ведетъ къ лучшему удовлетворенію человѣческихъ потребностей, — благопріятно правамъ личности.

Это первый рядъ трюизмовъ. Вотъ второй рядъ:

Е. Несправедливость состоитъ въ нарушеніи человѣческихъ правъ.

Ж. Справедливость состоитъ въ ихъ охраненіи, возстановленіи и увеличеніи.

З. Каждый человѣкъ обязанъ помогать, по мѣрѣ силъ своихъ, осуществленію справедливости.

И. Что обязанъ дѣлать каждый, то обязаны дѣлать всѣ.

Теперь третій рядъ:

І. Нація состоитъ изъ людей.

К. Всѣ люди, составляющіе націю, разсматриваемые какъ одно цѣлое, называются государствомъ,

Л. Всѣ вмѣстѣ люди продолжаютъ имѣть тѣ же обязанности, какія каждый изъ нихъ имѣетъ въ отдѣльности.

М. Каждый человѣкъ обязанъ, по возможности, дѣйствовать въ пользу справедливости.

Н. Государство также.

Теперь четвертый рядъ:

О. Государство располагаетъ извѣстною степенью вліянія надъ національною жизнью.

П. Всѣ отрасли жизни тѣсно связаны между собою.

Р. Когда изъ предметовъ, тѣсно связанныхъ между собою, одинъ подвергается извѣстному вліянію, этому вліянію не могутъ не подвергаться и всѣ связанные съ нимъ.

С. Экономическая дѣятельность есть одна изъ отраслей жизни.

Т. Государство обязано заботиться о томъ, чтобы его вліяніе производилось сообразно закону справедливости.

У. Справедливость состоитъ въ удовлетвореніи человѣческихъ потребностей.

Ф. Экономическая сторона жизни имѣетъ потребности

Х. Человѣческія обязанности ограничиваются предѣлами возможнаго и благоразумнаго.

Ц. Нормою человѣческихъ дѣйствій должна служить справедливость.

Ч. Государство состоитъ изъ людей.

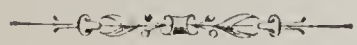
Но мы утомили читателя этимъ длиннымъ рядомъ мудростей, заимствованныхъ какъ будто прямо изъ прописей или изъ прекрасныхъ Premier-Moscou покойницы „Молвы“: „Москва есть первопрестольная столица“ и т. п. Да и алфавитъ почти уже истощенъ. Сократимъ же эту мудрость и скажемъ просто:

Государство не можетъ не имѣть прямого вліянія на экономическую дѣятельность. Всѣ тѣ дѣйствія, которыя требуютъ здравый разсудокъ и справедливость, всѣ они составляютъ не только право, но и прямую обязанность государства.

Короче и проще этой теоріи, кажется, ничего быть не можетъ; вся она возникаетъ изъ соединенія мыслей, несомненныхъ до наивности и тривіальности. А между тѣмъ, читатель, будьте увѣрены, что найдутся люди, которые станутъ говорить: „какая опрометчивая теорія! сколько въ ней софизмовъ!“ Еще больше найдется такихъ, которые скажутъ: „ну вотъ, вѣдь мы знали, что общинное поземельное владѣніе могутъ защищать только люди, не дорожащіе правами человѣческой личности, готовые отдать ее на произволъ государства.“ Пусть говорятъ. Этихъ толковъ мы не боимся. Мы боимся только того, что каждый разсудительный человѣкъ скажетъ: „не смѣшно ли писать длинныя статьи въ доказательство того, что безъ всякихъ доказательствъ ясно каждому, думающему своею, а не чужою головою, и извѣстно, по выраженію Гоголя, каждому, даже не обучившемуся въ семинаріи. Вотъ этого одного приговора мы боимся.

А всетаки слѣдующая наша статья, также очень длинная, будетъ посвящена доказательству той великой истины, что ложка меду, влитая въ бочку дегтя, не виновата въ

томъ, когда вы, отвѣдывая эту смѣсь, ощущаете очень мало сладости.

Проницательный читатель видитъ, что предметомъ слѣдующей статьи будутъ также возраженія противъ общиннаго поземельнаго владѣнія: „почему же, дескать, оно не оказываетъ тѣхъ удивительныхъ дѣйствій, которыя, какъ вы объясняете, должны происходить изъ его натуры?

Въ связи съ этимъ затруднительнымъ вопросомъ, мы будемъ разсматривать другой, столь же важный вопросъ: почему лещъ, вытащенный на берегъ рыболовною сѣтью, не плаваетъ?